

БИБЛИОТЕКА НЕНУЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЮР. МИХАЙЛОВ

ОБНАЖЕНИЕ

ИСПОВЕДЬ УЧЁНОГО СТРАННИКА

СКАЗАНИЕ
ВПЕРЕМЕЖКУ
СО СКАЗКОЙ

МОСКВА - ТАМБОВ - 2022

ББК 84-4
УДК 82
М69

Михайлов, Ю.

М69 **Обнажение (исповедь учёного странника).** Сказание
вперемешку со сказкой / Юр. Михайлов. – М.;
Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. –
376 с. (Библиотека ненужной литературы)

Жанрово никакая и ни для кого особо не предназначенная,
книга повествует о хождении русского мыслителя
за нужной ему мыслью по кушам царящего вокруг
гуманитарного мировосприятия, хождения чуть ли не без-
результатного, однако ..!

ISBN 978-5-00078-589-8

ISBN 978-5-00078-589-8

© Юр. Михайлов, 2022

J. M. W. Turner

Пред-СКАЗАНИЕ

Исаак Бабель заметил как-то, что можно обмануть женщину, но нельзя обмануть (писателю!) чистый лист бумаги, и хоть насчёт женщины Бабель малость погорячился, а вот насчёт чистого листа бумаги оказался, пожалуй, прав, однако с той оговоркой, что это было присуще лишь самому Бабелю, который и в самом деле был честен перед листом бумаги, а что касается вообще на бумагу брошенного, то обманутой сплошь и рядом оказывается не так даже бумага, которая, как известно, «всё стерпит и всё выдержит», а человек — что читатель чего-то кем-то написанного, что его — этого написанного — сам сочинитель.

Да, немало из фактического можно зафиксировать и представить на бумаге, например, как кто-то кого-то послал в сердцах или ж без оных куда-нибудь подальше, но вот как достоверно объяснить на бумаге кто, кого и почему послал, опять же почему именно послал как раз туда, а не куда-нибудь ещё, мало что трактат целый писать надо, так и ведь из этого ничего вполне достоверного и не выйдет: врать придётся и много врать, подменяя реальность дурным и не очень о ней мифом, так сказать, точным о ней мнением, весьма, как водится, произвольным, хотя, быть может, и весьма правдоподобным, таковым, во всяком случае, кажущимся.

Вот и всё! «Что есть истина?». А кто ж это знает? В факто-функциональном плане, в особенности в физио-материальном, кое-что и можно почитать за истину (вроде тех же постоянных величин и соотношений, кое-каких регулярностей и повторов и т.п. вестей), а вот в объяснительно-

понимательном разрезе, да ещё и в духо-сознаниевой сфере, если что и принимается за истину, то, увы, лишь за её — истины — допустимое в том или ином разе отражение, вовсе не такое уж и прямое.

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», — сказал, если не брякнул, русский волхвический пророк Александр Пушкин, может, и правильно сказал, но как быть тогда с «низкими истинами», под которыми великий поэт-мыслитель понимал, конечно, не законы тяготения, притяжения, падения и отталкивания, как и всё остальное подобное, а кое-что другое... э-э... о чём и сказать-то нельзя... да-да... *правду*, именно правду, которая, увы, куда как ниже возвышенной и возвышающей-де нас удобоваримой лжи.

«Ничего, кроме лжи!». Тоже ведь неплохой лозунг, особенно для какой-нибудь газеты «Правда», не говоря уже о научных трактатах, диссертациях и публикациях в СКО-ПУС'ах. Разумеется, кое-какая правда не исключается и там, даже и в газете «Правда», и в тех же научных опусах (а речь у нас прежде всего о гуманитарных творениях), но в целом... э-эх... хорошо ежели искренняя ложь, принимаемая за правду, а то ведь и самая настоящая ложь, как раз из что ни на есть правдоподобных, в которой все мы по обыкновению и купаемся, если не нежимся.

Называй себя гностиком, не называй, а исходной, фундаментальной, животворной правды никогда не узнаешь, да и знать никто из смертных не должен, отчего либо рыдай от обиды пред познанной тобою низкой правдой (незнание и необъяснение ведь тоже правда!), либо плачь от восторга пред возвышающей тебя ложью, включая и научную!

Тогда стоит ли вообще о чём-либо этаким, то бишь приближающем человека к правде, пусть и к низкой, думать,

говорить, писать? Нет, конечно, не стоит, во всяком случае, делать сие для других, кто, как правило, ни в какой добытой тобой правде и не нуждаются, а лишь творя для себя, чтоб не утонуть в пучине... нет, не невежества, не неведения, даже не безразличия... а всего лишь... наивной глупости, пусть для людского окружения и спасительной.

Итак, коли уж у нас и «Обнажение», то не до наготы вовсе телесной и душевной, ещё и личной, а не более чем до сути, пусть и не самой истинной, но всё-таки и не совсем уж лживой; если «Исповедь», то это вовсе не обнажающая всё и вся «до кишок» надрывная речь, а всего лишь речь по возможности искренняя, правдивая, может, в чём-то и праведная; ежели это исповедь «учёного странника», то попросту ментально-вообразительно и понимающе-объяснительно много через что прошедшего, пробредшего, продравшегося, немало поблуждавшего, моментами даже покружившего на одном месте, а то и прозамиравшего вроде соляного столба, хоть потом и оживавшего, и вновь шедшего, правда, уже горé и только горé — аж, до вершины... *незнания*, вовсе при этом не чужака, не чужестранца, не странствующего по странам и весям любознатца, не причудливого заморского гостя, не призрачного ландшафтного скитальца.

А ведь было через что этому страннику, пройти и куда в итоге прийти, было, да и всё ещё есть, коли пишутся эти строки, коли течёт по бумаге неторопливая скучная речь, которая и не может быть пламенной на склоне-то лет, да ещё и посреди предательски переменчивого и глумливо пандемического лета 2021 года.

Наконец, почему-то вдруг «Сказание»! Какое ещё сказание, о чём, да и кому? Ещё и «Сказка»! Это-то зачем? Не более тут как некое вольное, оттого и, надо полагать, не

сильно ответственное, словоизъявление, ничем строго научным, фактическим и достоверным, как в той же, к примеру, химии (и в алхимии, надо заметить, тоже) не подтверждённое, да и Академией с ВАК'ом и СКОПУС'ом никак не утверждённое, а потому ни на что, кроме надуманной сказки, и не похожее, хоть и в сказках всё «не может быть» и «никогда не бывает», хотя почему-то там всё есть «как есть», разумеется, по сути, по смыслу, по правде, а потому ниже следует не сказка как таковая, что, наверное, понятно, а всего лишь *высказывание*, ни на что, кроме нарочитого (как в сказке!) протискивания сквозь старательно и чуть ли не изысканно уже наброшенную на реальность якобы истинно знаниевую вуаль к не более чем *сказочной правде* не претендующее.

У автора этих высокопарных, но не очень-то ободряющих обыденное сознание слов, нет никакого желания кому-то из землян раскрыть на что-то глаза, распечатать для чего-то его душу и, уж тем более, выправить зачем-то мозги, — нет уж, увольте! — а потому здесь именно *высказывание как высказывание* — и ничего более, как для самого автора, так и для самого высказывания, — никого ни к чему не обязывающее и никуда не зовущее высказывание (кому надо, тот поймёт и сам схватит, мало того, ещё и выскажется, ухватив за скользкий хвост его благородие подходящий для того случая!).

Обращает на себя внимание, — и не зря! — брошенная выше вскользь фраза: «сказочная правда», — правда тут вроде бы, да вот почему-то «сказочная», то бишь, может, и не правда вовсе, а лишь какой-то её образ вроде зеркального (в зеркале обычно будто бы ты, но всё-таки... не совсем и ты!).

Правда факта — одно (упал, например, кирпич сверху на одесскую бабку — факт, а вот почему именно этот кирпич и именно на эту бабку — поди-ка объясни!), а вот объяснительная правда — совсем уже другая правда, а уж когда затевается объяснение объяснения — о-о, это уже, знаете ли, настоящая сказка (да и падал ли вообще одесский кирпич на одесскую бабку, как было сообщено в одесской газетёнке — вопрос!).

Правда, конечно, хорошо, но вот как на неё для начала выйти, потом как её объяснить и, наконец, как в ней убедить, да ещё и вовсе не желающих в ней убеждаться? Так что не то что сказки тут не избежать, а уж мифа-то точно, разве лишь какого: дурного, лживого, сносного или правдоподобного, а то и... *правдивого*, как раз по сути-то *сказочного*, пусть и образно-зерцального, но всё-таки приемлемого, пусть хотя бы для подходящего к случаю доверчивого сознания.

Любопытно, что в религиозные догмы надо верить и только верить, а вот в сказки верить не надо, ибо они — факт, как раз тот самый — сказочно-правдивый или же правдиво-сказочный — какая разница! Главное — правдивый, хотя, заметим, никакой фактической правды, кроме нарочитой неправды, в самой сказке нет, а вот *от* сказки в головах-то людских почему-то одна сплошная правда.

Вот на такую правду, что в головах людских рождается и оседает, только и может рассчитывать сказочник-мудрец, а уж при ответах на давно проклятые вопросы: кто, что, зачем, откуда, куда, где, в чём, во что? — лишь в головах крайне редких, можно сказать, что и в сказочных!

Что ж, приступим!

СКАЗАНИЕ КАК СКАЗАНИЕ И КАК СКАЗКА

СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ

Начало

Его, сего мудреца-сказочника, личность, сознание, мировоззрение формировались военно-послевоенным временем XX века — советско-сталинским, социал-товарищеским, трудо-гражданским, победно-героическим, а главное — людским, человеческим, моральным, разумеется, не без сопровождающего людское бытие разнообразного адовско-преисподненского негатива, всяческих там перегибов и перекосов, насилий и несправедливостей, преступных деяний, ошибок, заблуждений, глупостей, нелепостей, однако в целом всё-таки временем позитивным, причём, как ни странно это сегодня звучит — уникально позитивным, исключительным, неповторимым, которого никогда на исторической памяти человечества не было и никогда, даже во внеисторическом воображении, уже не будет!

Исторический миг, но зато *какой* миг!

Фантастический!

Сказочный!

Причём не как сказка как таковая он случился, а как *быль* — *сказочная быль*!

Да, был сей миг оплачен долгой и изнурительной борьбой, страданием, насилием, безумием, варварством,

беззаконием, принуждением, рабством, жертвоприношением, кровью, о-о! — чего только из кромешного не случилось в ходе и по итогам бешеной революции 1917– 1922 гг., жестоких карательно-переделочных и устроительных 1930-х, беспрецедентно тяжкой, ожесточённой и жертвенной войны 1941 — 1945 гг., репрессивных всполохов 40-х и 50-х.

Не хочется об этом писать, а приходится: куда от неё, от правды, пусть и по-разному трактуемой? — хоть и куда легче писать о другой правде, как раз той самой — *сказочной*, свидетелем и участником, продуктом и плодом которой ему — учёному-страннику — довелось быть — сизмальства до, скажем так, первой зрелости, то бишь до становления его как самостоятельной в ментально-творчески-гражданском плане личности.

Хронологически, если учесть год появления сей личности на свет, совпавший с годом начала Великой войны, его период развития, взросления, набирания всякой житейской премудрости, впитывания жизненных соков, обучения, познания, вхождения в большую деятельность и высокую науку, обретения личностной зрелости, или же самости, занял примерно четверть века — с конца 40-х до конца 70-х, — бывшим как раз тем самым периодом в жизни родной страны, когда не только вершились великие дела, но и когда, несмотря ни на что негативное, правда, уже всё более житейское, чем нарочито репрессивное, когда жизнь могла полноправно почитаться за полноценную, пусть и не лишённую, повторяю, острых проблем, несовершенств и всяких людских плохостей, но всё-таки за вполне себе *полноценную жизнь*!

Жизнь, пронизанную классическим, в меру и традиционным, прошлым, наполненную деятельным, совместным, пристойным настоящим, овеянную благонамеренными, может, и не слишком оправданными, но зато уверенными в своей экзистенциальной правоте ожиданиями.

Жили, учились, дружили, трудились, мечтали, творили, семействовали, признавая другого, уважая достойного, а главное — *были вместе!* — все сразу, но никак не толпой, а организованным единым социумом, поколениями, ровесниками, полами, народами, сельчанами, горожанами, гражданами, трудовыми коллективами, службистами, армейцами, короче — *соборно!*, хоть всеобщее это единение тогда так и не обзывалось; но что интересно, если не попросту занимательно: без царя с самодержавием, без церкви с религией, даже без диктатора с понуждением (диктатор ушёл в 1953 г., хоть и осталось им порождённое высшее единоначалие, становившееся, правда, всё менее жёстким и всё более коллегиальным), однако с единой гуманистической идеологией, с пронизывающей всё общество руководящей структурой (партией), пусть и в закрытой, хотя и не абсолютно, но во всё более открывавшейся внешнему миру, стране.

Держалась эта жизнь не только и, быть может, не столько на возникших ранее и в меру затем скорректированных силовых установлениях, сколько на особом кроя *людей* — *ЛЮДЯХ!* — созидателях и победителях, как раз «сталинских соколов», объединённых общей идеологией, единой партией и совместной, вполне себе программировавшейся, экзистенцией.

Поколение подвижников, героев, победителей — *для всех!*

Если и не свобода была в ходячем понимании, то уж *свободное служение* общему делу; если и не реальное социальное братство... но почему же и не братство, ежели самое настоящее братство — как *единение каждого со всеми и всех с каждым*; если и не равенство всех и вся, то признание каждого со своей (каждой!) экзистенцией — без выбрасывания «неудачников» на обочину, в яму, в утиль.

Сказка? Да, сказка, точнее же — *сказочная быль*! Было? Было! И ныне стало действительной сказкой — как раз сказкой как сказкой, мифом как мифом, пусть, даже для кого-то и небылицей как небылицей, но, заметим, никак не ложью, ибо знаемо было это, пережито, засвидетельствовано!

Здесь уж нашего брата не проведёшь!

Да вот как всё это ныне объяснить, ибо невероятно, невозможно, нереально? Однако же было! Достаточно сравнить хотя бы всё нынешнее «культурное» вроде литературы, «кина», ТВ, художеств, того же театра, той же эстрады, КВН, «юмора» и т. п. «вещей» с тем, что было тогда, чтобы не только заметить космическую разницу между одним и другим, но и понять, где было сполна человеческое, а где зиждется почти сплошь бесовское, хоть вроде бы во внешне человекообразном исполнении.

Продержалась страна необыкновенной страной четверть века после Великой победы в Великой войне — **ЗОЛОТЫМ ЧЕТВЕРТЬВЕКОВЬЕМ!**, но, вовремя и верно не изменившись, стала духовно и энергично хиреть, аккурат с уходом главного поколения её создателей и, что особенно важно, на себе, на своих титанических руках, плечах, мозгах и натурах её державших.

Сколько же можно было держать сие великое без великих перемен, на которые великие как раз и надеялись, но которые — эти самые перемены — так и не состоялись! После-сталинское правление оказалось не то что не на высоте, а для великих переустроительных дел попросту никчёмным — *всё!* — поездило-поездило на сталинской наследной платформе да на великих сталинцах, да и подвело уникальную страну-цивилизацию (мир людской!) сначала под мертвенный застой, потом под гнилостное разложение, а затем и под подлейший (вполне себе предательский!) крах.

Он, этот наш мудрец-сказочник, был очевидцем, участником и явным сторонником прошедшего за послевоенные четверть века великого и славного мирособытия, совершённого лично его и его сверстников предками — дедами, отцами, матерями, бабками, делавшими и не делавшими Великую революцию, но зато поучаствовавшими в Великом преображении страны, в создании Нового мира, Новой цивилизации, Новой экзистенции, ещё и одержавшими Великую победу в Великой войне, прорвавшимися в Космос, причём надо особо заметить, в преображении и победных событиях, совершённых людьми, родившимися по преимуществу до Великой революции, ещё в Российской империи, как раз *там*, в *ином* ещё мире, в *русском*, успев *там* и вырасти, и повзрослеть, а потом, пройдя через жуткие перипетии гражданской (людско-нелюдской!) смуты и страшной мировой войны, взять, да и соорудить что-то и впрямь сказочное, называя сию сказочную быль советско-социалистической, хотя по сути она не была ни советской, ни социалистической, зато была уникальной, человеку подобной, даже по-своему, пусть и ограниченно, праведной!

Интересно, не правда ли?!

Да, надо бы всё *это* как-то удобоваримо объяснить, попытка чего и будет ниже сделана, но чтобы что-то в этом объяснении понять, надо бы пояснить, в кого или во что он — объясняющий — за время с конца 40-х до конца 70-х превратился, кем и чем, так сказать, стал как раз в ментально-творчески-гражданском отношении.

Он застал и хорошо помнит сталинское время, неоднократно видел «отца народов» на праздничных демонстрациях, сидя на плечах отца, на спортивных праздниках на стадионе «Динамо», сидя рядом с отцом, может, то был и не сам Иосиф Джугашвили, а его двойник, но то был... *Сталин!* Его восторженно приветствовали на Красной площади, ему охотно аплодировали на стадионе, что примечательно, без раболепия, истерик и наигранного пафоса.

В школе, а он учился до 1954 г. в мужской школе, как и в пионерском лагере, в котором бывал под Истрой среди многих примет ещё недавней войны, включая и скромные братские могилы, Сталина не пропагандировали, поклоняться ему не заставляли, в сталинизм не погружали, да и вообще обходились почти без сборов, собраний, не говоря о политзанятиях и прочей кукольно-пионерской мишуры, без тех же звонкоголосых песен, нарочитых речёвок, хотя и не без военных игр в пионерлагерях, не без спорта, не без походов по лагерным окрестностям, не без внимания к последствиям войны, включая заботу о воинских захоронениях.

О Сталине тогда вообще почти не говорили, жили себе под ним и жили, а явно заговорили уже по случаю его смерти, сокрушаясь по поводу возможно-невозможного будущего: с кем, как, куда?

Запомнились гудки заводов и фабрик, паровозов и даже автомобилей в минуту водружения тела вождя в мавзолей и его помещения рядом с Лениным. Ещё и озабоченно сочувствовали разговорам взрослых о состоявшейся по случаю похорон народной давке, унесшей, якобы, сотни, а то и тысячи, жизней.

Пришло и понеслось вскачь послесталинское время с его явными гражданскими послаблениями, прекращением политпреследований, выпуском политзаклѳченных, заметным улучшением жизни, в особенности в деревне. Случилось и бериевское дело, воспринятое людьми как закономерное и справедливое.

В 1954 г. попал по разнарядке свѳше в другую школу, бывшую до того женской, а тогда ставшей, как и все другие московские школы, гендерно смешанной. Надел гимназическую форму. Да что толку: другая школа, другие порядки, другая методика. Стал, как и другие его сверстники-мальчишки, учиться хуже, превратившись из круглого отличника просто в хорошо успевавшего. То был первый серьёзный реформный удар по школе, хотя пока ещё и не катастрофический.

С 1955 г. стал учиться в сельской школе, всегда бывшей по гендерам смешанной, в очень даже неплохой школе. Подтянулся, вновь став отличником. А в 1956 г. по собственному желанию вернулся в Москву, в свой класс, но... вместо серьёзной учёбы... стал валять дурака, скатившись до троечника. Почему? А кто ж его знает, разве лишь по мотивам переходного возраста. «Умная у тебя голова, — как-то бросил ему преподаватель математики, фронтовик, инвалид, яркая

личность, — да дураку досталась». Засело в умной голове юного дурака, засело!

Спохватившись, снова уехал в деревню, где, выправив ситуацию, закончил школу в 1958 г. с одной четвёркой (по сочинению, хотя писал сочинения всегда на отлично, ещё и образцовые), а потому остался без золотой медали (серебряные на тот момент отменили).

В деревне вступил в комсомол (1955 г.). Что в Москве, что в деревне пользовался библиотекой, читая в основном русско-советские книги, вполне гуманистические, гражданские, патриотичные. Формировался как русско-советский человек, среди русско-советских людей, в гуще русско-советской культуры.

Родился наш герой в 1941 г. в Ростове-на-Дону, где до сих пор стоит дом, построенный его отцом, но после эвакуации в 1942 г. оказался в Москве по причине назначения отца на работу в столицу, где и бытовал до 1955 г, в котором случился переезд отца в деревню по его добровольному желанию — поднимать село в качестве председателя колхоза (был такой призыв партии). Так он стал на некоторое время сельчанином, познав все прелести деревенской жизни и сельского труда, а главное — тяжкой, но насыщенной смыслами и событиями, исконно русской жизни. Он и в Москве был русским, но там не было воистину русского мира, с которым он сошёлся уже в деревне, кстати, тогда обильно населённой, полнокровной, живой, тамбовской, между прочим, с памятью о гражданке, голодах, оброках, поборах, о тамбовском восстании 1922 г., о НЭПе, о раскрестьянивании и насильной коллективизации, ну и, конечно же, о войне (половина из восьми сотен участников войны погибла, часть вернулась

инвалидами, часть где-то осела на просторах страны, но немалая часть вернулась в село, трудилась, хлеборобствовала). Хороший, вовсе не местнический, язык; свободная речь; рисуночная статья; мужская и женская красота! В общем — настоящий русский народ; до революции государственные крестьяне, платившие налог и служившие в армии, а тогда уже колхозники, антисоветски никак не настроенные, хотя и немало разуверившиеся в возможности подъёма своего коллективного хозяйства и заметного улучшения жизни; однако довелось им и поверить, и поучаствовать, и много чего благого под водительством отца-подвижника достичь.

Оставив намерение сделать сельскую, по примеру отца, карьеру, как когда-то пришлось ему оставить мечту о военном (суворовском, офицерском) поприще, оказался вновь в Москве, поработал на стройке такелажником в СУ–108 треста «Мосстрой-18» и слесарем-инструментальщиком в СКБ «Газприборавтоматика» при Главгазе СССР, походил вечерами на подготовительные курсы в МГУ, где более спал после трудового зимнего дня, чем собственно учился, поступил в первый вуз страны, на политэкономию, как тогда говорилось, специализируясь по зарубежной экономике, по Франции.

Был три года бессменным комсоргом курса, как и ранее побывал в деревне комсоргом колхоза (год ещё жил там и работал по окончании школы), вступил на последнем курсе в партию (исключение!), красного диплома не получил по некоторой оплошности, но стал аспирантом, а через год оказался уже не комсоргом, а секретарём вузовского комитета комсомола, прослужив в этой должности три года, потом вернулся в аспирантуру, принялся за диссертацию, стал в

родном вузе на родном факультете преподавателем политэкономии, защитил диссертацию, попал на стажировку во Францию, в Парижский университет, затем издал свою первую книгу и, как оказалось, стал вполне себе профессиональным учёным и преподавателем.

Итак: московское военно-послевоенное детство со школьно-дворовым мальчишеством и первой юностью; сельское школьно-юношеское бытие с погружением в исконный русский мир; студенческие и комсомольский университеты с овладением знанием, его осмыслением и посильным приращением, а также познанием номенклатурной жизни и искусства социального управления; профессиональное погружение в западный (европейский, французский) мир; становление учёного-профессионала.

Как раз с конца 40-х до конца 70-х — времени расцвета социализма-советизма (сталинизма) и времени его сначала подспудного, а затем и всё более явного кризиса, как и попыток, как оказалось, неудачных, — его — этого кризиса — недопущения и преодоления.

А что же творилось в его сознании, в его уме и душе, в его миропонимании, в его становившейся и ставшей во весь рост личности?

Да, родился, вырос, сформировался среди советских людей, как старших, которых почитал, так и сверстников, которых уважал, по преимуществу среди русских людей, хотя и не только, в общем — был, стал, стался советским русским, вовсе не гоголевско-щедринским русским-де «придурком» и не зиновьевским «хомо-советикус'ом», а вполне себе здраво-мыслящим русско-советским человеком, ответственным гражданином своей страны, сознательным патриотом, вовсе

не комиссаристым догматиком, но и не диссидентствующим отрицателем возникшей и бывшей при нём цивилизации, пусть и сталинской, коммунистической, большевистской, ибо было за что её — эту цивилизацию — признавать, ценить, ей споспешествовать

Иное дело — обратная сторона сей цивилизации, которая тоже была и была весьма чувствительной, — и не только по причине своей затянувшейся масштабной репрессивности, которую всё-таки удалось сначала ослабить, затем преодолеть, пусть, может, и не до конца, но и по мотивам идейно-поведенческого пресса, давившего на людей не так даже своим догматизированным смыслополаганием, пусть и мифоподобным, как своей для здорового, образованного и динамичного человека «тисковой узостью», что не могло устраивать не то что какого-нибудь заядлого диссидента, но даже и вполне лояльного к существовавшей цивилизации гражданина.

Пресс этот и обеспечил в конце концов погубление немалого замечательной цивилизации: догма, пусть поначалу оправданная и даже неплохо вроде бы срабатывающая, непременно приводит её слишком упрямого приверженца к концу — хоть отдельную персону, хоть многочисленный народ, хоть даже и целую цивилизацию!

Видел ли он «оборотку», о которой речь, чувствовал ли её, осознавал ли? Разумеется, да: видел, чувствовал, осознавал, но исходил долгое время из возможности противодогматических перемен, в особенности после удаления с политической арены хитроумного, примитивного, взбаломошного, если не дурашливого, и крайне вредного победителя Бери, разоблачителя «культа личности Сталина», гонителя

«антипартийной группы», как и погубителя не раз его выручившего «маршала победы», и также с первой серьёзной попыткой перемен («косыгинской реформой»).

Видел, чувствовал, осознавал, мало того, старался, как мог, противостоять догматике, корректировать вокруг него происходящее, чему-то сопротивляясь и чему-то, наоборот, способствуя, не скрываясь в тени, отстаивать, по возможности, правду и справедливость, стоять за потребные стране перемены, им как-то споспешествовать. Хотелось сохранить главное — общность, социальность, совместность, товарищество, разумеется, в сочетании со свободой личности, слова, деяний, творчества.

И ничего долговременно стойкого у цивилизации не вышло: как оказалась внезапной вспышкой, так вмиг и погасла!

Как возникла вопреки человеческому бытию-истории (если оценивать в веках!), так и исчезла, но уже не вопреки, а как раз благодаря человеческому бытию-истории (если тоже судить в веках!)!

Не подошла она надолго бытию-истории в своих лучших проявлениях, зато подошла в худших, да не только в своих, а и вообще в человеческих, её споро, надёжно и не вдруг похоронивших.

Преодоление

Став к сорока годам полноценным учёным в потоке общепринятой в стране и за рубежом научно-гуманитарной мысли — просвещенческой, евромасонской, марксистской, он уже не просто замечал исходную противоречивость и

ограниченность занимавшей его науки — политэкономии, её оторванность от реальности, но и вполне отчётливо понимал, что наука сия не подлежала развитию и совершенствованию ни тогда, в его уже время, ни ранее, ни в будущем, что следовало как-то выходить за её пределы, идти на её преодоление, что он ментально и даже текстуально для себя и проделал, начав создавать нечто иное, как *философию хозяйства*, ещё ничего не зная о своём предшественнике начала XX века С.Н. Булгакове и его смелом прорыве как раз к *философии хозяйства*, однако, осознав бесперспективность своей попытки прорваться через висевшую перед ним марксистскую (если уже не псевдомарксистскую) политэкономическую завесу (если не возвышавшуюся перед ним стену), оставил сию дерзкую творческую затею до лучших времён, которые для него наступили аккурат через десять лет — уже после защиты им докторской диссертации по тоже новаторской, но не столь уж «одиозной», какой тогда казалась философия хозяйства, теме — по проблемам *хозяйственного механизма*.

Создавая и защищая диссертацию, он не просто порасуждал новаторски по сей актуальной тематике, а создал целостную *теорию хозяйственного механизма*, не то чтобы прямо противостоявшую политической экономии, как кое-кому тогда казалось, но, выходя за её догматизированные пределы, явно освежавшую теоретическую экономию вообще.

Сразу после защиты докторской диссертации набросился на отложенную ради неё — этой защиты — философию хозяйства, выдав через год-полтора вполне себе оригинальную монографию «*Опыт философии хозяйства*» (1990), где изложил *свою* концепцию философии хозяйства, однако

выполненную ещё в научной манере — как научную философию, ещё и не разделяя в смысловом плане «экономику» и «хозяйство», хотя и сделав уже акцент всё-таки на хозяйстве, а не на экономике — более интуитивно, чем строго осмысленно.

Однако начало освобождению от чисто политэкономической, а затем и собственно научной (научно-гуманитарной) догматики было тогда положено, пусть ещё и не слишком осознанно, осмысленно и явно. Несмотря на уже достаточно критическое отношение ко впитанной в себя научно-гуманитарной культуре, он тогда ещё упорно искал недогматических разрешений в сфере самой же научно-гуманитарной догматики.

Чем тут не оксюморон, понимаешь ли!

Да, он целеположенно вошёл в сферу философии, расширив для экономической науки предметный онтос и обогатив содержательно гнозис, но понимал при этом, что реальность всё равно оставалась во многом не просто самою по себе, что понятно, но и была качественно... *другой*, а расхожее учёное знание о ней очень мало ей соответствовало.

Мысль его поэтому не останавливалась, более того, активно поощрялась, если не подгонялась, во взятом им направлении, чему причиной были не только стремление выйти из гносео-онтологического тупика, но и обусловленные потребностью преодоления нараставшего кризиса советско-социалистического строя и необходимостью его — этого строя — серьёзной трансформации, что поставило под большой вопрос всю официальную обществоведческую, да и многую вообще гуманитарную, науку, а потом уже буквально атакованную случившимися в стране антисоветскими

и антисоциалистическими, мало того, ещё и антистрановыми (развал СССР) и даже антирусскими (активная русофобская пропаганда), переменами (ревпереворот рубежа 1980 — 1990-х годов), попросту поставившими жирный крест на явно уже обанкротившейся социо-гуманитарной науке.

Стало окончательно ясно, что новое гносеологическое решение уже не могло появиться на прежней (как раз обанкротившейся) парадигмальной основе и сформироваться во что-то дельное в прежнем научно-позитивистском русле.

Поиск новой концептуальной основы и нового методологического русла совпал у нашего мыслителя со всё большим знакомством со ставшей тогда уже доступной широкому читателю новейшей (с конца XIX в.) русской мировоззренческой мыслью, как раз и преодолевавшей границы научно-позитивистского подхода, выйдя в собственно метафизическое размыслительное пространство.

Особо сильное впечатление на него произвели труды Вл. Соловьёва, С. Булгакова, Н. Бердяева, ну а в самый центр попала, конечно, булгаковская *«Философия хозяйства»* (вновь уже после 1912 г. — года её первого и, кажется, тогда последнего опубликования, увидевшая свет в 1990 г, аккуратно после выхода в свет в том же самом году его — нашего учёного-странника — *«Опыта философии хозяйства»*).

Да, ознакомился, впечатлялся, впитывал, раздумывал, в особенности по поводу философии хозяйства С. Булгакова, будучи как раз самым, наверное, на тот момент подготовленным, заинтересованным и заинтригованным читателем классического булгаковского труда (любопытным всё-таки оказалось внезапное схождение деяний, событий и вестей: открытие философии хозяйства, несмотря на нарочитое

забвение булгаковского труда, причём переоткрытие в том же самом учебно-научном заведении — Московском университете; выход в свет в 1990 г. двух работ — его, новой научно-философской, и булгаковской — старшей по возрасту, первопроходческой, философско-метафизической, а потом и соединение, вовсе при этом не механическое, обоих живительных токов в дальнейшем философско-хозяйственном и вообще мировоззренческом творчестве актуального мыслителя, о котором как раз здесь и идёт речь).

Нет, не сразу, не вмиг, сей мыслитель вышел на метафизическую дорогу, а тем более на *свою* дорогу, на беспокойный личный когнитив, однако-таки вышел, чему способствовали, помимо его погружения в оригинальную русскую философию конца XIX и XX вв., три важных обстоятельства: одно было вполне объективным, выразившимся в разверзшейся в ходе социо-хозяйственных перемен реальной реальности, заявившей во весь свой уже вполне себе пронзительный голос, что она и в самом деле *другая*, причём на все свои явленность и сокрытость, глубину и масштаб, фактичность и смысловость, мощь и немощь, истинность и фиктивность, благодетельность и зловредность, высоту и низость, сакральность и земность, ну и, разумеется, мнимую физичность, которой никогда и не было в социо-гуманитарной реальности, а потому и её — этой реальности — принципиальную ненаучность (пусть, малую научность) и столь же принципиальную метафизичность (как раз очень большую), которой она — реальность — была полна, отчего была и весьма идеократична; вторым обстоятельством, уже субъектно-субъективного свойства, стало вдруг свалившееся на мыслителя государственное служение обществоведческой,

гуманитарной, экономической мысли в качестве руководителя создававшегося им и в итоге образованного Правительством СССР во всё том же 1990 г. при МГУ междисциплинарного научного учреждения — *Центра (НИИ I категории) общественных наук*, что дало возможность действовать в высшей степени самостоятельно, никому практически не подчиняясь и ни на что, кроме поиска истин, не ориентируясь; наконец, третье обстоятельство, выразившееся в почти что всегда немислимом, но вдруг состоявшемся в лихие реформно-революционные 1990-е, а потом и в нулевые 2000-е, освобождении социо-гуманитарной мысли от каких-либо официальных, институциональных, профессиональных, учрежденческих или даже попросту цеховых догмо-цензурно-коллежских оков, что в сочетании с первыми двумя обстоятельствами и позволило научнику превратиться в *метафизического мыслителя*, причём мыслителя нового метафизического толка — *пост-научного*, так сказать, метафизика XXI в., а не, к примеру, того же ещё *донаучного* XVIII в.

В конце концов он таки возник — новый учёный, новый мыслитель, новый метафизик, разумеется, с *иным* мировоззренческим гнозисом и открывшимся перед создателем, носителем и реализатором иного гнозиса *иным* мировым онтосом!

Это был безусловный прорыв в *иное* смысловое миропространство, что позволило не только выйти на *новую гуманитарную метафизику*, как и войти в *новый гуманитарный концептуализм*, восходившие, что надо особо подчеркнуть, не так к состоявшимся ранее концептуалиям и учениям, как к самой на сей исторический момент буквально *разверзшейся* (иначе не скажешь!) реальности, обнажившей обычно

скрытые от затуманенных глаз и спящего ума внутренние экзистенциальные пружины вплоть до крайне inferнальных, а потому и выплеснувшей на гора и свою собственную *бытийно-историческую метафизику* (не только гнозис метафизичен, но и онтос тоже, причём вполне активно метафизичен, он, откровенно говоря, тоже мыслит, хоть и не так, как человек или как, надо полагать, Господь Бог, но... Sic!.. мыслит, пусть всего лишь «мыслит», но ведь мыслит же!).

В итоге случилось вполне на первый, второй и даже третий взгляд сказочное соединение в одном размыслительном... чуть было не сказал... флаконе, нет, конечно, не во флаконе, а в ... очаге, двух наличных и вполне себе действенных метафизик — гносеологической (субъективной) и онтологической (объективной), скорее даже наоборот — онтологической и гносеологической, давшее некую интегральную *суперметафизику* (*метаметафизику*), да и вообще уже никакую не «физику», а просто *метаметалогию* (*суперметалогию*), как раз и открывшую возможность куда как более *иного* толкования всего сразу: что феномена самого человека, что феномена человеческого мира, что вообще бытия-истории, что... э-э... того, что зиждется в человеках и что кружится вокруг них, что сидит здесь и что бродит там, что ворочается там и что бурлит здесь, что исходит отсюда, а что приходит оттуда и что вершится здесь, в общем — всего сразу, причём целостно, холически, а ежели чуть по-новому, — как раз по его, нашего мудреца, новому, — то *полнелектически*, когда всё в одном, а одно во всём, ещё и в борьбе всего со всем, ну и, разумеется, в отрицании всем всего, да мало что одним другого, но ведь и самого себя тоже: вроде

бы есть что-то, а его и нет, вроде бы чего-то нет, а оно, видишь ли, есть!

Сказка, одним словом!

Сказочное преодоление сказочно ложного и сказочный вырыв к сказочной, то бишь непроговариваемой до конца, правде!

Не хухры-мухры тут вовсе, а СОБЫТИЕ!

Смена вех!

Каких же вех и на какие вехи?

Обретение

Как и всякий житель цивилизованной страны, то бишь страны с культурой, образованием, наукой, воображением, странник наш поначалу, да и весьма долго, шёл по гуманитарным вешкам, вехам, веховинам (большим вехам), расставленным старшими поколениями вехознатцев, пусть и по не прямым и не ровным, а более всего извилистым и ухабистым, а то и кривым, труднопроходимым, а то и вовсе непроходимым гуманитарным дорогам, дорожкам и тропинкам, сначала прислушиваясь к взрослым, старшим, бывалым, затем, внимая учителям, преподавателям, профессорам, не пренебрегая и суждениями ровесников, много читая, вчитываясь, изучая, осваивая и осваиваясь, в общем — формируясь, образуясь, становясь, а со временем и в подошедший срок заговорив после ряда пробных попыток, и *своим* голосом — уже не молодого, но зато вполне себе зрелого и самостоятельного учёного, ставшего способным добавить и своих вех на освоенном и в меру обогащаемом им бескрайнем гуманитарном поле.

Поглощённый немалое время царствовавшей наукой и сходящийся с осмысливаемой наукой реальностью, странник начал с постановки вполне ещё адекватных науке и внешней феноменальной реальности вех. Каких же?

Первая веха: *государственно-экономическая* (можно и наоборот — *экономо-государственная*), которая вылилась смысловó в три главных утверждения: 1) экономика в своём развитом (цивилизованном) виде не отделима от государства, в нём нуждается и от него зависит (экономика этатична, государство экономично); 2) экономика XX в. — *огосударствлённая экономика*, однако в меру, определяемую методом проб и ошибок, чтобы не нарушить волевой самодостаточности экономики, включая и подчинённый государству сектор; 3) присутствие государства в экономике необходимо и способно быть эффективным, в особенности в аспекте внутренней сбалансированности, внешней конкурентоспособности и долговременного развития национальной экономики (всё это было странником показано и доказано!).

Вторая веха: введение в научный оборот тезиса о переходе мировой экономики (хозяйства) от интернационализации (межнацийности) к её *мировизации* (*мондиализации*), что впоследствии было названо на Западе *глобализацией*; суть сего обращения определялась им как переход мирового целого, составленного из взаимодействующих национальных частей и производного от них, в единое целое, когда национальные части оказывались уже более производными от целого, чем его — этого целого — составляющими, что же касается *глобализации*, мыслитель наш не преминул немедленно вскрыть её США-доминантный, командный, эксплуатационный характер, что и быстренько подтвердилось.

Третья вежа: *циклотрофная*, объединившая в единый циклический процесс — всеобщий *экономический циклизм*, три циклических потока: конъюнктурный (с краткосрочными кризисами), обновленческий (со среднесрочными кризисами) и перестроенческий (с долговременными кризисами), что позволило судить об экономике как о целостно и постоянно изменяющейся, хоть и колебательно, импульсивно, пульсарно, прерывно, обновляющейся, развивающейся и трансформирующейся.

Четвёртая вежа: оригинальный вклад в развивавшееся тогда учение о *хозяйственном механизме* со стороны как раз развитой экономики (западной, капиталистической, неофеникийской), сочетавшей свободу с самонесвободой, волю с принуждением, самодостаточность с внешним (государственным, институциональным, правовым, контрольным, пенитенциарным) участием, как и участием разного калибра и с разными организационными возможностями агентов, равным образом вольницу и корпоративность, единичность и сетевость, отчего хозяйственный механизм, точнее его образ, эскиз, модель, выглядел у автора сложным в переплетении процессом *организации самоорганизации*, как и *организации и самоорганизации* вместе.

Все эти достижения (вклады) не выходили за исходные парадигмальные установки общепринятой теоретической экономики (политической экономии), хотя и вносили в неё и весьма корректирующие новины (вовсе и не безобидные!).

Однако пришло время и кое-каких серьёзных вмешательств в парадигмальное чрево сначала экономической науки, а затем и науки вообще, пока лишь, заметим, вмешательств, то бишь никак не опровержений!

Настал момент постановки очередной воззренческой вехи (вехóвины!): со сначала скрытым и, как оказалось, «рабоче-предварительным», а потом уже через десяток, как раз 1980-х, лет и открытым, по-своему и претенциозным, выходом за пределы фундаментальной экономической науки (той же политэкономии) в философическую сферу, пока ещё в её научном образе, ради то ли нанизывания философии с привлечением естественно-научного знания на хозяйство (не на экономику, заметим, а именно на «хозяйство», пусть пока более и интуитивно, чем осмысленно), то ли наиглывания хозяйства (пусть ещё и как синонима «экономики») на философию вкупе с естественно-научным знанием, однако с попыткой либо дать хозяйству *свою* (*его* — хозяйства) философию, отойдя от изрядно уже заскорузившейся политэкономии, либо втащить хозяйство как феномен бытия в *иное*, чем давала политэкономия со своими незаконнорожденными эконометрическими дитятками, воззренческое осмысление, как раз философическое, плюронаучное, комплексное.

Да-а, то была *веха из вех, большая веха, настоящая вехóвина!*

Не переворот ещё, но уж разворот точно!

Не вырыв, но прорыв, овладение плацдармом, что-то уже явно значительное, ну пусть ещё и неявно, но всё-таки обещавшее, так сказать, бывшее уже при дверях, да вот каких, чьих, куда ведущих, в какие смысловые лабиринты и дали?

Загадка, заданная *пятой* по простому арифметическому счёту вехой-вехóвиной, помещение которой в советско-социалистическом гуманитарном поле совпало с двойной кульминацией: как кульминацией цивилизационного

(системного) кризиса на рубеже 1980–1990-х гг. позднесталинского строя бытия, хозяйства и жизни, так и с кульминацией попытки его — этого кризиса — «перестроечного» преодоления, как казалось, трансформационного (на основе и в пределах-де социализма), а вот как на деле оказалось — *трансгрессивного*, прямоком от социализма, не говоря уже о советизме, к западнизму, капитализму, американизму, финикийству.

Следующая, уже *шестая* по гамбургскому счёту, века была воткнута в развороченное, уже и постсоветское, постсоциалистическое, постгуманистическое и даже построссийское гуманитарное поле, аки осиновый кол с прибитыми к нему золотыми гвоздями указательными табличками: прямо вперёд — *катастрофа* (учение о социопереходах и катастрофах), влево — *инферналия* (учение об инфернализации бытия), вправо — *апокалипсис* (учение об апокалиптике бытия), а всё вместе вывело на феномен-понятие (онтос с гнозисом заедино) *апокалиптического кризиса*, особенность которого: а) в его тупиковой неизбежности, б) в его инфернальной социо-хозяйственной и вообще экзистенциальной катастрофичности; в) в невозможности ни оперативно-волевого, ни скорого автоматического его преодоления без жертвенного ухода в небытие одних поколений и победительного прихода из небытия других поколений, а в целом — в сбросе одного мира — мира-жертвы — и в переходе к другому миру — миру-пожирателю.

Да, то была не просто очередная умственная века на большой размыслительной дороге, а самый настоящий экзистентно-когнитивный кол, вполне и шершавый, забитый прямо в чрево что бродившего по миру гнозиса, что вдруг

вывернувшегося из себя онтоса: не сразу, надо заметить, и осознанный не то что учёным цехом, но и самим взъерошенным на тот момент забивателем сего мерзкого кола, как оказалось, со вполне непреходящими правдо-коварно-каверзными значениями столь непристойного действа.

Полноценное осознание смысловых итогов постановки сей при-коль-ной вежи-веховины оставалось ещё впереди, а вот *про*-российскую вежу-веховину страннику пришлось поставить уже тогда, в разверзшиеся 1990-е: «*Российская Реформация*» (1994) — название-девиз очередной, уже *седьмой*, вежи, вежи-столба, разумеется столба вполне путеводного!

Прямо по сему, — как раз по вполне российскому, — пути страна, конечно, не пошла, совсем наоборот, двинулась туда — в Запад, в США, в экономизм, разорив себя и почти что там и исчезнув, но... несмотря ни на что в какой-то момент если не отпрянула вполне и насовсем, то вдруг как бы опомнилась, не захотев исчезнуть в фактически колониальном мареве западного глобализма, дала задний ход, конечно, не в полном соответствии с предложенной автором реформационной концепцией, но... не то чтобы близкой к ней а, скажем так... *параадекватно*, как бы и да, и нет, хоть и не совсем по-своему, и, тем более, по-нашему, но и не совсем уже и по-ихнему.

Да, Россия, её хозяйство, её экономика, её цивилизация, её культура были весьма изменены, если попросту не извращены, в итоге 1990-х и 2000-х, немало оказавшись вестернизированными, но, что особенно важно, не исчезли насовсем, погрузившись по уши в навь, но остались и в яви, зацепившись за своё коренное изначальё.

Одной вехой-столбом дело, конечно, не ограничилось: пришлось, или довелось, или посчастливилось, ставить и другие столбовые, если не столповые, вехи на большой исторической российской дороге: *империя Россия, феномен Сталин, российское национальное в нероссийском глобальном, великодержавность, национализация элиты и государства, российское сосредоточение, российское перестроение, разворот России к России*, — и, надо особо заметить, небезрезультатно — как для самой России, так и для существующего в ней правления, разве лишь исключая две последние, но очень серьёзные и колючие, вехи... нет, не оступился тут наш путеводитель, а всего лишь встретил... не то что непонимание со стороны правящих верхов, сколько их неготовность, а может, и «немоготность» осуществить *пост-реформационное* перестроение страны, хотя нужно заметить, всё равно делать это приходится, пусть и не очень решительно, не шибко программно, не всем миром, как бы исподтишка, островно, даже иммитационно, но... *приходится!*

Вот и сбились мы со счёта, добавив к первой российской вехе-столбу кучу других вех, не менее крепких и значимых — тоже столбовых... э-э... и сколько же всего их, этих вех? Не мудрствуя лукаво, добавим к семи отмеченным выше вехам ещё восемь, получив в итоге, вовсе ещё и не конечном, *пятнадцать*, знаете ли, вех!

Вроде бы хватит веховать, пора бы и честь знать! Нет, господа, нет, ибо всё это отмеченное выше напрямую для России жизненно важно: *актуальная Россия, перемены в ней, непосредственное будущее в обостряющейся мировой конкуренции, усиливающимся межземном и межкосмическом соперничестве, нарастающей гибридной, а главное —*

гуманитарной, войне, чуть ли уже не сползающей в Армагеддон, но есть ещё, господа, самое-самое — **мировоззренческое!**

Как мы видим земно-космический мир и всё в нём наличествующее и скрытое, как понимаем его и объясняем — существующее, происходящее и откуда-то зачем-то подступающее, так ведь и делаем, так и творим, так и вытворяем, как и не делаем, не творим, не вытворяем: одна история — Пётр I со Сталиным, совсем другая — Николай II с Брежневым, ну и Горбачёв с Ельциным — ещё другая история: разные тут видения-невидения, понимания-непонимания, деяния-недеяния, а потому разные и результаты... брр!.. что у одних, что у других, — так что мировоззренческий вопрос как предшествующий всему остальному проблемному — куда важнее, знаете ли, всего, даже и пресловутого квартирного, включая особняково-дворцовский (что-о, помогли тебе, Алексашка Меньшиков, твои дворцы, как гоголевскому Андрию его ляхи?!).

Так что постановка странником новых вех, — что столбовых, что столпных, — не могла не продолжаться, как раз в самое безвоззренческое время для либо растерявшихся, либо аннигилировавших, либо просто замолкших состранственных говорунов, а уж лично-групповые воззрения на жизнь прихвизаторов, мошенников, воров и бандитов никак не тянут на *миро-*воззрение, о котором тут речь.

Так что ментально-веховское движение вперёд продолжалось, только совсем уж по-своему и шло оно более всего непосредственно по вертикали — *вверх!*

Восхождение

Шёл, шёл наш учёный странник по дороге познания, сначала шёл по расставленным впрямую и вкосу вехам — туда и не туда, петляя, ища нужную дорогу, дошёл и до края, за которым либо явно ложные, подставные, призрачные вехи, либо никаких вех, а потому пошёл-поехал, захватив кое-какой плацдарм и соорудив кое-какую подвижную вроде дрезины платформу, дальше в неизвестность, мало того — в бездную неизвестность, вместе со страной, да и со всем миром тоже, и шёл при этом, скажем откровенно, не слишком спотыкаясь и почему-то не падая, не утопая в трясине неизвестности, а нащупывая *свою* дорогу и расставляя *свои* вехи, включая и столбовые и столповые, даже и маякские.

Пришло время рассчитаться (нет, не посчитаться) с классикой, как раз просвещенческой, с той же политэкономией, да так, чтобы не то что спасти её, а хотя бы дать шанс продолжения бытия. И родился грандиозный замысел, не поддержанный, однако, коллегами-политэкономами — создать вместо набившей оскомину и весьма уже окривевшей политэкономии... нет, не философию хозяйства как таковую, которая уже была создана и создана не так вместо политэкономии, как вопреки ей, а тут был замысел, не отрицая насоем политэкономии, модернизировать её, переделать, дополнить, обновить, но уже в философско-хозяйственном ключе — единственно и возможном.

Воплотился сей сказочный замысел в не менее сказочном труде — в «*Теории хозяйства*» (1996 — 1998), из трёх объёмистых томов, в труде, заметим, в основе личном, не имевшем аналогов ни в России, ни в мире, созданном как раз

на переломе — от смысловой классики к формализованной теоретической-де профанации, разумеется, математизированной, модельной, цифровой.

То была уже не вежа, точнее, не только и не просто вежа, а большая, крепкая, видная... *глыба*, скрижальная такая глыба, в которой воплотился перед тем, как окончательно выветрится, последний дух Просвещения, ибо не была сия глыба воспринята вроде бы просвещенцами, так и растаявшими в смрадном мороке своей классической лженауки, которую чтили, но не понимали, которой поклонялись, но как идолу — как раз каменному, при этом и пустому, а главное — призрачному!

И что теперь, по истечении четверти века: ни политэкономии, ни теоретической экономики, ни фундаментальной экономики — НИЧЕГО!, хотя «*Теория хозяйства*», хоть и глыба, да вот не каменная, а живая, и живёт себе не признанная ни образованным «обществом», ни родной институцией, где, собственно, и на свет явилась, но зато признаваемая думающими людьми, даже исчезнув из цифрового архива родного факультета (был сервер, купленный по конкурсу, надо полагать, у китайцев, и исчез вместе с глыбой, о которой речь, а ежели что осталось, так лишь в бумажном варианте, в библиотеках да на руках).

Глыба, труд, не имеющий аналогов ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем! Ну и что? Не оттуда, же — с Запада, не переводной, не нобелевский! Э-эх, Россия, Россия, разумеется, научно-гуманитарная — вторичная, производная, колониальная! Сраная!

А что в ней, в этой живой-де глыбе?

Первое: суперпродуктивное смысловое разделение феноменов-понятий «хозяйство» и «экономика», когда хозяйство — всё жизнеотправление человека, а экономика — его стоимостное (товарно-денежно-оценочное) оформление, а сама стоимость — идеальная, субъектная, трансцендентная, бытующая в сознании (головах людских) и только в сознании (как и в бессознании тоже) счётно-решающего толка субстанция, однако способная не только обслуживать хозяйство, но и его себе подчинять, управлять им; **второе:** способ хозяйства, включая и экономический, вместо способа производства; **третье:** введение таких понятий, отражавших и отражающих соответствующую реальность, как *экономическая революция* (XV — XVIII вв. в Европе), *экономическая цивилизация*, а также заступившая на командный пост в мировой экономике *финансовая экономика*, она же *финансомика*, накрывшая вкупе с отчаянным *менеджеризмом* весь мир, как и нетовиртуализированная *неоэкономика*, ну и надвигающаяся на мир *постэкономика* с *техномикой* в сердцевине, не говоря уже не к ночи помянутом тотальном *апокалиптическом кризисе*.

Сегодня, в 2021 г., казалось бы всё уже ясно, кто тут прав, а кто не прав, однако... Э-э... не то что ментальный воз всё ещё там, а его воза — как бы и нет: великое тут недеяниедостижение изошрённого научного (псевдонаучного) ума!

Любопытно, что автору «Теории хозяйства», сохранившему в уникальном труде даже кое-что от марксизма (из уважения!), не пришлось прибегать ни к Маршаллу, ни к Самуэльсону, ни к любым иным экономистам-теоретикам, ибо они все, будучи по меткому определению от классической мысли «вульгарными», никак к изложенной в трёхтомном

труде версии не подходили (вроде сёдел на коровах), как, собственно, и к окружающей реальности, которая совсем была не та, как им, этим её «исследователям», а фактически фантазёрам, представлялась.

Нет, друзья, здесь вовсе не исповедь обиженного из «непризнанных гениев», а уверенного в правоте своего деяния самоотверженного учёного, за которым и за которого не что-нибудь и не кто-нибудь, а *правда со временем*, да не часовым временем, а *содержательным*: трудно понять, как можно было пройти окруженцам мимо сего глыбистого труда — неординарного, небывалого, нашенского, но... прошли же — тупо, тайком и жалко — и что в итоге получили, кроме распада, ликвидации и пустоты, ну и утешенного на миг фиговым листиком обнажённого самолюбия?!

Страх потерять себя перед своим же — великий экзистентно-психо-невротический страх, вполне, как выходило, выходит и будет выходить, неодолимый!

Эксперимент, так уж эксперимент: где наука, где стремление к истине, где правда? — ничего этого нет и в помине: всё, что угодно, но только не это, не правда, — вот оно — *обжигающее обнажение*! Фальшь, фикция, фейк, ну и заблуждения тоже — вот и вся недолга!

Не наука тут, не отражение реальности, не познание, а... *пропаганда, миф, дурная сказка, враньё, обманка* — и ничего, всё, пусть и с визгливым скрипом, но работает, все из престижитаторов на месте, даже процветают, прямо, как в театре, в кино, на ТВ, в торговле, в медицине, в литературе, в общем там, где царствуют выгоды, мошенство, беспардонство, обман.

И это о гуманитариях, что более или менее понятно, но ведь можно ещё и о тех же разогретых пандемией вирусологах, которые хорошо показали свою «научную осведомлённость» о предмете, которым вроде бы упорно занимаются: сколько вирусологов, столько и мнений, прямо аки у философов, где же тогда она — строгая научная истина?!

Говорят, что в точной-де физике не лучше, не говоря о биологии, генетике, экологии, да и в той же химии: да, творят, экспериментируют, получают результаты, фиксируют, а вот что творят и что получают, да ещё зачем и с какими последствиями... кто ж из «точников» это знает?!

Если кто подумает, что странник пытается самоуверенно утвердить свою де истину — как истину в последней инстанции, тот глубоко ошибётся, ибо дело тут не в этом, не в истине в последней инстанции, как было, к примеру, у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина или у тех же библистов с тем же Магометом, нет, вовсе нет: речь тут лишь о приближении к реальности, что то же самое — гнозиса к онтосу, образования к действительности, а того же чтения, как и любого обозрения, к тому, что *за* чтением и *за* обозрением, то бишь о приближении к сути бытующего, происходящего, случающегося.

От мифа не уйти, как и от мифотворчества, ибо человек не Господь Бог, хоть вроде бы и по подобию, да вот каков бывает миф и зачем творится мифотворчество: реальность для человека хоть и миф, да вот какой же миф — свой или не совсем свой, а то и вовсе не свой, а как раз её — самой реальности?

«Теория хозяйства» — миф, да вот совсем *иной* миф, чем предлагала и предлагает уже не одно столетие

воззренческая экономическая наука, ибо он не ради науки, а всего лишь ради реальности, её мифа, а потому и написана книга особым, не научным, даже не философическим, а... вполне себе литературным языком, то бишь вполне себе человеческим, да и как при этом написана — *сказочно!*

Говорить с учеными об их предметах человеческим языком бесполезно, они его в отношении к своим наукам просто не принимают, даже философы; все они предпочитают зашифрованный искусственный язык, мало что сухой, твердый и ограниченный, так еще и уводящий размыслителя, весьма и незаметно, от реального отнoса к нереальному гнозису: гуманитарность не нуждается в негуманитарных языках (Пушкин, будучи в гостях у Веневитинова, *«демонстрировал»* — согласно дневниковой записи Погодина — *против немецкой философии*); ясно почему *«демонстрировал»*, из-за системно-суконной стройности сей философии, которой — этой стройностью — реальная жизнь не обладает, не может обладать и не будет никогда обладать, пока она живая жизнь, а не научно-технический погост!)

Глыбе под названием «Теория хозяйства» ничего не оставалось, как залечь скрижальным камнем на краю гуманитарно-размыслительной дороги, никого особенно не задевая и никому нарочито не мешая, знаменуя конец наследной классики и явление новой — животрепещущей, однако уже никак не политэкономической, а непосредственно философско-хозяйственной!

Дорога для философии хозяйства была окончательно открыта и странник наш пошел по ней, аки калика переходящий, осознанно, свободно, деловито, как раз туда, куда ум его стремился, а глаза его глядели — к реальности, за её

истиной, пусть и подвальной, ускользавшей, запредельной, неизвестной, но... *истиной!*

Появилась и *лаборатория философии хозяйства*, аккурат там, где и возникла сама философия хозяйства, где возродилась, где встала на ноги — в МГУ; образовалось *Философско-экономическое учёное собрание*; возник журнал, он же альманах, «*Философия хозяйства*» (с выходом в свет 6 раз в год объёмом 19 п.л. каждый номер).

Была написана и издана странником новая книга под названием «*Очерки философии хозяйства*» (2000), по-новому осмысливавшая предмет, куда более метанаучно, с уже явными метафизическими нотками, так сказать, идеалистически, трансцендентски, никак уже не рассчитывая на восприятие убеждёнными в марксово-самуэльсоновской правоте окруженцами, а лишь полагаясь на узкий круг таких же, как и он сам, искателей истины (пока ещё не теряя веры в большой человеческий разум, в его пытливость и антидогматическую заданность).

Всё это были очередные вехи, расставлявшиеся на пути к *иному* мировоззрению: ментальные, административные, организационные, публичные, издательские. Целый веер вех, их небезвоинственная группировка. Из номера в номер журнала выходили статьи, по преимуществу его собственные, им же задуманной «*Энциклопедии философии хозяйства*», которая так и не была до конца создана (сил не хватило!), зато была подготовлена и издана в двух томах «*Антология современной философии хозяйства*» (2008), собравшая работы десятков авторов.

В 2001 г. вышла в свет двухтомная «*Философия хозяйства*» нашего странника, а в 2003 г. не менее объемная

монография «*Время философии хозяйства*», в которых подавалась, обосновывалась и утверждалась вполне себе метафизическая философия хозяйства, причём в его — собственной — интерпретации. Опять вехи, опять столбовые и столповые, не считая вешки, поставленной в 2005 г. в виде облегчённого «*Курса философии хозяйства*».

Да, сейчас, когда пишутся эти строки, в 2021 г., после всего много чего пережитого из недоумённого, обманного, лживого, пошлого, паскудного, когда ясно уже, как напрасны попытки не то что кого-то в чём-то убедить, но даже предложить над чем-то выходящим из привычного ряда серьёзно подумать, всё это сказание о прошлом кажется если не смешным, то попросту не нужным, но тогда... тогда ещё казалось, что то движение мысли, которое было и о котором здесь речь, что оно необходимо, что оно вот-вот пробьёт стену непонимания и снесёт барьер сопротивления, но нет, ничего такого не случилось, хотя и случилась... *сказка — рождение, бытие и развитие русской философии хозяйства*, а всё почему? — из-за разверзшейся вдруг в стране реальности, разверзшейся прямо до дна, до беспредела, до ничто... э-э... может... как раз ради утверждения в очищенных от прошлых, нынешних и грядущих заблуждений ноосфере вот этой самой... э-э... *философии хозяйства*... кто знает?

Нагловатое заявление, если не попросту глупое, не правда ли? — какие тут, кроме личных пристрастий, основания для такой вот «заявы»?

Самое поразительное, что они есть, эти самые основания, и сводятся они вовсе не к открытию чего-то размыслительно необычного (кто из умников этим не грешен!), а к обретению, что как раз было подтверждено новой книгой

странника «Обретение» (2005), не чего-нибудь новенького, а... *ключа* — ключа, пардон, *к сути всего* сразу мироздания, жизни, человека, хозяйства, истории, экономики, культуры, цивилизации, в общем — *к сути всего*, — и разве этого мало?

Ничто не привело бы к обретению сего универсального ключа, если бы не как бы случайное по историческим, если не вечным, меркам магическое сочетание обстоятельств: со стороны онтоса — ужасной русской революции 1917 г., злого, но победного сталинизма, страшной, но тоже победоносной для родной страны Великой войны 1939 — 1945 гг., послесталинского «золотого процветания» с последовавшим за ним крахом позднего сталинизма, послесталинского разверзия отечественной реальности вкупе с постмодерновым саморазоблачением западной реальности и апокалиптическим кризисом всей мировой реальности, а со стороны гнозиса — краха позднего научно-гуманитарного просвещения, неодолимого тупика клерикальной ортодоксии, внезапного взлёта русской новейшей (конца XIX — всего XX в.) гуманитарной мысли, как раз и породившей философию хозяйства, а также явления в России XX в. двух разнополюсных и разнопутевых гигантов — мудрецов-волхвов-бунтарей — Сергея и Михаила Булгаковых (не родственников, хотя, возможно, и знавших друг друга по Киеву в начале XX в.), замахнувшихся, обходя догматику, на метафизику от бытия — что позитивную (от бытия как бытия — Сергей), что негативную (от бытия как небытия — Михаил), ну и ещё по причине кое-каких обстоятельств, о которых сказать открыто нельзя, но которые сыграли свою роль в выделянии, а точнее — в доделывании, магического гуманитарно-воззренческого ключа в виде философии хозяйства.

Окончательная выделка, она же и доделка, произошла уже на рубеже 2000–2010-х гг., с осознанным обращением странника со товарищи к Софии Премудрости Божией, как раз вослед Сергею (о. Сергию) Булгакову, который обратился к Софии гораздо раньше, столетие назад, аж в начале XX в., как раз в связи со своей философией хозяйства, правда, странник наш со товарищи обратился не к христианской Софии, как о. Сергей, а вообще к Софии — общечеловеческой, так сказать, не догматизированной, что вообще-то не исключало присутствия софийного начала не только в иных религиях, но и в той же науке и во mnogой текущей обыденности тоже.

В 2009 г. была образована общественная *Академия философии хозяйства* — то ли поставленный странником со товарищи очередной указательно-приговорный столб, он же и столп, то ли же высаженное ими древо с корнями, не минуемыми Преисподней, и с ветвями, упирающимися в Небо, то ли отороченная вбитыми в ментальную топь остроконечными кольями платформа-крепость, то ли большая на промыслительной дороге скрижальная скала.

Однако состоялось, как состоялся Центр, Собрание, Журнал, имел место даже оригинальный междисциплинарный защитительный совет (неординарный, уникальный, романтический), да вот быстренько под минвузовскую сурдинку закрыт, как не состоялась кафедра философии хозяйства с приданной ей группой студентов, как и не произошло появления в ВАК'овском хранилище специальности «Философия хозяйства», в общем, как водится, что-то случилось, что-то не случилось, а что-то было не допущено или не без доли сарказма ликвидировано. Ничего не поделать: учёная среда,

частные интересы, большие умы, ну и немалое безумие тоже, которое вовсе не так отклонение от разума, как ему, знаете ли, вполне органичная подмога.

Академия — хорошо, и академики, которых, скажем откровенно, не так уж много — не более двух сотен, тоже хорошо, но главное ведь не что иное, как пользование добытым ключом, отпирание им заветной двери и выход в *иное* смысловое пространство — уже при прямом содействии Софии! И тут как раз случилось в начала 2020-х столетие философии хозяйства в сочетании со 140-летием её первооснователя, ну и образовалось появление двух коллективных монографий с иконописным (как раз православным!) отображением Софии на лицевых сторонах этих уникальных книг: «*Ренессанс философии хозяйства*» (2011), полсотни авторов, да каких при этом оригинальных учёных, немало и известных, выдающихся, и «*София. Сто лет русской философии хозяйства*» (2012), три десятка авторитетных авторов.

А что касается нашего учёного странника, то сначала крупный труд «*Наедине с Софией*» (2014), потом в 2015 объёмный фолиант «*Блики и срезы*» и совершенно недопустимо засверкавшая собранными воедино миросмыслами книга «*Белые скрижали*» (2016), утверждавшие не просто обращение к Софии, но и открывавшие новое, оно же и *иное*, движение мировоззренческой мысли, — что нашло затем не одно лишь подтверждение, но и утверждение, почти что и сакральное, сначала в капитальном труде сподвижника и вольного соблагого сомыслителя странника, его с некоторых пор учёного спутника, даже и солабиринтника, под обнажающим названием «*Софиасофия*» (2017), ну и окончательно утверждённого в искрящихся от неординарных мыслей

«Софиасофских тетрадах» странника (2018), как и в фундаментально этапной монологии «Метафизика» (2019), конечно, метафизика *иная, софиасофская, своя, наша, русская!*

Зачем обо всём этом говорить, что-то нарочито перечислять (хотя вовсе и не всё из реально проделанного!), тыкать во всё это чьим-то носом или тыкать всем этим в чьи-то глаза? Самонадеянно, нескромно, глупо!

Э-э, нет, вовсе нет, ибо надо показать реальность содеянного, причём реальную реальность, вполне корреспондентную онтологической реальности, даже в реальном, что называется, времени, — и не как познавательный-де слепок с реальности, что и так все вокруг делают, хоть и с разным успехом, а как говорение, даже как музыку самой реальности, что как раз и знаменует адекватность софийного гнозиса софийно-несофийному онтосу.

«Проверено, мин нет!», вернее, мины, конечно, есть, но уже другие — не от лженауки, а под лженауку, а главное, есть проход меж мин в иное смысловое пространство, да не просто в другое, а именно в *иное* — ИНОЕ!, о котором как раз и предстоит ещё поговорить ниже, да не так даже поговорить, как поразмышлять, не столь при этом интерактивно, что, видно, вряд ли возможно, как моноактивно — как раз для читателя, что, впрочем, почти что тоже невозможно, хоть и не минует редких исключений.

Кому *это всё* в самом деле нынче надо? Ясно, что никому, может, почти что никому, скорее, лишь единицам — этим самым чудакам и странникам (наивным, глуповатым, донкихотского образца искателям, так сказать, истины, которой вроде нет, хоть она, надо полагать, всё-таки есть!).

И что уж *такого* особенного в философии хозяйства, чтобы ей стать ключом (этаким «золотым ключиком») в какое-то там *иное смыслопространство*?

Хотя бы по тому примечательному обстоятельству, что она уже сама по себе... *иное мировоззрение*, всего лишь непонарошку заключённое в узкие для неё узы, во-первых, не более чем жизнеотправления, а не всего бытия, включая Господа Бога с его Софией и ему подчинённым несмотря на всю свою хитроумную бунташность ловким, бессовестным и разносторонним работником-дьяволом; во-вторых, заключённое в узы философии как философии со всем ею наговоренным, весьма путанным и крайне избыточным скарбом; в-третьих, спутанное просвещенчеством с его любовью к делению целостного знания о реальности и самой реальности на отдельные части — предметы познания и отрасли знания.

Хозяйство — сама жизнь, разве лишь без её физиологической составляющей, жизнь, взятая со стороны её практической внефизиологической реализации, однако это не всё, ибо это ещё и само бытие, сам мир, само Мироздание, сама Вселенная, само... *Всё*, ежели полагать, что это Всё сделано и делается (кем и зачем — иной вопрос, немало задевающий органчик, называемый уже и походя, не совсем справедливо и не очень-то точно всего лишь философией хозяйства).

Философия, о которой речь, — вовсе не философия, преподаваемая в университетах, даже не та, которая изложена в рутинных фолиантах, это даже, строго говоря, не философия как таковая, а, скорее, *метасофия*, однако идущая не так от ума-разума, как от самой постигаемой ею реальности, это прежде всего её — реальности — *метасофия*, вроде большой и длинной, немало и заунывной, но моментами и

нестерпимо ревущей... э-э... какофонии, которую надо чуткому сознанию слышать, услышать и переложить, по возможности, на язык человеческой мудрости.

Что же касается принадлежности философии хозяйства к сонму гуманитарных наук, то это не более чем вынужденная дань, что называется, порядку, весьма, и искусственному, давно уже убивающему гуманитарную мысль, которая не может не быть целостной, объёмной, всюдусущей, как раз такой, какой и является, отродясь, философия хозяйства — это сначала донаучное, но никак не собственно научное, тем более — пазловое, знание, причём не так знание, как *знание-размышление*, в общем — не так отрасль знания, как большое, многогранное и безграничное *думание*, отчего, кстати, в ВАК'овско-академическую рубрикацию и не вписавшееся: обходится официальная гуманитарная наука без философии хозяйства и правильно, заметим, делает, ибо мало того, что философия хозяйства по гамбургскому счёту не наука (а донаука, постнаука, метанаука), даже по тому же счёту она и не философия в обычном понимании, так она ещё не так о хозяйстве, опять же в привычном понимании, как о бытии вообще, включая и всякое инобытие с небытием тоже.

Философия хозяйства — сначала ключ к самой себе, а потом уже и ко *всему* (слышите — ко ВСЕМУ!) гуманитарному, да и не только, тоже.

Мистика, понимаешь ли, а что вокруг не мистика, даже в самом что ни на есть примитивно-профаническом выражении, очень, кстати, полагаемом тем же священством: чем проще и яснее, тем лучше? «Высокая материя», согласимся, не очень-то подходит даже под элитарное, не то что под массовое, сознание, так что одно дело мистика — МИСТИКА —

бытия, совсем другое — *мистика*, — как раз с маленькой буквы, — быта, пусть даже и политического.

Итак, философия хозяйства — не только не одна из наук, но и не наука вообще; можно сказать, что *идеология*, разумеется, не из голов, а от самой реальности (чуть ли не первая в истории — *от реальности!* — ах, это словечко «хозяйство», за которым не домоводство вовсе, а аж само бытие со всеми своими явными и тайными атрибутами, тут уж не побалуешь!), да вот словечко это — *идеология* — больно затаскано всякими идеологами и пропагандистами, а потому хоть и идеология эта философия хозяйства, но всё-таки особая идеология, как раз такая, которую мы как раз и называли *метасофией* (как видите, не случайно!); у философии хозяйства (пользуемся ходячим именовани^{ем}!) нет никакой заданной априори задачи и траектории бытия, как было и есть, к примеру, у той же политэкономии (тоже ведь идеологии — уже в прямом значении, призывавшей либо оправдать капитал с его неуёмным грабительством, либо ниспровергнуть, оправдывая пролетарское «грабь награбленное!»).

Философия хозяйства вовсе не против хорошей, цельной, праведной жизни, но она не ради к ней утопических призывов, а ради того, чтобы понять более или менее (точнее, менее или более) текущую жизнь как жизнь, не могущую не быть как раз такой, какая она и есть, ну и попробовать увидеть, какой же она может стать, точнее, пожалуй, не может со временем не стать, хоть вовсе и не райской.

Да, ключ, но при этом и скальпель — мало, что обеспечивает *вход*, но ещё и производит *вскрытие* (слышите — ВСКРЫТИЕ!), что не очень-то нравится... да ладно бы ученикам, политикам или тем же новомодным

менеджерианам, а то ведь и... *самой реальности* тоже, за которой ведь и внешние — высшие и низшие — могучие силы... ох!.. эта философия хозяйства... ох!.. эти могучие силы... ох!.. эта тёмная реальность!

Вскрытие

Нет, конечно, не тела и, соответственно, не хирургическое вскрытие, хотя... если образно... то, пожалуй, что-то такое и на самом деле, однако только образно, ибо реальность, о которой речь — не тело, не предмет, не материя в учёном понимании, в общем — не *физис*, а самый что ни на есть *метафизис*, то бишь что-то вроде бы и существующее, но вроде бы и нет, будто бы и не существующее, ибо оно нематериально, духовно (дúхово, спиритуально), эфирно, ну и, конечно, энерго-информационно, правда, со своей по качеству энергией и со своей по качеству информацией (*не-физическими*!).

Так что же тут вскрывать, коли ничего и нет? Нет-то оно нет, да вот ведь есть, а именно что-то сознаниево-психосоцио-реальное, могущее быть принятой вслед за Вернадским и Тейяр-де-Шарденом за *ноосферу*, что не так уж и плохо, ежели всамделишно наложить нашу реальность на их ноосферу и наоборот — их ноосферу на нашу реальность, а не думать, что наша реальность — одно, а их ноосфера — совсем другое, а накладывая их друг на друга не забыть учесть, насколько сии монструальные феномены гадки, противны и безумны — прямо как их носители и реализаторы — люди (земляне тож)!

Итак, вскрытие нематериальной, ещё и то ли существующей, то ли нет, реальности, как бы и *ирреальности*: да вот где же она, сия реальность, давайте потрогаем её, пощупаем, порежем ножичком? Фигушки, ничего не получится: сей момент она есть, да и то как ирреальность, и сей же момент её нет! Где оно — сознание, где она — мысль, где они — отношения, где он — социум, где оно — государство, где она — цивилизация, где оно — нематериальное искусство... а-а... в головах якобы, в мозгах, в памяти, а ежели этого всего ирреального нет, тогда где же, да и у кого же они — эти головы, мозги, память, а ещё та же неисчислимое число раз отставленная и проклятая совесть, где, да и у кого?

Да, есть тот же дом, есть квартира, есть кухня, есть даже особь, называемая мужем, отцом и дедом, есть и особа, называемая женой, матерью, бабушкой, есть особята, называемые детьми, детьми, внуками, последышами, наследниками, в общем есть *семья*, а где собственно сама по себе *семья как семья*, кроме всего этого особого собрания живых, взбалмошных, тихих, здоровых, хворых, полуживых и уже неживых человекообразных созданий то ли Природы, то ли Космоса, то ли Бога, то ли попросту какой-то Неизвестности, о которой и сказать-то нечего, как нечего сказать и о той же семье (что же это такое — *семья*, кроме разве условной ячейки, той самой, о которой ведь как ячейке чего-то воистину ячеистого тоже ведь нечего сказать), да и о самом человеке, уже не как о животном, что скажешь: кто, что, зачем, откуда, куда?

Тайна, неизвестность, несказуемость!

Это-то всё из перечисленного как раз и реально, а тут, понимаешь ли, вскрытие!

Чего-о?

А вот того самого, чего вскрыть нельзя, но во что можно лишь *проникнуть* усилием сознания, мозгов, голов, не пренебрегая интуицией, воображением, чувственностью, даже и бессознанием с безумием, ежели, конечно, в меру и под усиленным контролем, если не конвоем.

Можно!

До известных (и не известных тоже) пределов, ибо тайна, неизвестность, несказуемость, однако тоже до каких-то пределов, ибо сознание, разум, воля, ну и философия хозяйства со всей своей ключе-скальпельной атрибутикой.

Семья, школа, фабрика, учреждение, общество, государство и т.д. — всё это, конечно, хозяйство, да вот само *по себе хозяйство* вовсе и не семья, не школа, не фабрика, не учреждение, не общество, не государство, так же как философия — вроде бы хозяйство, да вот само хозяйство вовсе не философия... э-э... тогда что же такое *хозяйство как хозяйство, как и та же философия хозяйства как философия хозяйства?*

Тут можно и нужно поставить совсем вроде бы простые вопросы: что есть *хозяйственного* в хозяйстве и что есть *философско-хозяйственного* в философии хозяйства, да вот как по-простому на них ответить, да и по-сложному тоже? Вопросы вроде бы простые, да вот... убийственные, не правда ли? Что семейного в семье или колбасного в той же колбасе? Кто ж это наверняка знает? И кто даст исчерпывающие ответы, ежели сам Господь Бог это вряд ли знает, не говоря уже о его полупослушном трудо-служебном подручном — диаволе?

В том-то и дело, что *никто ни о чём достоверно ничего не знает!*

Да, говорить о чём-либо можно, пытаться что-то определить, яростно при этом спорить, даже морду друг другу набить (драли же волосы друг у друга святые отцы-богословы на своих пламенных Соборах, — за истину, разумеется), но достоверно знать... тью-тью... отчего и была введена в действие *трансцендентность*, то бишь непознаваемость. И сколько ни тверди, что халва сладкая, реальной сладости во рту всё-таки не становится, зато может случиться, но уже не во рту, а в мозгу, миф о сладости во рту, если, конечно, был опыт поедания реально сладкого снадобья.

Итак, что хозяйственного в хозяйстве? На этот вопрос мы уже ранее ответили, так что повторимся: *делание реальности*, и добавим: *ради жизни* и... *нежизни* (!) тоже. Выходит, что и ради смерти, так что ли? Именно так — и СМЕРТИ! За жизнь, братцы, надо платить и платить как раз нежизнью, увяданием, исчезновением, в общем — *смертью*! Вот мы и попались: хозяйство-де это жизнь, делание жизни, жизнеотправление и всё любое жизненное, а тут, понимаешь ли... *смерть*, — ничего себе! Причём не всем хорошо известная физическая смерть, а и многое другое из смертельного: убийства, химия, отходы, мусор, атомная бомба, «Титаник», квадрат Малевича, мошенничество, хамство, дурь, безумие, да мало ли ещё что, — и всё это хозяйственное, жизненное, умное!

Да, делание реальности, а ежели реальности нет, вроде той же гуманитарной, а есть всего лишь иллюзия реальности, как раз гуманитарной, тогда что же — делание иллюзии, неизвестности, пустоты, а-а? Выходит, что так — *делание*

самих себя в себе самих, это опять о пресловутой гуманитарщине.

А как? Посредством и в рамках той или иной *идеологии*, а точнее сказать — *идеократии*, а ещё точнее — *идеодеспотии*: коли сказано так и так утверждено, то так и есть, а правда это или ложь — кому какое до этого дело? Вот откуда далёкие от реальности, но её успешно трактующие и замещающие разноликие мифы, философии, богословия, наука, романы, повести, «стишки», пьесы, кое-какие художества, включая малевический (о-очень при этом откровенный) квадрат: «Тьмы низких истин, — чуть перефразируем, — нам дороже нас возвышающий обман!». Хорошо сказано, точно!

Что ж и философия хозяйства, выходит, обман? А как же, куда ж ей, бедной, податься, как не в объятия к обману? Только вот обман бывает разный: один — в сторону от правды, а другой — всё-таки к правде, да, конечно, неизвестной до конца правде, но всё-таки к правде, а не ко лжи, как раз к тем самым в сторону правды грустным и «низким истинам», но зато стойко, по-рыцарски, по-богатырски, по-свято-радонежски, по-русски!

Хозяйство, как это легко заметить, вовсе не чистенькое дельце, а вполне себе грязненькое, немало и адовское, хоть немало и антиадовское, дело, а вот философия, зададимся вопросом, которая на хозяйство и от него разве чище?, может, и чище — из-за стремления к правде, но как же не добра она, не добра, совсем не добра, а очень даже зла, ибо зла сама правда, к которой философия хозяйства иной раз вдруг и приближается — как к беспощадному огню, как к бесчувственной трясине, как к безразличному цунами, а ежели

ближе к гуманитарщине, то как к Змею Горынычу окаянному, как к Бабе Яге манково-коварной (в сказках-то русских всё уже давно сказано!).

И что же тогда философско-хозяйственного в философии хозяйства, чем она отличается от философии вообще? Ответ уже даден, но повторим: не любовью к мудрости, как-де философия, ан нет, не любовью вовсе, совсем нет, и не к мудрости как таковой, а всего лишь... признанием реальности такой, какая она есть, ну и прокурорским вторжением в реальность, столь же строгим и беспощадным и даже злым, как и сама реальность, а иначе ведь одна лишь философическая бодяга, она же и блажь, а вовсе не философия хозяйства!

Обнаружение

Чего? Что можно обнаружить в реальности, воспользовавшись волшебным ключом- скальпелем в образе философии хозяйства, когда «хозяйство» — делание реальности, как и её обнажение, а «философия» — запредельная от хозяйства метасофия, сего обнажения не страшаясь?

О-о, поначалу совсем немного, ибо общее, всюдошнее, вездесущее, а такого ведь много не бывает.

Что ж, перечислим!

Открытие первое: реальность совсем не та, какой она предстаёт в текущем сознании, в особенности в просвещенчески (следственно, по-масонски) образованном (по-ломоносовски, заметим, тоже, ибо был Ломоносов просвещенским прежде всего просветителем, поучившимся в германских университетах, читай, что и масонским, особливо ежели взглянуть повнимательнее на полное масонских символов

надгробие над его могилой в Александро-Невской лавре, хоть и был Ломоносов, бесспорно, русским учёным и русским просветителем). Речь здесь у нас идёт, заметим, прежде всего о гуманитарной реальности, как раз хозяйственной.

Тогда какая же она на самом-то деле, эта реальность? И тут ответ, который мало кого удовлетворит: реальность сия попросту *иная*, причём словечко «*иная*» в данном случае не синоним словечка «другая», а словцо, за которым скрывается нечто другое, чем просто «другая», а именно... э-э... *иная*, не эта, не такая, но и не та, не таковская, да вот какая же, коли уж *иная*?

ИНАЯ!

Сие значит, раз уж не просто другая, что либо прямо от иного мира (иномирья), либо в единении с этим последним, но таком единении, когда «Я» вовсе и не «Я», «Мы» — не «Мы», мир — не мир, жизнь — не жизнь, реальность — не реальность и т. д. и т. п., а всё почему: из-за благословенной или, наоборот, проклятой, неведанности этого *Иного*, его как бы *отсутствующего присутствия* либо *присутствующего отсутствия*, что не так уж и важно: оно есть, но его при этом для человека как бы и нет, его нет, но оно есть, отчего какое-нибудь это всегда не это, но и не то, а... *иное*, причём всё, что хотите, господа насельники и насильники Земли, всё здесь такое — не это и не то, а... э-эх... *иное*!

Иное, господа, есть не что иное как... *иное*, оно само себя и определяет, а какого-либо нашего определения, кроме словца «иное» для этого иного попросту нет!

Вот такая тут выходит мудрёная загогулина!

Само-себе-Иное!

Причём с большой в данном случае буквы, ибо это то самое Нечто, что не просто удостоверяет мир человеческий, да и нечеловеческий тоже, *иным*, а и делает этот — *наш* — мир, который вовсе не такой уж и *наш*, ибо он ещё и Его мир — мир Иного, которое не просто есть в нашем мире, а которое вовсю и... Sic!... работает, делая мир... *иным*, уже и *своим*!

Иное — сила!

И энергия, и информация, и, знаете ли, проект, а, может, и не проект вовсе, а так... импровизация, но зато какая — не просто участвующая в нашем бытии, а его по-своему и созидаящая: для нас как бы знакомо, а вот для себя — не очень, ибо тут ... *Тайна*!

Иной мир, или иномирье, сразу вне и внутри нашего мира, отчего всё это иное относительно нашего, или этого, мира как экстра-, экзо-, мета-мир, так и интра-, эндо-, эзо-мир, а ежели «по чесноку», то это как раз тот самый мир, который и пытаются трактовать разного рода мифотворцы, жрецы, волхвы, мудрецы, колдуны, шаманы, философы, богословы, эзотерики, теософы и антропософы, кое-какие учёные, как и астрологи с оккультистами: ясно, что он есть, гад, что он здесь, рядом, в нас, в мире, но... но ... неясен, сокрыт, неуловим, нетрактуем, то есть трактуем, конечно, да вот лишь мифотворно, вообразительно, абы как, а более всего... *никак* — признаём сие и всё тут!

И это очень хорошо, ежели признаём, а то ведь нет, ни за что не признаем такую-то махровую нелепость, хотя... э-э... и в церковь ходим, и свечки там ставим, и обращаемся незнаемо к Нему, и что-то просим, и что-то получаем, не думая, конечно, об Ином, в которое как раз и стараемся

окупнуться, пусть этого и не осознавая, разумеется, в *наше* Иное — принимаемое, воспринимаемое, даже и любимое. Знаем, что Господь везде, Он всё видит и всё знает, но... отчего же «жисть»-то какая-то не такая, даже и в Церкви, даже и в монастыре, даже и в любом вполне вроде бы добротном богоугодном заведении?

Так есть ли оно — это *открытие Иного*, или это всего лишь байки на хорошо уже известную тему? Ответ: и открытие тут есть, как есть и открытие давно открытого, и байки тут есть, хоть и не совсем уже те байки, а всё-таки в чём-то и иные.

В чём же тут открытие, оно же и переоткрытие, как и в чём же новизна баек об этом открытии-переоткрытии?

Полный (разумеется, почти полный, не совсем полный, если совсем не полный) ответ оставим на потом, когда поговорим полузагадочно о себе, обо всех, о мире, о бытии, о хозяйстве, об истории, может, и ещё о чём-нибудь, а сейчас дадим лишь краткий на понимание ответ: до нас многие умные ребята занимались более всего познанием и в меру использованием Иного, его приспособлением под себя, в целом, конечно, безуспешным, а также с ним посильным взаимодействием — уже с переменным успехом, а мы — философы хозяйства — всего лишь настаиваем на *инаковости (инойности)* мира, утверждая немало крамольного, но неизбежного, что мир, как и человек в нём, мало что отличны от самих себя, так они ещё и отличны в самих себе, — вот, собственно, и всё! А вот байка тут очередная или нет, какая разница, ибо как миру это всё равно, так и нам тоже!

Мир человеку кажется таким, каким человеку *кажется*, — и правильно кажется, вполне и допустимо, мало

того — необходимо, ибо иначе не проживёшь! — только вот самому миру сей мир таким вот совсем и не кажется, ибо мир знает о мире, т.е. о себе, *кое-что*, что не знает, не может и в общем-то не должен знать человек, ибо в противном случае мира для «чека» никакого не будет: только так, только со знанием неглавного — суетного и с незнанием главного — сущего, как раз того, что мир и только мир о себе знает, а именно, — спасибо, нелюбезный читатель, что догадался! — ИНОЕ!

Иное не объяснить словами, ибо таких слов нет, вообще нет, а вот принять можно — через *бессловесье*, но не через чувство или ту же интуицию, а лишь через *сверхсознание*, которое и не сознание вовсе с его словами, мыслями, интуицией и чувствами, а нечто совсем другое — как раз... э-э... *иное*, которое ведь в человеке тоже сидит, да мало что сидит, а и всю работу, прикрываясь и даже изрядно питаюсь бессознанием и безумием. Вот так: человек и мир, мир и человек, однако больше, чем человек, и больше, чем мир, — иное дело, что до всего этого *большого*, то бишь *иного*, до его неосознанного осознания дойти ещё надо — как раз *странствуя*!

Идти надоть, идти: продвигаясь, спотыкаясь, блуждая, проваливаясь, выбираясь, падая, поднимаясь, ну и возвышаясь, конечно, да не с целью достичь Иного, а просто с не выставленной пред умом и очами *Целью*, когда Иное тебя само ведёт к Цели и само тебе, когда сочтёт нужным, открывается.

Интересно, не правда ли? При этом без путешествия в Землю обетованную, без проникновения в Тибет, без посещения Китая и Индии, без вступления в масонское братство, без монашеского пострига и без подвижнического

уединения, даже и без наставника вроде... э-э... не будем об этом, ибо какая разница, ежели само Иное всё за тебя и решает.

А ведь и в самом деле решает!

Пора обратиться к другому открытию, обязанному открытости самой философии хозяйства, у которой ни чётко очерченного предмета, ни единственно правильного метода, ни строгого понятийного аппарата, ни в конце концов какого-либо законченного итога.

Ключ, он и есть ключ, скальпель, он и есть скальпель — открывают, вскрывают, обнаруживают. И что же идёт за Иным, а может, ему и предшествует?

Смотрим!

Открытие второе: мир и человек в нём не просто задеты неизвестностью, они ею объаты, да ладно бы неизвестностью как неизвестностью, а то ведь *работающей неизвестностью*, которая не просто есть, но которая ещё и *работает*, да ладно бы через Иное, его питая, а то ведь и сама по себе, когда даже Иное бессильно, — бац! — и всё тут!

Что, разве мало этого «бац!» в мире, вокруг нас, далече от нас? Вон та же ковидная коронованная пандемия: да, кое-что вроде бы о ней известно, хотя и через пробы, ошибки и коррекции, а что-то явно в ней *иное* — ускользающее, а что-то не менее явно в ней... э-э... *неизвестное*, что даже не ускользает от озабоченного любознательного «чека», ибо ускользать тут явно нечему, — бац! — и всё тут!

Человеку вполне справедливо кажется, что он сам для себя де весьма известный, как и бытует в весьма известном ему мире. Факт! Но другим фактом является, что человек бытует в мало известном, не очень известном и совсем не

известном ему мире, а ещё человеку кажется, — правда, в лице отдельных персон, называемыми обычно сумасшедшими мудраками, — что человек бытует не просто в не очень известном ему мире, а в самой, знаете ли, *Неизвестности*, что означает, заметим особо, что не мир у нас как неизвестность, а... *Неизвестность как мир!*

Ничего себе!

Мало, что всё вокруг иное, так ещё и неизвестное, но не непознанное, а вообще непознаваемое, как раз то самое, с которым, — в отличие от Иного, с которым ещё можно познавательно, пусть и мифотворно, пободаться, — остаётся только соглашаться, — бац! — и всё тут!

А что же такое Неизвестность... э-э... пустота что ли? Может, и пустота, да вот не та, о которой подумал читатель, а пустота *наполненная*, а ежели так, то чем же? — а *Ничем*, точнее, *Ничто* 'м, что есть даже и под носом у человека, но что для человека как вещи нет, однако что является человеку как весть, иной раз и роковая... бац!... и старушки нет!, — как писала когда-то в опрометчивые времена одна весёлая одесская газетёнка.

А если учесть, что в мире случаются воистину грандиозные события (вроде той же коронованной пандемии), то говорить о *Неизвестности* приходится прямо-таки с предыханием, а квалифицировать сию негодницу приходится не иначе как *Великая* (вроде другой великой негодницы — Екатерины II)!

Вот и выходит у нас с вами, господа, *Великая Неизвестность*, в которой мы, человеки, может, и купаемся, знамо и не знамо того, но, увы, с о-очень переменным успехом!

Открытие третье: восходящее к первым двум, но обязанное более всего изобличению, даже не обнаружению, и не чего-нибудь, а застрявшего в умах человеческих мифа о самовозникновении из мёртвой материи таких феноменальных тайн, как жизнь, природа, человек, сознание, как и связанное с кое-каким уточнением мифа о всего лишь божественном творении всего этого немыслимого.

Что это за открытие?

Жизнь, природа, человек, сознание — может, и творение Бога, но, увы, которое никак не могло случиться без содействия Великой Неизвестности и без участия Великого Иного, то бишь невыразимых словом бессубъектных сил, — и мало что Творение — до сих пор не покидает того и другого, а и кажется, что то и другое его — Творение — не отпускает.

Что же тогда получается? А ничего, ибо тут *тайна* — **ТАЙНА!**

Да, всё вроде бы есть: жизнь, природа, человек, сознание и кое-что из этого вроде бы даже и материально, упруго, твёрдо, да ещё и конструкционно и, следственно, аттрактивно, с замысленно-проективным вмешательством откуда-то извне — мало что *не от мира сего*, так ведь и... *Ниоткуда!*

Можно сказать, что из Космоса, из Мироздания, от Бога, но что из того? — уж лучше по-честному — *неизвестно откуда*, а главное — *неизвестно зачем*, на крошечном-то шарике, именуемом человеком Землёй, кстати согласно философии хозяйства, не таком уж и мёртвом, ибо как же тогда на нём всё живое мало что явилось, но и удержалось, расширилось, размножилось, задоминировало,

обнаглело: Иная она — Земля, напичканная Иным и пропитанная Неизвестностью.

Открытие четвёртое: (самое важное для недоверчивого читателя, ибо прямо его касается — как уже вообще человека): *человек* — тоже ведь *иное*, может, и *homo*, да вот не *sapiens*, точнее, не только и не столько *sapiens*, которыми на Земле пруд пруди (кто из животных, если не просто из живых, не *sapiens*?), сколько *Vitos consiencis* — *живое осознание*, можно сказать, что и *Homo*, и *Anthropos*, и просто *Animal* (животное), но что из того: человек потому человек, что он имеет *сознание* — СОЗНАНИЕ!, им обладает, им наделён, а сознание, восходящее к абстрактно-параллельному о мире, о самом человеке и даже о Боге знанию, выражаемому в наполненных *смыслом словах*, правда, смыслом вибрирующим и даже прыгающим от слова к слову (словно блоха!), что то же самое — припечатанной и самостоятельно (хоть и в головах человеческих) существующей (в памяти) *мыслью* (те же тараканы бытуют в домах, казармах, университетах, но они, вполне разумно там устроившись, знают ли, что это именно дом, казарма, университет, слышали ли они про тех же хозяев дома, знают ли про Суворова с Жуковым, про Ломоносова с Менделеевым, — вряд ли?), так что слово — *словленная мысль*, а мысль — *раскрытое в смысле слово*, а ежели ещё учесть, что одно слово выражает разные в зависимости от контекста смыслы, а один и тот же смысл выражается сплошь и рядом разными словами, то уж перед нами никакой не *sapiens*, а самый что ни на есть *consiencis* (осознаниенный, хотя и, кстати, не обязанный быть не только сознательным, но даже и разумным — как те же тараканы!).

Так что же тогда человеке в трактовке нашего странника, как не *иное* и *неизвестное*, хотя он человеке — и это, и то, и третье: сознание и есть *иноеизвестное* (неотмирное) в человеке — неприродное, незёмное, даже и не космическое!

Откуда он — человек — взялся? Из той же «лаборатории», что и тараканы, только вот с особой короной в голове — *сознаниевой*. Ладно, пусть так, — тогда зачем взялся? Во всяком случае не просто жить и поживать, как те же тараканы (до поры, по крайней мере), а скажем сразу и кратко... **творить!** — из природы — неприроду, из неприроды — другую неприроду, из новой неприроды — ещё более новую неприроду (это всё телеология), так и до полной неприроды с неминуемой трансгрессией во что-то... э-э... *иное*, пока ещё и *неизвестное*, да и вряд ли когда станется известным: как пришёл человек из Неизвестности через Иное, так, видимо, и уйдёт через Иное в Неизвестность (тут уже эсхатология)!

Философия хозяйства — не шутка вовсе, а мало того, что сила, так ещё и сила драматическая, прямо как во МХАТе, в том ещё — в булгаковском!

Вскрыли и увидели, да не просто живо-животное существо, мыслящее и говорящее, а ещё и... *творящее*, да ладно бы ради жизни своей, а то ведь ради своего самоисчезновения прямо по вектору «от природы к неприроде», — каково, а-а?!

Нет, не таракан наш человек, вовсе не таракан, хотя таракан бывает и поразумнее человека, тут что-то и в самом деле *иное*, вовсе и не такое уж и разумное, зато и в самом деле неизвестное, вовсе и не зёмное, — а вот что же?!

Научники всё к мозгу человеческого тянутся, липнут к нему аки мухи, ища там ответа, хотя мозги-то не только у человека, да вот только у человека вовсе не мозговое сознание, да и никакая всего лишь чувствительность, а именно **сознание** — знание себя и мира, да такое знание, что впору и с незнанием его совокupить: если б человек всё знал, то и человеком бы не был, как и не был бы таковым, если б и совсем ничего из абстрактно-вообразительного не знал.

Знание и незнание в одном флаконе, как, собственно, и сознание с бессознанием, разум с безумием, как и всё остальное, включая добро и зло, любовь и ненависть, людскость и нелюдскость, человечность и бесчеловечность, да мало ли ещё что из противоположного сидит в обнимку друг с другом в этом загадочном флаконе, называемом человеком.

Человек — он ведь и *нечеловек* тоже, ибо *иной, неизвестный, трансцендентный*, ибо не просто осознаёт себя как живое существо, но ещё и смертное существо, мало что сознаёт себя пленником одновременно благой и ненавистной для него природы, Земли, но так же и вселенского притяжения, бесконечной страды, всяких там тягостей, скуки, страха, хворей, ну и животности, хищности, зверскости, да мало ли ещё чего из на человека свалившегося, скорее, с ним возникшего, немало ему самому и вопреки!

Вот и позавидуешь таракану, который ничего такого не знает, вот человеке и завидует, точнее, спасает себя сквозь мифы, философии, литературу, театр, газеты, Интернет, вообще любые идеологии — оправдывающие, уводящие, закрывающие, а в общем-то — лгущие, лгущие и лгущие («Тьмы низких истин им, — опять же малость перефразируем, — дороже их возвышающий (и спасающий) обман!»).

Иметь сознание от и из Иного, а сидеть *тут, в этом*, среди *этого*, да ещё и быть (телом) таким же, как и всё это, а вовсе не иным, надеясь призрачно лишь на бессмертие *своего иного* (души, ума, сознания) в *ином-де* (каком же?) мире — совсем не лёгкая и не простая задача, она же и участь, и миссия, и бремя, и страда, и ужас, и фарс, да ещё и осознать, что всё это чей-то *проект*, а ты — человек — всего лишь лабораторная крыса, правда, не только выживающая и приспособливающаяся, но и творящая (это-то зачем?), *переделывающая* всё это (от природы к неприроде), мало того — *пересотворяющая мир и себя* в нём (значит, зачем-то кому-то надо?), то ли просто с риском для себя, то ли с целью в этом пересотворённом, возможно и (Sic!) исчезнуть, — да уж, что ни говори, а та ещё *мистерия*, как раз *хозяйственная*, ну и *философическая* тоже (а ведь не один из невозможных читателей сего опуса не раз, небось, подумал, зачем же она — философия хозяйства, да ещё и в роли скальпельного ключа к реальности?!).

Однако философия хозяйства в роли такого вот «золотого ключика» ещё не всё для нас открыла: вскрышно-разоблачительно-познавательная операция вовсе не закончена, она всю продолжается.

Открытие пятое: мало того, что человек — осознаниемное животное, что он зверь, зачем-то ещё и осознаниемный, он ещё и *апокалиптический зверь*, то бишь с неотступным осознанием своей безнадёжной зверскости и с вынужденным признанием жуткой и неустранимой многомерности своего сознания. Нет, речь тут не о дикости, будто бы первобытной, а о самой что ни на есть развитой человечности, вполне органично связанной через сознание с

апокалиптикой, то бишь с ущербностью, искажённостью, порочностью, уязвимостью, провальностью себя, своего существования, своей практики, пусть и телеологически запроектированных, пусть и не детально, с расчётом на импровизацию, отклонения, вариации, даже и на человеческий произвол, пусть и со своей эсхатологической временностью, обречённостью, опять же ущербностью и уязвимостью, брошенностью, что выливается на деле в непрерывную надёжно-безнадёжную **войну** (тоже ведь хозяйство и тоже имеющее философическую обусловленность) вовсе не только с природой и иными зёмными существами, а и с себе подобными, с самим собой — как индивидами и с индивидами, так и социумами и с социумами, со своим же пленённым сознанием, со своей галерной экзистенцией — личной и общей, с собой как с непонятным самому себе феноменом мира, бытия, жизни, смерти, неизвестности!

Да, страшны для человека крысы, волки, акулы, когда их становится слишком много, и когда они слишком близко — голодные, даже тараканы с мошками страшны, не говоря о прожорливой саранче, но нет для человека существа страшнее, чем он сам — человек, для которого и никаких вынужденных обстоятельств, серьёзных причин или подходящих поводов совсем и не надо, чтобы реализовать свою неуведаемую страшность!

Занятная это вещь — человек, он же субъект, особь, личность, как и вещь, и слово, и деяние, ну и зло, исходящее от человека к человеку, в особенности просто так — «из характера», из хотения, из неприятия, из отвращения, из зависти, как и в удовольствие, развлечение, а то и вообще из ничего!

Отсюда и вечная апокалиптотрофная забава: сдержать зло, насилие, зверство, исходящие от человека к человеку, причём через не добро вовсе и не уговоры, а через... зло, насилие и, уж извините, господа, через зверскость, да и то лишь только сдержать, а не ликвидировать насовсем (человек лучше сам себя ликвидирует, чем откажется от зла, насилия, как и несправедливости, подлости, гнусности... надо ли продолжать?).

Апокалиптика против апокалиптики!

Интересненько, не правда ли?

Но самое тут главное, что ничего — живём, рассуждаем, уверяем себя в добре, благе и дружбе, ещё и идеологии к этому с их доброхотными институтами присовокупляем, чуть ли при этом и ни счастливы!

Да, конечно: война, бойня, жестокость, пытки, страх, мерзость, гнусность, но... что поделать!.. есть ведь и другое, есть и то, что и спасает, что *апокатастатикой* прозывается в умных головах, но... куда ж от первой и первенствующей — от *апокалиптики*!

Да, в вышеописанных злах и гнуснях как бы и ничего для всё более негодующего читателя нового, никакого для него открытия, всё это ему и так хорошо известно, однако, заметим, во-первых, здесь представлена *органика*, во-вторых, *апокалиптическая органика*, в-третьих, *безысходная*, — так что кое-что новенькое всё-таки есть, да ещё и далее будет (ещё не вечер, хоть вокруг и дневные 2021 г. сумерки!).

Открытие шестое: хоть всем и известно, что человек — *животное социальное*, как и известно, что человек — *существо асоциальное* (особь он, индивид, личность, сам-себе-сознание, как и сам-себе-бессознание тоже), да вот как-

то мало говорят, что *социум* человеческий не возникает, не существует и не реализуется без постоянного, настойчивого, целеположенного... э-э... **насилия**, да ладно бы необходимо-позитивного, а то ведь и произвольно-негативного тоже.

Господа, холуи и рабы, где-то меж ними разного рода функционалы, вроде менеджеров, специалистов, учителей, врачей, священников, литераторов, деятелей искусств, журналистов, циркачей, ну и тех же воров с мошенниками, — и что интересно — в *любом* так называемом цивилизованном социуме, в *любом*!

Насилие не только и не столько повивальная бабка истории, как правильно привиделось К. Марксу, а... действительный *хозяин бытия-истории*, хоть и выглядит ныне вполне себе благопристойно, ибо не просто, как было прежде, завирает, а попросту непрестанно врёт, даже не выдавая ложь за правду, даже не утруждая себя поиском хоть какого-нибудь правдоподобия.

Насилие, братцы, и только насилие, и никаких тебе «Свободы» с «Братством, не говоря уж о «Равенстве»!

Социум — достаточно жёсткая *иерархия*, причём всякая, а в главном не так даже имущественная, владетельная, присвоительная, хоть это и архиважно, а просто... *людская*, когда одни — «белые», другие — «серые», а третьи, увы, — «чёрные», — и не важно, кто, где, как, зачем и почему? — и у «белых» почему-то хватает мерзавцев и глупцов, у «серых» немало копошится почему-то людей способных и талантливых, ну а в «чёрных» вдруг обнаруживаются самые настоящие гении.

Распределение по иерархическим расам, а это именно социально-когнитивно-культурные расы, нередко и с

заметным этно-физиологическим замесом, идёт хитро́ , замысловато, тёмно, в общем — не по sapiens вовсе, а как-то *по-иному*, а вот как, ежели не по-дьявольски, а-а?!

Бога можно не признавать, оставаясь при этом божеским существом, — Бог простит!, а вот не признавать дьявола... о-о!.. непростительная блажь, открывающая дорогу к рогатому, мало того, в его окоёмы и затаскивающая.

Опять вроде бы никакого открытия, что, пожалуй, и верно, да вот ежели хорошенько подумать и вдруг ни с того ни с сего под рюмашечку и убедиться, что и впрямь *всюду и всегда...* э-э... *одно и то же*, пусть лишь в разных обличьях и реализациях... *одно и то же!* — пусть у нас и не открытие, но зато какое мощное утверждение, а-а?!

Открытие седьмое: «больше или же меньше, чем...». Кажется заранее, что тут тоже никакого открытия нет, но... не будем спешить... посмотрим, а вдруг!

Вдруг всё-таки открытие!

О чём, собственно, речь? А о том, что человек, мир, бытие, хозяйство, история, культура, да мало ли ещё что, та же, к примеру, экономика, вовсе не всё, чем и как они являются осознающему их сознанию, да и само сознание вовсе не совсем то, о чём обычно говорят, — оттого и выходит, что всё перечисленное, как и ещё многое другое, всего лишь что-то частичное как в ходячем восприятии человека разумного, так и, скажем так, бываючи объективно в своём «есть», в своей реальной экзистенции, в себе самом.

Обо всём тут не скажешь: кучу трактатов надо писать, а потому лишь о некотором, как кажется, о главном.

Сознание. Оно мало того, что сложно, ибо *сознанию как сознанию* приходится сочетаться со *сверхсознанием*,

связанным с *иным высоким* и проявляющим себя во вдохновенных откровениях, а также сочетаться с *подсознанием*, обращённым, будучи кладовой сознания, к *иному низкому*, причём той ещё кладовой, не чуждой связи и с самой Преисподней, так что сознание (пока ещё сознание!) по крайней мере трёхчленно: *сверхсознание, сознание как сознание, подсознание*, но это не всё, ибо сознание ещё и в преступном или нет, но в единении с *бессознанием* (остановкой сознания, его прерыванием, как бы и отсутствием), а также с интуицией, с чувственностью, с животностью, но и это не всё, ибо сознание, хоть вроде бы и распределено по человеческим единицам, но оно ещё и ухитряется быть совокупно общим — *общественным сознанием*, без которого, кстати, никакие индосознания и не существуют, так что не только и не столько единицы составляют целое, сколько целое состоит из единиц, на них распадается, по ним распределено.

Вот и выходит, что сознание куда как более, чем просто сознание, в особенности, когда речь заходит о *больших сознаниях*, свойственных особенно одарённым им человеческим особям, отчего нетрудно заключить, что бытует и сжатое — то ли не раскрытое, то ли не способное к раскрытию, то ли попросту вообще обеднённое сознание, то бишь менее, чем сознание, или *малое сознание*, а в массе, надо полагать, бытует *среднее* или *обыденное сознание*.

Ничего не поделать, такова селяви!

Однако это всё-таки не главное: *человек вообще более, чем человек*, хотя мало что мешает ему быть куда как менее, чем человеком. Но мы здесь не о «менее», уже набившем оскомину, а о «более», которое состоит в том, что человек — не просто осознаниеенное социальное животное, а некая

сущность *земно-космического разряда*, находящаяся в имманентно-трансцендентном единении со всей вселенской... э-э... *экзистенцией* — **ЭКЗИСТЕНЦИЕЙ!** — ***Вселенской экзистенцией!*** Вселенная, знаете ли, живёт, бытует, существует, конечно же, охваченная Великой Неизвестностью и удерживаемая Иным, но ведь, как бы странно и даже дико это ни звучало, ещё и отмеченная, помимо присутствия Бога, наличием в ней и *человека* — **ЧЕЛОВЕКА!**, его сознания, его духа, его стенаний, стараний и страданий, его бушующей отчего-то экзистенции.

Вселенная — хозяйство, у Бога тоже своё хозяйство, у человека тоже, — так вот всё заедино хозяйственно и крутится!

Нетрудно включить свои мозги и схватить прямо летящую в сознание пронзающей стрелой мысль: *«Хозяйство человека более, чем хозяйство, как и жизнь человека, и его бытие, и история, и страда со всем её страданием, и жертвенность, и даже сама смерть, всё это куда как более самого себя»*, — ну-у, чем не открытие, господа всезнайки!

И ежели о чём-либо большом и значимом думать, так уж думать с учётом этого *«более себя»*, не избегая, коли потребно, и *«менее себя»*, а то и вообще *«недостойно себя»*, как и, разумеется, *«против себя»*, — не так ли?!

А то же хозяйство, как и всё остальное из вроде бы позитивного, работает как на себя и человека, так и против себя и человека: *бездна*, из которой так или иначе вышел мир, а с ним в конце концов и человек, никуда не исчезла, она мало что тут, так ещё и вовсю *«работает»*, служа хранилищем и переработчиком отходов от мира, ему отстойником, но и, как

ни странно и ни гадко это звучит, *резервом мира*, как и *человека в нём*.

Бездна! А что ещё, кроме бездны, как раз и сопряжённой с Великой Неизвестностью, с Иным, с самим миром и человеком с его сознанием — через *Хаос* и его постоянное преодоление всё теми же Великим Неизвестным, Иным, самим миром и человеком в нём, ну и, само собой, Господом Богом Творцом, не минуя присутствия где-то в нужных и не очень нужных местах услужливого, лукавого и переменчивого господина хорошего дьявола.

Вообще в мире имеет место один любопытный феномен (конечно, из сонма многих других) — соответствия, похожести, подобности или, как стало модным говорить, *фрактальности* всего и вся, вроде бы разного, отличного, самостного, но в то же время в чём-то и как бы общего, — и эту-то «как бы общность» надо непременно иметь в виду, что позволяет многое что заметить и понять в окружающей человека и сидящей в нём самом реальности, в её строении, составе, поведении.

Человек при всей своей микроскопичности относительно мировой реальности — целая (*целая!*) вселенная (*вселенная!*), подобная (что совсем уж недопустимо!) самой Вселенной, включая её составляющие вроде Великой Неизвестности, Иного, бездны (***Бездны!***), первичного, производного, присутствующего, работающего и завершительного хаоса (***Хаоса!***, в общем-то), да и вообще, если обратиться к субъективной феноменальности, то очень любопытная троица тут выходит: *Господь Бог, дьявол и человек*, — фракталы не фракталы, но вот подобия-то сколько, пусть и в неравенстве мыслей, сил и возможностей, но... непознаваемая и

неодолимая мистерия-то есть, идёт, разгорается, грозит не одними громами и молниями, не только извержениями и потопами, не только жарой и засухой, но и... э-э... не будем об этом до срока, ибо «щас» всего нужнее и важнее пусть не открытие, хотя почему и не открытие?, а всего лишь утверждение, принимаемое, правда, нами и за открытие, как раз *восьмое* по счёту, и называемое нами «*Всеединством*».

Интересная загвоздочка, не правда ли, особенно, если принять во внимание один «подлый» вопросик: а что есть и где она есть, коли есть, *фабрика мира*? О-о, как не хочется отвечать на этот вопросец, но куда ж от него, коли философия хозяйства, согласно которой фабрика чего-либо всегда... на *фабрике*, а ежели посмотреть повнимательнее на любое производство, включая и производство самого человека, и его сознания, и речи, и мысли, и...и... и..., то ответ явится сам собой, в особенности при обозрении какой-нибудь драконовской шахты, какого-нибудь невыносимо горячего чудовищно грохочущего металлургического цеха, какого-нибудь бескрайнего, усеянного сорняками, злакового поля, какой-нибудь неуютной больнички, даже какой-нибудь шумливой школы, и явится сей ответ в самой что ни на есть простой и ясной, хотя и очень неприглядной «образине», ибо будет он звучать так: фабрика мира, как и фабрика всего в мире, исключая Господа Бога, который выше мира, вне его, за его пределами, заключается в *преисподней* (*Преисподней!* — не меньше!).

Радостно это осознавать или нет, но это так: и лучше всё-таки осознавать, чем не осознавать, как лучше осознавать тот знаменательный факт, что *ад* (он же и *Ад!*) размещается не где-нибудь, а прямо здесь, на Земле, и бытует он не где-то

там, а прямо в сознании людском, включая, разумеется, психику, чувства, бессознание, безумие, но и умение тоже, в общем — в человеке, хотя и не только, и рядом тоже.

Вот и оно — *открытие девятое*, за которым в мировой, земной, космической, человеческой реальности стоит не что-нибудь из а-ля нобелевского, а вполне, знаете ли, из обыкновенного (давно, кстати, открытого, а нами лишь малость переоткрытого), а именно факт работающей Преисподней и факт никуда не исчезающего со света Ада (относительно Рая, кроме разве частных случаев его подобия, нам сказать нечего, ибо в массиве его не знаем, не видели, не переживали, хотя анти-Ада, то бишь почти-Рая, в мире человеческом не то чтобы хоть отбавляй, но немало и есть, — как жить-то совсем уж в Аду?).

Открытие десятое: производство мира, бытия, жизни, человека, сознания, хозяйства, истории, экзистенции есть работа адова... а-а, уже догадались!.. Преисподней, Великой Неизвестности, Иного, и всего Этого тоже, но и Господа Бога со своим замечательно дельным помощником в образе дьявола (обойдётся мастер на все руки без заглавной буквы и выделения курсивом!). А что такое производство, как не изведение чего-то эдакого из чего-то другого, но с непременно изведением его — этого произведённого — из не то чтобы из ничего, хотя и это возможно, но всё-таки из чего-то поначалу существующего лишь в замысле, в проекте, в идее, в мысли, да ладно бы Господа Бога Творца, дьявола или человека, а то ведь и Мироздания тоже, даже самой Вселенной с её Бездной и Великой Неизвестностью, с её Иным, — во как!

Творение — нескончаемое, путаное, жуткое дело, — и хошь, не хошь, а... из Ничего, это, так сказать, в той — дальней — инстанции, сокрытой, как бы и не существующей, да вот превращающейся вдруг в Нечто, не преминув ускользнуть и обратно, вновь став Ничем.

Творение Божие — не всё вселенское творение, оно всё-таки творение в творении, причём Бездна, Великая Неизвестность, Иное не просто обстоятельства Божиего Творения, не просто его «материал», они ещё и участники, без которых Богу Творцу, как и без на всё готового помощника дьявола, просто не обойтись!

Иначе ни мира, ни бытия, ни жизни, ни человека, ни сознания, ни хозяйства, ни истории, ни экзистенции, в общем — *ничего*!, а разве это Господу Богу надо — погост что ли вселенский?!

Не Рай вовсе делает экзистенцию экзистенцией, а Ад, именно он создаёт желания, потребности, замыслы, стремления, проекты, толкает на деяния, на затраты, на страду, на страдания, на жертвы, на преступления, в общем — на хозяйственную жизнь, — и что-о, разве тут не открытие, уже *одиннадцатое* по счёту: *открытие одиннадцатое*, — бац!, и открылось, — и не ради шоу-шулерства вовсе, совсем не ради, а, уж извините, господа, истины для!

Да, суровая тут ниспослась истина, даже страшная, а что делать, коли это так, — и разве не случайно сия и ей подобные истины, да и вообще любые истины, так старательно прикрываются идеологиями, мифами, сказками, богословием, философией, той же наукой, разумеется, не во всех своих объёмах, случается там и правда, но зато сколько же там благодетельной и не очень лжи!

Адовская она — планида-то человеческая, аккурат на планете Земля, — не адская, как у каторжников, а именно адовская, то бишь как бы и сносная, но вот небезмятежная, страдная и страдательная, колкая и колючая, опасная и жертвенная, временами и местами ничего себе, даже и великолепная, а в другие разы, мало что тяжкая, так и просто невыносимая!

Вот такие у нас сподобились одиннадцать ценнейших открытий при вхождении в реальность с помощью философско-хозяйственного «золотого ключика», — дальше станет понятно, почему именно эти открытия пришлось вдруг к нашему размыслительному двору, могли ведь явиться и другие, но мы рады и этим, — пока во всяком случае!

Мир как хозяйство

Именно *мир* и именно как *хозяйство*.

А разве другой, то бишь нехозяйственный, мир есть, коли даже мёртвая статичная материя вдруг ни с того, ни сего мало что начинает двигаться, так ещё и меняться, чуть ли не оживляясь, а ежели взять на зуб (ментальный, конечно!) Мироздание, ту же Землю, не говоря о той части мира, которую мы Природой зовём, то вряд ли удастся отказаться от хозяйственного ко всему этому подхода: и впрямь кругом *Хозяйство*, разумеется, разное, но при этом в чём-то и общее, пусть и в не очень человеку известном (частицы, энергии, информации, тропии, синергии, первовзрывы и вообще взрывы, полёты, столкновения, катастрофы, «чёрные дыры», в общем — сам чёрт не знает что такое!).

Мироздание мало что есть, оно ещё и *живёт*, пусть по-своему, не так как живёт Природа, как живёт таракан или тот же Человек, но... *живёт*, а жизнь и есть *хозяйство*, как и хозяйство есть *жизнь*!

Однако нас более интересует не жизнь материального физиса с его *твёрдо-механистическим в основе хозяйством*, как и не вполне себе разумная жизнь таракана, тоже ведь хозяйственная, какими бы интересными они ни были, — нас интересует более всего жизнь-хозяйство человека-человечества, оказавшегося незнамо как на Земле, в Природе, в Мироздании, не говоря уж о Вселенной.

Да-а, жизнь-хозяйство, то бишь экзистенция, она же и бытие-история: нашенская в нашенском же исполнении, понимании и опять же исполнении, как и в словесно-понятийном выражении: как ни называй, что ни думай, как ни радуйся и как ни горюй, а всё одно — *мир человеческий*, разумеется — *мир-хозяйство*, да мало что сам по себе — именно человеческий, так он ещё и часть безграничного Мироздания, самой бездонной Вселенной, а потому и не совсем человеческий, не только человеческий, да ладно лишь мир как таковой, а то ведь и хозяйство тоже, отчего хозяйство-то человеческое, то бишь жизнь, бытие, история, экзистенция человека-человечества куда как «ширше» всего чисто человеческого, но, с учётом лишь фрактальной сопоставимости всего человеческого со всем мирозданческим, вообще-то не такие уж и человеческие: не просто хозяйство получается у человека, а что-то и большее... нет, пожалуй, не *мега-хозяйство*, хотя почему и в некотором плане и не *мега*... а вот *мета-хозяйство*... — это уж точно!

Так или иначе, но выходит, что это хозяйство куда как, с одной стороны, покруче чисто человеческого, ибо включено в иные — бóльшие — хозяйства, а с другой — позапутаннее просто человеческого, ибо в нём хватает много чего иного, включая и само по себе Иное, и Великое Неизвестное, и ту же Бездну (как бездность), и, пардон, Преисподнюю, не говоря уже о непростом «устройстве» самого хозяйствующего человека с его безбрежным сознанием, безразмерным умением, бескрайним воображением, бессрочным бессознанием, безграничным безумием.

Вселенское хозяйство, конечно, не человеческое хозяйство, хотя это последнее и наличествует в первом, но зато человеческое хозяйство не свободно от вселенского хозяйства, более того, его — человеческое хозяйство — можно даже посчитать и за *суб*-хозяйство — относительно вселенского хозяйства и других, бóльших, чем человеческое, хозяйств.

Да, человек сознательно-бессознательно, умно-безумно, сердечно-бессердечно хозяйствует, — факт, но только ли сам по себе человек хозяйствует в своём же хозяйстве? В том-то и дело, что *не только*: есть ещё кому или чему похозяйствовать в человеческом хозяйстве, для чего достаточно помянуть не к ночи хотя бы ураганы, смерчи, цунами, засухи, наводнения, да и ту же саранчу с тараканами, — чем не хозяйствующие силы?

Но главное тут всё-таки не в этом: человеческое хозяйство не то что не вполне принадлежит человеку, что в нём принимают участие и другие хозяйства, — да ещё и какие и как!, — а что человеческое хозяйство *не вполне принадлежит самому себе*, ускользая как от человека хозяйствующего, так и от самого себя.

Как хозяйствующий субъект человек вроде бы хозяин своего хозяйства, а вот как субъект из Мироздания — он лишь частичный хозяин своего хозяйства, да и как хозяйствующий субъект тоже.

Итак: 1) хозяйство, а это в итоге жизнь, бытие, история, экономика, культура, прогресс, в общем — вся экзистенция, включая и смерть, это самое хозяйство, которое ведёт человек вкупе со своим сознанием, разумом, бессознанием, безумием, психикой, чувственностью, воображением, но также и стихией, хаосом, упорядоченностью, бездной, преисподней, небесами и т.д., это хозяйство, мягко, — вполне и по-научному, — выражаясь, весьма неопределённо, неоднозначно, вероятно, а ежели не по-научному, то всякое оно, разное, то такое, то этакое, иной раз и абыкакое, во всяком случае с неточным «входом» и неточным «выходом», хотя и не без устремлений, сдвигов, достижений, превращений, даже и революций; 2) хозяйство, которое вроде бы ведёт человек, ведётся не только человеком, — и ежели о субъектно-субъективном участии Бога или того же дьявола можно благоразумно помолчать из-за нехватки (отсутствия) знания, то о стихийно-объективных влияниях что Природы, что Космоса, что Галактики, но ещё и Иного с Великим Неизвестным, не исключая Бездны с Преисподней, молчать уже не приходится; 3) вот и выходит, что хозяйство человека — и *мега*хозяйство, и *мета*хозяйство, но это ещё не всё — оно есть *само*хозяйство (как бы со своим сознанием, как раз по сути *мега*сознанием, и *мета*сознанием тоже) — как *авто*хозяйство (самореализующееся), так и *само-себе*-хозяйство (по-своему и ради себя ведущееся).

Что из всего этого? А то, что человек много всего делает (и не делает тоже), коли хочет жить, быть, торчать, противиться, бороться, к чему-то стремиться, чего-то достигать, но делая всё делаемое, он делает хоть вроде бы всё, что хочет или явно вынужден, но не совсем так, а иной раз и совсем не так, ибо ему только *кажется*, что он делает то, что хочет и что явно вынужден: реальность тут сложнее, запутаннее, хитрее и немало коварнее!

Хозяйствуя, человек действует не совсем уж в потёмках, даже не в густом тумане, хотя бывает, что и не без всего этого, он действует среди хорошо заменяющей потёмки и туманы Неизвестности с её не только Иным, Бездной и Хаосом, но и с его — человека — Неведением, Незнанием, Наивностью, Самоуверенностью, а главное — с чуть ли не заготовленным Неизвестностью дьявольским коварством, когда думаешь и делаешь одно, а в реалиях выходит из тебя совсем (или не совсем) другое, когда идёшь туда, а приходишь совсем (или почти совсем) не туда, когда мечтаешь об одном, а получаешь совсем другое.

Хозяйство человеческое — не только не уверенное в себе хозяйство, не только колеблющееся, волнительное, дискретное, не только небезопасное, тревожное и ядовитое, ещё и немало (это скромно сказано!) *античеловеческое*, причём прямо и от самого человека хозяйствующего, если даже от него не по преимуществу, что позволяет видеть в хозяйстве и *антихозяйство*, да так видеть, чтобы не сомневаться в том замечательном диалектическом факте, что *хозяйство есть в то же время и антихозяйство*, мало что всегда *не то* хозяйство, а скажем так — *иное*, так ещё и попросту антихозяйство

с текущими за ним антижизнью, антибытием, нежизнью, смертью.

Круто, не правда ли, явно круто, а ещё круче выглядит следующее открытие, оно же и заключеньице: *хозяйства без антихозяйства не то, что нет, но и быть не может, иначе ни жизни тебе, ни бытия, ни экзистенции, а лишь один, знаешь ли, погост, никому и не нужный!*

Что ж, можно теперь приступить, не углубляясь в детали вроде войн, революций, репрессий, мошенничества, рабства, коварства, обмана, лжи, потерь, жертв, бедствий, всего того, что сопровождает... э-э... нет, не сопровождает, во всяком случае не только сопровождает, а попросту составляет хозяйство, жизнь, бытие человека, как и самого человека как мирозданческого (не будем говорить — господнего!) существа-феномена, в общем — можно приступить и к объяснению необъяснимого — явления в истории человечества золотого четвертьвека, посетившего на Земле место, называемое то протоРусью, то Русью, то Россией с его проторусами, русичами, русскими в сочетании, конечно, с другими людьми и народами, кто так себя не называет, но в сочетании всё-таки центростремительном, когда есть и действует не только *русский хозяйственный мир*, но и *русский хозяйствующий центр*.

Рось

Что это ещё за *Рось* такая? Да, одно из исторических прозваний Руси и населявших Русь людей, но на данный момент вполне подходящее имя не к стране, не к народу, не к главенствующей элите, вообще не к пространству и, так

сказать, не к материалу, а к... *идее*, да-да, именно так — к ИДЕЕ!, которая вроде бы русская, но при этом вроде бы и нет... нет, конечно, не нерусская, а как бы нейтральная. Но не потому что ей не хочется русской называться, чтоб ненароком кого-то этим не задеть, особливо, из русских же русофобов, а потому всего лишь, что идея-то эта, хоть и заманчивая, но и очень уклончивая, ясно никак не выраженная, даже и убегающая, неуловимая какая-то, прячущаяся, в общем — *потаённая*: до сих пор о ней толкуют, но при этом и в упор её не видя, пристально не рассматривая, никак толком и не формулируя.

Тайна!

Да уж, что тайна, то тайна: не поймёшь эту Русь-Россию, эту Рось, не поймёшь и этих русских: что за страна, которая и не страна вовсе, что за люди, которые очень не такие, как все вокруг люди, что за идея такая, которой вовсе и нет? — в общем — нет, не *это* всё это, не *то*, а так — *дыра!*

Но что интересно: и в самом деле дыра, да вот зато какая, где и куда!

И не в одном только гнозисе зияет дыра, хоть в европейском, хоть в азиатском, хоть евразийском, хоть даже и вроде бы русском, что более или менее понятно — не берётся гнозису такой странный онтос, но и в самом онтосе, причём в мировом, тоже ведь дыра, ибо не стандартен он, особен, не таков, как везде, отчего и неизвестен, во всяком случае явно он *ин* (от иного), или *иноен*, а не просто *инаков*, и гнозис тут незнаем, а ежели и есть он, то тоже явно *ин*, или *иноен*. *Иная* она — Рось! Не просто другая, а совсем иная, от *иного мира* — *неотмирная* она!, а потому и рассматривать её надо

иначе — как не от мира сего феномен: что как идею, что как страну, что как народ, что как мир.

Все люди и народы, всё человечество, вообще-то, не от мира сего, но все, или почти все, приспособились к *этому миру*, его под себя и приспособлявая, бытуют в нём как его более или менее органичные принадлежности, пусть и по-разному бытуют: кто в верхах, кто в низах, кто в господах, кто в рабах, кто впереди, кто следом, только вот русские выбиваются из ряда, хоть и вынуждены приспособливаться и приспособлявать, как другие, да вот явно не к своему, а к чуждому им миру — и чуждому не из-за пренебрежения к нему, а из-за бессознательного хранения памяти об ином мире, откуда они и вышли.

Здесь, конечно, драма — драма от инстинктно, хотя и на словах тоже — в тех же сказках и сказаниях, не забываемого происхождения, точнее бы сказать — незабываемой принадлежности, но в то же время и драма ожидания не то чтобы возвращения туда — в исходный родной мир, а скорее, вхождения в какой-то новый, уже и *иной* мир, но так или иначе корреспондентный родному.

Отсюда все особенности и роковые проявления русского сознания, характера, поведения, ума, безумия, бессознания, воображения, прозрений, затмений, подъёмов, спадов, рывков, срывов, отчаяния, героизма, жертвенности, равнодушия, безразличия, мерзости, доброты, злости, расположения, ненависти.

Исконно русский человек частенько как бы не в себе, хотя бывает подолгу и в себе, он не то что всем недоволен и не может как следует обустроиться в этом мире, он к несчастью своему, не дорожа жизнью и презирая смерть,

понимает, что это не его задача, не его цель, что здесь, в этом мире, всего лишь суета сует, — и лишь в моменты испытаний, риска, опасности, нужды, необходимости, остроты он проявляет себя как... а вот как?... наверное, как... э-э... *иночеловек*, или человек *неотсюда*, или человек *ниоткуда*, в общем — как человек *оттуда* — из *иномирья*!

Обратите внимание, господа, не только на росо-русско-российские бытийно-исторические события, состоящие не только из побед, но и поражений, не только на русских героев, включая и отрицательных, но и на русские сказки, былины, на тексты того же Аввакума, на слово Пушкина, Блока, Есенина, на писания Л. Толстого, Достоевского, М. Булгакова, на музыку Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, на пение Шаляпина, на живопись передвижников и мирискусников, на балет Петипа, Дягилева и Григоровича, на танец Улановой и Васильева, на русскую софийную философию, на ту же философию хозяйства в конце концов, и вы увидите, что такое эта самая Рось, как раз та самая, которую кроме как через обращение к Иному, к Иномирью, к Великой Неизвестности, даже и к Бездне с её Хаосом, не почувствовать и не понять, хотя бы на миг и на йоту, ибо неуловима она по сути и несхватываема по смыслу никакими нарочитыми логиками, ясновидениями и магическими заклинаниями, — таинственна она, будучи вполне и по-божески апокалиптической, эта самая Рось!

Россия, как и всё в этом мире, во всяком случае земно-природном — не отсюда вовсе, а оттуда — из запределья, из иномирья, из неизвестности, однако Россия по какому-то то ли случаю, то ли чьему-то изволению, то ли по необходимости, то ли по своей собственной «прихоти», не то что не

порвала связи с запредельем, с иномирьем, с сакральной неизвестностью, а осталась с ними, пусть и бессознательно, в неизъяснимом просто так родстве, вовсе и не приносящем ей не то что радости и покоя, но даже и сносного (не слишком адовского) существования, хотя и даёт ей, возможно, не просто быть, а загадочно быть, да ещё и кое-чему, — правда, слишком уж жертвенно! — служить: вовсе не себе, не своему, не родному, а служа, жертвовать не так даже собой, как своими людьми — русскими людьми, да не только в схватках и в «партнёрстве» с внешним человеком, но и во внутренних дружбах и прях, вовсе не таких уж простых, ладных и небеспощадных.

Дыра, так уж дыра — великая это прорва: что от чужих и ради них, что от себя и для своих!

Факт!

Тяжкий факт, и ни с помощью логики, ни ясновидения, ни трансового бреда сей факт не объяснить, как не объяснить, к примеру, феноменов Древнего Египта и Римской империи, явления Иисуса Христа, как и тех же Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Суворова и Ушакова, да и Карла Великого, и Бонапарта, Ленина и Сталина, да и того же бесноватого фюрера с его СС и Третьим Рейхом.

Не надо пытаться объяснить Россию, Русь, Рось, надо просто её принимать, ценя её не так за то, что в ней было и есть, как за то, чего в ней как бы не было и нет, точнее, что было и есть, но *как бы* было и *как бы* есть, как её... *тайна*, которая, собственно, и есть идея Роси, Руси, России (она же и *русская идея*), разумеется, тайна до срока, который, видно, ещё не настал, и неизвестно, когда настанет, хотя, быть

может, и скоро... да-да, ведь всякому внезапному сроку как раз вскорости и быть.

А пока Роси нашей в нашей же России как бы и нет, точнее, она — Рось — есть, но либо в загоне и чуть ли не в каторге, либо в засаде, чуть ли не в шифровой (от шифра): страшная, хоть и при этом великая, особенность России как неотмирного феномена состоит в постоянном, — с некоторого, видимо, времени, — присутствии и, скажем откровенно, предательски вожденной активности в ней не чего-нибудь негативного, скверного и подлого, чего везде хватает, а чуть ли не благостной по виду *анти-России*, даже не просто *не-России*, что в общем-то понятно, а именно *анти-России* (*анти-не-России*), не только не дающей быть России Россией, но и провоцирующей (осознанно или нет) отрицание России как России (независимо от понимания ею России как России), да ладно бы анти-России извнешнего происхождения — захватнической, обманной, коварной, хотя и добровольно иной раз признаваемой, охотно и принимаемой, даже прочно внедряющейся в Россию, а то ведь анти-России внутренней, своей (не обязательно ненавистнической, а просто ничего «своего» не принимающей, охотно его отрицающей, от него бегущей).

Если уж попытаться объяснить сей прискорбный факт, то только извечной борьбой *этого мира*, в котором вынужденно бытует реальная Россия, с *миром иным*, с которым навечно связана исходная, изначальная, корневая русская глубинка, генетически скрытая и навски прикрытая, с чем Россия никак не порывает и, судя по всему, порывать не собирается.

Затяжной, многовековой, если не многотысячелетний тут *конфликт* — КОНФЛИКТ!, он же и изнурительная война — ВОЙНА! (заметим, никакая не гражданская в привычном понимании, хоть и впадает иной раз в гражданку, да ещё какую!), а война экзистенциальная, транс историческая и трансцендентная, вполне и священная — *война миров*, да, именно так: ВОЙНА МИРОВ!

История как история

Вот и ИСТОРИЯ! Думай о ней и пиши, как хочешь: от истоковой ломоносовской и сказочной пушкинской, через правдоподобную карамзинскую и полуложную университетскую до лживой нынешней. А есть ли она вообще — эта так называемая *историческая правда* — ПРАВДА?!

А какая вообще *правда* известна человеку, кроме разве того, что сам он — человек — весьма негодная тварь?

Человек как особь, индивид, лицо, личность, физиономия, «морда лица», сам себя-то толком не знает, а что говорить о чём-то, пардон, воистину *историческом*?

Да, мифы, легенды, сказки, выдумки, враньё, ну и кое-какие факты, да вот что в них — в фактах-то, пусть вроде бы и достоверных?

История как наука базируется на фактах и правильно делает, да вот факты что-то не очень базируют на себе писаную историю — тоже ведь факт!

Любой факт, во-первых, как правило... э-э... полу- или недо-факт; во-вторых, фактически выглядит разным как раз по факту; в-третьих, очень по-разному интерпретируется; в четвёртых, остаётся неизвестным, не вполне известным, хотя

и явно вроде бы был, есть, и вообще должен был бы стать; в-пятых, сколько вообще бытует ложных, фейковых, выдуманных, «желательных», маскировочных «фактов», причём по факту вполне себе иной раз и чуть ли не «фактических»; в-шестых, сколько же бытует (именно бытует!) в реальности всяких «белых, серых и чёрных пятен», а то и попросту вообще ничего не говорящих, либо , либо вообще закрывающих всякое о чём-либо говорение!

Вот тебе и ИСТОРИЯ!

История, конечно, да вот какая?

Ладно, факты фактами, а что же за, под или над ними, что на самом деле творится, почему, зачем, с какой конечной целью? Кто или что ответит на эти вопросы, уж не грядущий ли «искусственный разум», уже и не человеческий, а вроде бы как технотропный?!

История — сначала, в основе и даже немало в течении своём, во-первых, почти что сплошная неизвестность, во-вторых, иность, в-третьих, хаосность, а потому история и в самом деле исток, исть (есть), истина, однако сама себе исток, исть (есть), истина, отчего она и как раз *за семью*, а вовсе не за одной, двумя и даже не тремя печатями — *за семью*! И ежели влезть в историю, то только одним способом — не так вскрывая сии печати, как обходя их, то есть сугубо проникновенчески, хоть и ориентируясь на кое-какие факты, но ими не довольствуясь, не избегая тех же мифов, даже ими осмоторительно пользуясь, а главное — всматриваясь незримым оком в реальность, в себя, в нас, ибо там-то, как и тут-то, всё и сидит, и таится, и хитро посмеивается, именно там и тут, а не где-то среди архивно-библиотечных завалов, ибо там

более архивных крыс и книжных мышей, чем исторической правды.

Откуда же она возьмётся, эта самая правда, ежели от неё отважно бегут, ещё и побойчее, чем от лесного огня или горного селя?

По жизни и бегут, прямо по (или в) истории, через экзистенцию бегут, ибо коли не бежать, то и не жить как следует, не стать признанным историком, не сэкзистенциировать.

Каково, а-а?!

Хочешь жить, умей вертеться... отворачиваясь старательно от горестной правды и столь же старательно вворачиваясь в услужливую ложь, а факты, видите ли, архивы, первоисточники — это более всего для дураков, которыми хоть и не пруд пруди, но которые таки всегда тут как тут!

Бытие-история в главном творится *не здесь*, оно творится в главном *там*, а здесь оно только происходит, хотя вроде бы тоже творится — умами, руками, ногами, знанием, сознанием, воображением, безумием суесящихся по бытию-истории человекoв.

Да, и здесь тоже творится бытие-история, но *не в главном*, ибо главное, как ни крути своей умной башкой, творится всё-таки *не здесь*, а *там* — в Ином, в Неизвестном, в Преисподней, на Небесах, в общем везде, кроме этого *здесь*, что как раз и делает бытие — Бытием, историю — Историей, да и хозяйство — Хозяйством, не говоря уже о человеке с его сознанием и бессознанием: какое-такое сознание с бессознанием при полной-то всего и вся неизвестности, тогда это уже не сознание, а сам Бог, да и Богу не нужна полная обо всё известность, ибо ему нужна живая Жизнь, а не застарелый,

замшелый и высохший, но зато более или менее правильный погост.

Жизнь Ему нужна, с её движухой, акционностью, импровизацией, творчеством, событиями, приключениями, переживаниями, победами, потерями, недугами, жертвами, смертями, причём с немалой долей чего-то небывалого, невероятного, невозможного, внезапного, выворотного, переворотного, сокрушительного, созидательного, а главное — *неизвестного!*

Известность Богу не нужна, она Ему не интересна, да и вообще, она не к сакральному двору!

Какое такое хозяйство Бога, коли Ему всё известно, хотя, быть может, и не вполне неизвестно: хозяйство вообще-то только тогда хозяйство, когда оно одновременно известно и неизвестно, когда знаешь и не знаешь, когда многое видишь и зряче идёшь, но и когда ничего не видишь и прёшь вперёд вслепую!

Ежели всё вокруг не так, как мы говорим, то тогда зачем... э-э... София, которая Премудрость Божия, и которая не то что вся целиком замысел Божий, Его проект, а которая, уж извините, сама кое-что сто́ит, будучи одновременно тварной и божественной, но при это ещё и... Sic! ... *творящей!*

Творение, как раз, то самое, которое ТВОРЕНИЕ!, во все не закончено и София тут вовсе не сторонний наблюдатель: она там — у Бога, но она и здесь — с человеком, — там, у Бога хозяйствующего, и здесь — с человеком хозяйствующим, а следственно у Бога творящего и с человеком творящим, а вот творящим софийно, по-божески или нет — вопрос!, как раз разрешаемый, да и то не вполне, философией хозяйства, оснащённой не чем-нибудь, а софиасофией —

СОФИАСОФИЕЙ!, открывшейся философии хозяйства сначала как софийность или софиология, а затем, уже в ХХI веке — как *софия*софия, и ей — философии хозяйства — споспешествующей, что не значит, что точно так же споспешествующей и нынешней — вновь насильно вестернизируемой, круто искажаемой и оттого удручённой — России!

Мы внезапно, как бы и до срока, — так сказать, вне очереди, — буквально выскочили на *Софию*, а вместе с тем и на *софия-софию*, то бишь на гетерогенную, но при этом и единую, сакральную мудрость — *бого-человеческую*, когда высшая божественная премудрость — *София Премудрость Божия* — не просто предшествует мудрости человеческой, её оплодотворяя, но и свободно *предопределяет*!

О значении выхода на Софию и обретения софиясофии мы ещё ниже поговорим, а сейчас лишь отметим для ясности, что София, которая вроде небесно-космического облака, насыщенного не просто закрытой премудростью, а премудростью вовсе не такой уж и благостной, а... как бы лучше выразиться... не то что неоднозначной, а очень даже *разной*, если не *розной*, к которой и должно быть у мудрствующего человека не то чтобы осторожное, но явно остерегательное отношение, — София вовсе не мелодраматична, она строга, колюча, боевита, а при случае и беспощадна!

То ли облако это, то ли туча, то ли сплошная блажь — кто ж это знает?

Страх Божий — это-то уж да-а!

София не правит, не командует, не руководит ни человеком, ни человечеством, ни миром человеческим, хотя, как было выше сказано, и споспешествует, да вот как?

Прежде всего через самого человека, но не всякого, а способного (предназначенного) вступить с Софией в сакральную связь, ежели, конечно, София сочтёт возможным и нужным на сию интенцию позитивно ответить (почти как женщина, хотя София, вопреки С. Булгакову, — никакая не женскость, а мысль Божия, обращённая к миру человеческого — *Мысль!*).

Принять Софию как мысль Божию в её значении первоудрости и в роли пособительницы Божией, можно лишь учтя то обстоятельство, что Бог и человеку дал способность мыслить и мысль иметь, и мудрость иметь, поместив между Собой с Софией и человеком не что-нибудь, а... *Свободу!*

Однако человек, будучи существом мирозданческим, природным, животным, материальным, физическим, вовсе не свободен, отчего мысль-то его, может, и свободна от софийной мысли, даже и от Божией, но никак не свободна — как и у Бога с Софией — от самой себя.

Как ни верти, а нужен мысли человеческой не просто внешний, а и высший ориентир, да не простой, не свой, не просто человеком помысленный, а идущий оттуда, от Бога, от Софии, и служит такой ориентации как раз *софиасофия*, преодолевающая ограниченность любой заученной мифологии, включая и научную, философскую и богословскую, вообще любую человеческую, пусть по-своему и полезную, заумь.

Как? Это, конечно, особое дело, почти что и невозможное, но тем не менее... вершащееся... путём свободного обращения к Софии Премудрости Божией, но непременно сквозь осознанное Незнание и сознательно признаваемую

Великую Неизвестность в творческом единении с Иным — *софиасофически!*

Не очень-то понятная для образованного, оснащённого разнообразным и чуть ли не бесспорным гуманитарным, естественнонаучным и технологическим знанием человека вскрышно-познавательная операция: реальность на то и реальность, чтобы её видеть, исследовать, изучать, фиксировать, трактовать, объяснять, моделировать, преобразовывать, пересотворять.

Всё верно, только вот почему-то видим, делаем, трактуем, преобразуем что-то *одно*, а выходит в итоге в той же гуманитарной сфере всегда, почти всегда или уж по преимуществу что-то... *другое*, ещё не очень-то известное, как-то не слишком понятное, мало того — убийственное, что говорит за то, что реальность гуманитарная, не то что неопределённая, скользкая и вязкая, но ещё и... *своевольная*, причём своевольна она не просто как текущая реальность, а как реальность хоть и текущая, да вот *не эта* и *не та*, а... *иная*, отчего и своевольна она как-то *по-иному* — *не по-реальному*, мало что *по-своему*, так ещё и *не по-своему* тоже, благодаря действию каких-то *нереальных* сил — скрытых, неизвестных, трансцендентных.

Разумеется, многое видится, замечается, трактуется в гуманитарной жизни вполне себе, так сказать, понятно (с пониманием) и особых вопросов перед человеком не ставит. Верно, но верно и то, что многое остаётся в зоне непонимания, да ладно бы из чего-то неважного, а то ведь как раз из самого что ни на есть важного, как и, само собой, смертоносного!

Помимо самого человека реальность человеческую решает... *сама реальность* — факт! — кто будет отрицать объективный ход реальности, хотя не каждый признает, что реальность не просто объективно движется, а вполне себе и для себя... э-э... *субъективно* ... э-э... *решает*, мало того, хотя никто не будет отрицать случайностей, странных и не странных схождений, разных обстоятельств, влияния неподвижного и непредсказуемого, но мало кто согласится с тем, что не только реальность способна решать за себя помимо и мимо человека, но и... э-э... *нереальность*, а то и *ничто*, полная, так сказать, *трансцендентность*.

Вот и выходит, что в реальности вовсе не только сидит всякое другое, но и бытует, вовсе уже не всякое, Иное, а сама реальность зиждется на Великой Неизвестности, и все они вместе дружат... э-э... против Бездны, никак от неё не избавляясь, а насколько в реальность вмешивается Господь Бог Творец со своей Софией, так это ж известно только Господу Богу, да и то, судя по всему, не всё!

Реальность — не просто что-то имеющееся, это ещё и очаг имеющегося, его постоянное *производство*, то бишь и *хозяйство*, — вот что такое реальность — хозяйство, *само*-хозяйство, чьё-то хозяйство, а вот насколько снизу — из преиподнесенского низа, и сверху — из-за небесного зазеркалья, — кто из смертных знает, да и надо ли вообще что-либо этакое смертным знать?!

Нет, не надо: человек живёт иллюзиями, мифами, сказками, ложью, враньём, но повторяем который раз, никак не правдой, с которой не то что не проживёшь, а просто и жить-то не захочешь!

Однако без кое-какой правды тоже нельзя: ни Аввакуму с Ломоносовым, ни Пушкину с Лермонтовым, ни Гоголю с Салтыковым-Щедриным, ни Льву Толстому с Достоевским, ни Блоку с Мережковским, ни Есенину с Цветаевой, ни Бунину с С. Булгаковым, ни М. Булгакову с Шолоховым.

Это ежели гутарить всего лишь о творцах русского слова, которым, правда, более всех от правды и доставалось. Короче: *с правдой невозможно, но и без правды нельзя!*

Зачем мы об этом, ежели в донкихотствующие правдолюбцы не записывались?

Всего лишь... *для себя*, ибо не то что во всё, что «более себя», не очень-то верим, но даже и себе с о-очень большим оговором доверяем!

Реалии

Да-да, именно так: *реалии*, то бишь реалии *самой реальности*, как раз такой, какой она сама в реальности и есть, — мало что здесь вопрос, но ведь и интереснейший вопрос: одно дело, что мы видим, глядя на реальность, что мы о ней думаем и что о ней говорим, совсем другое, какая же она... э-э... *в реальности*, ежели исходно она нам совершенно не известна, а известна уже лишь в нашем о ней известии, что означает, что хотя мы и накладываем на исходное незнание своё знание, это исходное незнание никуда не девается: тайна остаётся тайной, пусть вроде бы и приоткрытой, раз уж человек деловито оперирует с реальностью, да ещё и в своих интересах, но всё-таки всего лишь «вроде бы» и всего лишь «приоткрытой», и много чего из тайного так и остаётся тайным в этой самой что ни на есть *реальной реальности!*

Земно-космо-природно-неприродный мир человеческий разнообразен, причём не так уж, судя по всему, и случайно он разнообразен, ещё и причудливо, весьма, знаете ли, причудливо: не сводимые друг к другу не только физически, но и сознаниево (психически, поведенчески, истово) два пола — мужской и женский, но и столь же не сводимые к чему-то одному расы, этносы, народы, культуры, цивилизации, целые в общем-то миры, да ладно что разные и не сводимые, но настолько разные и не сводимые, что вполне допустимо говорить не о едином человечестве, а о многих человечеств-ах, что как раз и восходит к Тайне, Неизвестности, Незнанию, а разве просто люди — люди как особи, индивиды, личности — сводимы к некоему *вообще человеку* — что к мужчине, что к женщине?, — мало что не сводимы, так ведь ещё и *так* друг от друга отличны — что внешне, что внутренне, что впору говорить о каких-то иномировых (пусть пока и не инопланетных) по происхождению людях, даже от одних и тех же родителей, ещё почему-то и всякую нечеловеческую живность напоминающие — что внешне, что изнутри, в общем — разнообразие не просто есть, оно безгранично, а главное — неодолимо!

И что же из всего этого? А вот как раз то самое: не только разность в человечестве, среди людей и их групповых образований, но и розность, да ладно бы обыденно-незлобивая розность, а то ведь резкая, деятельная, крикливая, боевитая, но это не всё, совсем не всё: ещё и разноуровневая, иерархическая, с делением на высших и низших, на сильных и слабых, главенствующих и подчинённых, властвующих и подвластных, господствующих и рабствующих... э-э... что разве не так, не так было, есть и, надо полагать, будет? — и

никакая идеократия ничего этого изменить не может, поскольку всё это оттуда — из Начала, из Бездны, из Преисподней, от Неизвестности, от Незнаемого, от Иного в конце концов, от *тех*, а не *этих* реалий, от *другой* реальности, да и вообще не от реальности, а *пред-реальности*, которая есть, работает, делает своё то ли светлое, то ли, наоборот, тёмное, дело пока есть *то*, что мы называем человеком и человечеством, а точнее — *человеками* и *человечествами*!

А всё почему? Да всего лишь потому, что ничего *такого* — то бишь человеческого — без всего *этого* — то бишь вышесказанного — вообще быть не может!

Вот уж где закон так закон, как раз из горячо любимых из-за своей неотразимой законности онаученным безрассудством: есть он и всё тут, и никто и ничто сей закон, даже сам Господь Бог, отменить не может!

Не только Запад с Востоком, как у Киплинга, никогда не сольются воедино, даже в Японии, Сингапуре или том же Гонконге, но и вообще ничто и никто на Земле, в Космосе, в Мироздании не сойдётся более вместе, чем то уже есть, разумеется, без эсхатологической самоликвидации и насильно-добровольном размещении на общем погосте!

Вот такой у нас получается Екклесиаст, настолько не такой, что и сам мудрый Соломон вынужденно или по доброй воле тут отдыхает!

Творение невозможно без разнообразия, без разделений и обособлений, без противостояний и противоборств всего разделённого, но и без принудительного (слышите — принудительного!) соединения во что-то приемлемо единое, — так что приходится всё это гадкое-де признавать (а с этим признанием и кое-что другое, тоже, may be, гадкое, как

раз *иные реалии*, восходящие к разделению, самоуправству, насилию, то бишь к первичному и дружественному Бездне, вполне себе по-своему и творческому, Хаосу, который природе и человеку надо не только насильственно преодолеть, но и дружить, образуя с его участием разные и розные воспроизводящиеся *порядки (системы)*, как любят обычно говорить всех родов образованные умники, — и правильно это делают, и справедливо сие любят!), пусть и не вечные порядки, но... *мировые, бытийные, жизненные*, причём, заметим, не один *Большой Порядок*, а именно *порядки* — ПОРЯДКИ!, — ибо только так, в разнообразии порядков (физических, материальных, вещественных, но и метафизических, идеальных, спиритуальных, при этом как видимых, чувствуемых, доступных сознанию с его творческими, умами, руками и даже ногами, так и для сознания не видимых, не чувствуемых, не доступных, хотя и неплохо иной раз им воображаемых), но так же, господа хорошие, как в их — этих порядков — меж собой гармонии, так и дисгармонии тоже, как в сосуществовании, так и во взаимном противлении, причём частенько не на жизнь, а на смерть (одно пожирает другое, а всё вместе пожирается всем сразу — чтобы снова возникать из Хаоса и из Иного либо надёжно прежним, если удастся, либо ненадёжно изменённым, тоже если удастся). Обратим внимание: всё наличествующее упорядоченное оттуда — из Хаоса и из Иного, когда Хаос — условие, среда, возможность, а Иное... э-э... *аттрактор* (идея, замысел, имя), однако не солитёр (один-одинёшенек), а целый созидательно-разрушительный... э-э... *институт*, учитывающий всё и вся (сверху, с боков и снизу) и выдающий на реальные гора эту

самую текущую вокруг явленную реальность, не забывая оставлять за собой реальность скрытую, неявленную.

Хороша картинка, не правда ли?

Разделённость, борьба, рождение, жизнь и смерть, перемены — *ход*!

Ход реальности, однако не просто непрерывно движущейся, но и возникающей, становящейся, бытующей, исчезающей: ход с выходом, с ходом, со сходом и со входом — как раз туда, откуда и выход, то бишь обратно.

Из Хаоса в Хаос через Иное — сначала созидательное, потом удерживающее, затем отвергающее, а на непреложный худой конец — разрушающее.

Надо ли приводить примеры?!

Нет, конечно, не надо, хотя надо бы пояснить это беспримерное и весьма беспардонное (что хочет, то и делает!) *Иное*: что (или кто), откуда, почему, зачем?

А что, разве можно что-либо принять из вокруг происходящего гуманитарного без учёта той же Неизвестности (так уж ли всё известно и ясно?), но при этом ещё и чего-то... э-э... *творческого*, вовсе и не всегда проходящего через сознание, совсем, кстати, и не чуждого, пардон, Неизвестности и Хаосу, а совсем даже наоборот, им вполне себе корреспондентного?!

Да-а, никуда не деться от этих негодных Неизвестности, Хаоса, Бездны, Преисподней, того же замечательного Иного, — *никуда*! — да мало что имеющихся, так ещё и, видите ли, управляющих, да не чем-то там — далёким и не нашим, а как раз близким, здешним, нашим, мало того — ещё и нами, нашим великолепным сознанием, нашим бытием, жизнью, хозяйством, историей, всей нашей экзистенцией,

правда, не на все 100%, но уж что весьма, то уж весьма, а главное — *в главном!* — в главном-то и управляет, ничего об этом управлении не говоря — скрытно, тайно и — о-о, ужас! — *конспиративно!*

А что, разве по-другому тут возможно? Где это вы видели, господа, даже среди людей, всю открытое управление, а уж тут (или там!), чего это ради всё это открыто, коли сама реальность как реальность на тяжёлый процент от человека закрыта, а будь она открыта, так не было бы и человека со всем своим расчудесным сознанием, на немалый, кстати, процент и бессознательным (невиданное это дело: *бессознательность сознания*, да не у умалишённых, а как раз у самых что ни на есть великих умников типа Аристотеля, Диогена, Македонского, Цезаря с Клеопатрой, тех же Вольтера. Руссо, Гегеля, Маркса или Ленина со Сталиным, не говоря о Черчилле или бесноватом фюрере, о тех же вполне себе респектабельных позднекоммунистических полувождях-полуневеждах, уже и недокоммунистических (о нынешних фигурантах ума и безумия мы уж благоразумно умолчим — что о тех, что об этих).

Течёт себе гуманитарная реальность, да не как степенная и вкрадчивая матушка Волга, а всю волнуясь, вертясь, вздрагивая, вибрируя, возбуждаясь, впадая в обмороки, если не в кому, воюя отчаянно сама с собой, взрываясь, восставая, выворачиваясь, вымирая, воскрешая, в общем — беспокойно, неопределённо, коряво, разгульно, разрывно, рискованно, дрянно, страшно, но... течёт себе и течёт, ища чего-то, много чего и находя, теряясь в потёмках и немало теряя, а в единении с нею течёт и другая реальность, как раз та самая — *иная*, не преминуя делать из нашей родной реальности

какую-то другую реальность, как раз *иную*, чего человек разумный либо вообще не замечает, либо почти не замечает, либо это осознанно — по-учёному — игнорирует.

Иное, о котором тут речь, не какое-то там потустороннее иномирье, которое, может, и есть, даже и как-то влияет на нашу реальность, хотя бы в виде всяких безумных, с точки зрения здравого смысла, проектов и деяний (в этом ракурсе действительно иномирных), нет, это Иное, о котором речь, прямо в этом мире и торчит, умело от него прячась, оно его принадлежность, хотя... чёрт его знает!... наверно, всё-таки и *там* оно, и *здесь*, но для нашего сказания важно именно здешнее Иное, нашенское, зёмное, ибо нам важно понять, а не только обозреть, именно наш мир с его текущим бытием, исполняющимся не чем иным, как... *хозяйством*, происходящей (и проходящей) *историей*, свершающейся *экзистенцией*.

Глядя на мир человеческий, его трактуя и даже судя, человек валит всё хорошее и всё плохое то на невидимые силы в виде духов, каких-то невидимых существ, богов, то на высшую силу в образе единого Бога, пусть и триипостастного, то на природу и земно-космические (физисные, конечно) обстоятельства, то на самого человека, то на низшие (вредные для человека) силы, — и правильно в общем-то делает, — что ещё остаётся?! — однако не стремясь ко вроде бы лучшему для себя, даже и вполне себе хорошему, миру, человек, чувствуя уже не умом своим, а уж, извините, задницей (а она ведь тоже, что называется, себе на уме!), что мир человеческий, меняясь внешне и физически, не станет принципиально другим внутренне и метафизически, ибо изменить его не в силах человеческих, а боги... что боги?... у них свои

насчёт человека намерения — оставлять человека человеком, то бишь на свободе, в переделочном умении и в исходном неведении, и... наблюдать, как он бытует, хозяйствует, творит, вылезает из кожи, строя для жизни своей вроде бы не слишком ему нужные, но якобы потребные для высших сил пирамиды, башни, дворцы, храмы, высоты, быстро превращая их в дома пребывания взявших на себя образ и миссию богов так называемых элит, уразумев, что в самих сооружениях не так боги, как сами элиты более всего и нуждаются, а потом, когда элиты сообразили, что и это не решает злостной человеческой дилеммы — быть сразу всепожирающим физживотным и осознанием метафизсуществом, человек, ведомый прозревшими-де элитами, пошёл на *пересотворение мира и самого себя в нём*, то бишь уже не на контакт с иным миром, а на его прямо на Земле построение (вот откуда взялись не только масоны-каменщики-храмовники, но и масоны-демиурги-мироустроители).

Однако нас пока интересует не строяемое человеком Иное — как *мир иной*, вполне возможно, что и *пост-человеческий*, а то Иное, которое реализуется в мире человеческом независимо от намерений и деяний человека, в том числе и деумиргических.

СКАЗОЧНОЕ ИНОЕ

Намётом

«Сотня, увеличивая рысь, перешла в намёт» (Шолохов). Вот и мы, заходя в атаку на реальность с целью отыскать и обосновать бытующее в ней Иное, переходим, аки шолоховские донские казаки в отчаянном конном бою, в намёт, в общем — идём намётом, хоть пока и не казачьей лавой, что ещё у нас впереди.

Что же, попытаемся прорваться, как истые георгиевские кавалеры, сквозь тёмную реальность, а вдруг и вырвемся на свет, на простор, да и увидим вдруг, каково же оно — это самое Иное?!

Начнём издалека, да вот волнующего нас далека, имеющего к нам и сейчас большое, если не решающее, значение. Вперёд!

Да-а, был, кажется, в римско-имперской Иудее во времена правления ею Понтия Пилата некий Иисус из Назарета — бродячий проповедник, идейно-духовный учитель, чуть ли не называвший себя царём иудейским, попавший под суд Синедриона и, битый батогами и исколотый терновым венцом, казнённый под народное одобрение распятым на кресте меж двух тоже на крестах распятых разбойников. Был он или не был, не первый такой и не последний, что-то вещал людям, чему-то их учил, за что-то их осуждал, к чему-то призывал, лечил, даже избавлял от смерти уже вроде бы умерших, может, и другие чудеса совершал, хотя бы превратив

однажды воду в вино, не стеснялся признавать себя Сыном Божиим, то бишь Его на Землю посланником — Христом!

Что ж, всё это, возможно, так и было, почему нет? Но вот никакой новой религии в тот момент там не было, во всяком случае от Христа исходившей, как и церкви никакой по случаю новой религии не было. Всё это возникло позже, как будто даже по Его — Христа — велению, возникло с участием прозревших после воскресения и преображения учителя его учеников, ставших по завету Христа апостолами, хотя текстуально, концептуально и уж тем более институционально всё это религиозное достояние образовалось значительно позже, даже после благословенного бытия первоапостольского.

Нас интересует не то, как конкретно-исторически возникла новая религия (новая сакрализованная идеология), как раз христианская, а то, что она возникла в определённое время и именно в римской провинции Иудее, где уже была и доминировала своя — иудейская — религия, где так или иначе давала о себе знать и римская имперская (античная) религия, где вовсе не просто там сначала явился и проповедовал до Христа тот же Иоанн Предтеча (слышите — *предтеча*!), крестивший иорданской водой самого Иисуса из Назарета, будущего Христа, — но это не всё: новая религия, не говоря о церкви, появилась заметно позже событий, связанных с будто бы её основателем — Иисусом Христом, то есть она появилась как бы *сама* — вопреки существовавшим религиям, ибо, надо полагать, в новой идеологии была сначала неосознававшаяся, а потом и всё более осознанная потребность, исходившая не так от самого Иисуса Христа, как, уж извините... *ниоткуда*, хотя в создании её самой и

потребной ей церкви приняли участие многие вполне достоверные исторические лица.

Что же из всего этого? А то, что всё это происходило тогда, — как и что-то подобное происходило в иные времена, даже происходит и сейчас, — более *само собой*, неизвестно *почему*, незнаемо до конца *зачем* и даже не слишком понятно *как*, хотя вроде бы по человеческому желанию, разумению, велению и действию, но и с учётом всего этого человеческого тоже ведь не очень-то бывает ясно, отчего вдруг что-то когда-то случилось и ныне вдруг случается.

Перестаёт вдруг почему-то эффективно работать какая-нибудь бытующая, вполне себе и сносная, идеология, разумеется, ловко придуманная, а во многом и надуманная (опять же почему, зачем, да и кем создаваемая и вводимая в действие?), и возникает, опять же вдруг, потребность в новой идеологии (в какой?), происходит какое-то осевое событие (почему это ни с того ни с сего?), являются его адепты-герои и негерои, проливается, как правило, кровь, конечно же — жертвенная, а потом, если повезёт, внезапно возникает новая, вроде бы подходящая текущей экзистенции и снующим по ней людям, идеология, опровергающая прошлую идеологию, которую людишки истово когда-то проповедовали, а потом почему-то от неё побежали вспять, даже и предавая её, и начинается торжество новой идеологии, неизвестно откуда, почему и зачем взявшейся, если, конечно, не попросту откуда-то заимствованной, да ещё и истово навязанной.

Итак, происходит что-то этакое, происходит и всё тут: эвапоризация, ослабление и крушение одного (часто не без крутых переворотных событий) и рождение, насыщение, приход и торжество другого, в общем — *смена*

идеологических парадигм, а в исходах, основаниях и сутях тут более вопросов, чем ответов — царство неизвестности, но не только — ещё и итог деяний *Иного*!

Чтобы это — наличие и действие — Иного осознать, надо брать, конечно, эпохальный исторический размер, а в нашем наличествующем случае с христианством принять во внимание дохристианское время, переворотное христианское, победное христианское, а затем, увы, сначала, скажем так, турбулентное христианское, а затем и, не побоимся этого слова, апокалиптическое христианское, — и вобрав всё это в свой закосневший от науки и образования ум, подумать ещё разок над весьма глумливыми вопросами: откуда, почему, за чем, ну и с какими итогами?

Да, христианство задумывалось (кем, правда, да и вообще задумывалось ли?) как религия антирабская, антиимперская, отчего и в меру антиримская, как религия человечности, всеобщего братства, всесторонней справедливости, с расчётом даже на преображение человека, его новое — тоже преображённое — утверждение как человека — Богом явленного, Господу подобного, милостью Божией одаренного и укрощённого, совестливого, признающего другого как самого себя, к покаянию склонного, греховность свою первопадедную преодолевающего, к любви всех ко всем причастного.

Сия новая для Иудеи и Рима религиозная концепция — концепция всеобщей, скажем так, *социальной* (не путать с сугубо межполовой, сексуальной) *любви* была принята изголодавшимися по этой самой безгреховной любви тогдашними людьми, сначала немногими (кучками), потом всё более многими, пока не стала попервах массовой идеологией, а

потом и идеологией масс, захватывая не одни униженные низы, но и кое-кого из блистательных верхов и зияющих достатком средневеков, даже и из высших правящих кругов.

Пошло и замещение сразу устаревших и потерявших силу религий на новую, что, естественно, не могло не вызвать сопротивления старого новому, да ладно бы идейного, а то ведь самого что ни на есть зверо-воённого — с насилием, пытками, муками, кровью, смертоубийствами, казнями, жертвами, с теми же распятиями на крестах адептов новой — как раз крестоисповедной — идеологии.

Чудо возникновения, утверждения и даже чуть ли не триумфального шествия новой — *христианской*, как стала с некоторых пор она называться — религии вкупе с её институционально-первоцерковной, скажем так, организацией, столкнулось в реальности с вовсе не чудесным, но зато невероятно жестоким гонением, способствовавшим, если не приведшим, однако, не к погашению порыва, а, можно сказать, к новому чуду — окончательному триумфу новой религии, мало что идейному, но так же и институциональному — к формированию открытой — не катакомбной — Церкви с клиром и храмами, а ещё и к овладению новой Церковью всей полнотой власти на территориях Римской империи и не только!

Ничего себе: *мировая христианская революция!*

Вот и выходит: на поверхности, в обыденности, в суеете — одно, а в глубине, в потаённости, в рабочей тиши — совсем другое!

Думали ли основатели христианства о такого рода итогах их идейных высевов, а-а? И что интересно: думали или не думали, как и, наоборот, не думали или думали, всё одно:

явно ведь тут действие чего-то *иного* — ИНОГО! Если думали, то как можно было о таком думать без осознанного или нет обращения к Иному?, а коли не думали, то тогда сам факт выступления Иного под ареной реальности и доказывать не надо!

Вот оно — *Иное*, да и вот оно... *какое!*

Какое же? Ответ один — как раз *иное!*

Тавтология-де, но зато... *какая!*

Но это, господа, не всё ещё, не всё о христианстве, о реальных чудесах, с ним связанных, и о реальном Ином, естественно, тоже.

Продолжим наш казачий прорыв в реальное запределье, а может, и в зазеркалье тоже, — кто знает?

Любопытно заметить, что несмотря на жуткую казнь Иисуса (аки разбойника, почитай, революционера и террориста) и жертву Христа (считай, покаянную перед человеком от Господа Бога Отца), а также просветительские деяния, духовные подвиги и очистительные жертвы апостолов, первохристиан, того же Савла, ставшего Павлом, как и широкое распространение христианства среди народов, наконец, выход христианства на высшие властные позиции.

Явление христианских не то что пастырей, а не более не менее как верховных правителей-императоров, образование и действие гигантского религиозного института — *Христианской Церкви*, подчинение бытия христиан христо-церковным принципам и установкам, практически тотальную христианизацию жизни привлечённых к христовой вере, в неё вовлечённых и ею охваченных людей, наличие бесчисленных церквей, храмов, общин, монастырей, братств в составе Христианской Церкви, формирование церковной

иерархии с первосвященниками по главе, как и разные иные вещи, моменты, вести, события, в общем — несмотря ни на какие испытания, драмы, подвиги, достижения, уставы, обряды, установления, молитвы и мольбу, требования, угрозы и кары, победы и даже триумфы христианства как религии, как церкви, как миропорядка, человек... о-о... ЧЕЛОВЕК!, хоть и стал идейно-культо-культурно другим — христианским, так сказать — но в исходе, основе, сердцевине своих так и остался... э-э... *собою*, может, более разнообразным и изысканным по проявлениям, а может, кстати, и нет, даже и наоборот, но... *собою*, доказывая тем самым вовсе не нажитую, а вполне себе первородную *греховность*, а вот какую, зачем и как вряд ли стоит здесь особо рассматривать.

Посчитать ли сие самосбережение человека как первородного человека чудом или нет — дело каждого, но сие самосбережение возымело место: никакого христианского по сути преображения, — в отличие от Преображения Христа, — не произошло, да и было ли оно, вообще говоря, возможным, как и было ли оно реально, а не всего лишь фантазийно, предположенным?

Что ж, двинемся дальше казацким набегом по тылам гуманитарной реальности, глядишь, что-нибудь и заметим, как раз чтобы малость подразобраться в христианской реальности, которой ведь уже аж второе тысячелетие!

Плоды, братцы, каковы плоды?!

По плодам ведь, по плодам!

Да, христианизм не только утвердился и вышел на идейно-духовный верх, став ещё и государственной религией, причём вполне себе имперской, как раз более в Риме, а не в Иудее, что тоже отдавало чудом, но и сам он,

огосударствившись, причём имперски, стал, — и это при его проповеди людского братства и социальной любви, — вполне себе деспотической, карательной и воинствующей силой, ретиво действовавшей без особого разбора что против нехристиан, что против христиан, что против чужих (инородцев), что против своих (соплеменников). Дело дошло, как известно, до безграничной папской власти и святой (!) инквизиции, не брезговавшей слежкой, цензурой, арестами, пытками, казнями. Когда-то преследовали христиан, хватая их, избивая, умерщвляя, однако пришло время и христианам, пусть более всего церковникам, заняться тем же самым ради, как провозглашали сами церковники, защиты и утверждения не просто христианизма с его церковью, а и самой Христовой Истины!

Что это случилось с христианством или случилось под его видом, может что-то совсем другое —óоборотное, оборóтное или привнесённое, разумеется, не человеком, а... обстоятельствами, как же ещё?, — да и имел ли какое-либо отношение к вдруг или невдруг преобразившейся религии (и тем более к Церкви) сам Христос?!

Религия, призванная к преображению человека, не преобразив вроде бы признававшего её человека, была зато ловко и почти незаметно сама преобразована человеком — под себя, да так, что и, знаете ли, мурашки по телу!

Вот вам, господа, и *иное* — *иное христианство*, хотя и с остатками первозданности, но совсем по качеству, роли и реализации какое-то другое, — а за всем этим чудесным превращением скрывается не что иное, как... *Иное*, о котором мы тут упорно и талдычим!

Однако Иное на этом не остановилось — на придании христианству, мягко говоря, нехристианского вида, да если б только вида, а то ведь и сути, —что-о, не так ли? — а пошло Иное дальше, гораздо дальше в перелицевании христианства, уже захватившего Европу и зазавившегося на весь мир, превратившего цивилизацию в христианскую и засобиравшегося по-христиански (не забываем — не по Христу, а лишь «по-христиански») преобразовать весь зёмный мир — недаром же церковь христианская оказалась наследницей отринутого вроде бы ею римского имперства, однако вполне ею воспринятого, усвоенного и... воспроизведённого, да ещё с каким размахом (крестовые походы, колониальные завоевания, идеократическая экспансия),

Пришёл момент и *Великого Отрицания* налнчествовавшего тогда имперо-догматического христианства с его главными атрибутивными носителями *Римской Церковью* и *Папской Властью* (о расколе христианства на католическое и ортодоксальное, как и об образовании двух христианских империй — Западной, как раз Римской, и Восточной, как раз Византийской, мы специально тут не говорим — пока во всяком случае не говорим, как о факте, не имеющем кардинального значения для нашего хода мысли; там тоже было проявление Иного, но нам важнее зацепиться за другое его проявление — как раз за Отрицание, которое мы вовсе не случайно пишем здесь с заглавной буквы; сам же факт образования и наличия двух имперских христианских ареалов не пройдёт мимо нашего внимания).

ОТРИЦАНИЕ! Дождалось христианство и *этого* — *имманентного себя отрицания*! Не слабо, ничего не скажешь! Мало что победило, утвердилось, ещё и расцвело, да

как — *имперски* (о той же незабвенной Священной Римской Империи мы тут тоже не говорим, хотя и знаем, что это было, знаем!).

Расцвет и... отрицание! Не первый на Земле религиозный расцвет и не последнее на Земле религиозное отрицание.

Ах, это Иное! Всё-то ему неймётся: то что-то вымучивает из скабрёзной гуманитарной реальности, ничего об этом не говоря человеку, то этому чему-то расцвет даёт, победу, триумф, то вдруг теснит его, корроззирует, ущемляет, ну и убирает с глаз долой, давая дорогу чему-то другому, уже им — Иным — подготовленному, да ладно бы тихо, плавно, мирно, а то ведь и с потрясениями, революциями, жертвами, кровью, смертями, да так вершит всё это, что никто ничего в том историческом масштабе и не понимает, хоть и участвует, и отрицает, и крушит, и убивает, но при этом и что-то созидает, уверенно проектируя и решительно добиваясь задуманного, а потом, если повезёт дожить — единицам, убеждается, что вышло всё не то и не так, не что задумывалось и как-то угадывалось, а совсем другое и по-другому, да ладно бы другое и по-другому, а то ведь и немало мерзкое, отвратное, по-мойное.

Иное — сила, и сила вполне себе безразличная к морали, убеждениям, потребностям человека и человечества, она не Божеская и не дьявольская, она от Неизвестности, а какие у Неизвестности могут быть правила, уставы, конституции? — разумеется, никаких, как и у Вечности, хотя и у Времени тоже, а человек со своим бытием-историей всего лишь страдающий от собственного бессилия, точнее от собственной неполноценности, однако яростно почему-то желающий сверхъестественной силы и всеобъемлющей земно-

космической, чуть ли не мирозданческой, полноценности... э-э... чуть было не сказал... герой... впрочем, почему и не герой, брошенный в Ад и из Ада выбирающийся, кувыркась — из одного Ада в другой! — и ежели не выбирающийся оттуда, то уж перебирающий Ады аки чёрно-белые клавиши на вселенском органе — это уж точно!

А всё дело в сознании — СОЗНАНИИ!, человеку за чем-то отпущенном — этом странном достоянии человека, более чем странном его орудии и более чем странном путеводителе — среди вроде бы всего Этого, но почему-то всё более как раз всего Иного!

Рейда казачьей сотни по тайным тылам реальности уже недостаточно, тут требуется что-то похлеще, а потому теперь пойдёт вперёд уже не сотня, а целое казачье войско, и пойдёт, как принято у казаков, лавой!

Лавой

Дело не в том, что христианская религия устарела, а Церковь неважно исполняла свои обязанности, а в том, что и то, и другое стали сильно мешать человеку... э-э... быть человеком, существовать, действовать, творить не по-предложенному, пусть и от имени Христа Бога, а... *по-своему*, следовательно, *по-иному*, и возник *конфликт* — между человеком и христианством, сначала такой-сякой, а потом вполне и «жутчатый», как говаривают детишки.

Конфликт разгорелся поначалу в Западном ареале христианства и изобиловал не одними идейно-институциональными интенциями, но и борьбой, насилием, кровью, жертвами, смертью. Теперь христиане пошли войной на

христиан, да не так ради наживы, как ради утверждения *новой экзистенции с новой идеологией* — как новохристианской, так и уж извините, господа, антихристианской тоже, мало того, вообще атеистической.

Происходило всё это мутационное безобразие не в один момент, не сразу и не сразу повсюду, но так *происходило*, неся на своих распростёршихся надо всей Западной Европой и немало за её пределами для кого-то тёмных, а для кого-то светлых магических крылах не просто новую идейно-духовную — вроде неохристианской или даже постхристианской — эпоху, а новое, знаете ли, бытие в его фундаментально-экзистенциальном значении как вполне уже **Новый мир**, правда, о чём ещё никто из участников очередной затяжной и далеко не безобидной исторической драмы и не подозревал: Иное работало пока лишь на возможность и сам факт *Большой Перемены*, ничего не зная или делая вид, что не знает, о сути и значении сей многозначимой Перемены, тем более уж о великих её Итогах (знало бы, может, и не шло бы ей и им навстречу, а ежели всё-таки что-то этакое знало, то ведь... *Конспирация*, без и от которой в земно-космической гуманитарной мистерии просто никуда!).

Человек со своими атрибутами вроде врождённых животности и зверскости, как и, что особенно важно, как бы им благоприобретённых сознания и бессознания, требует укрощения — как добровольного, так и принудительного, что осуществляется как внешним воздействием, так и внутренней самодисциплиной, однако в человеке как существе лишь наполовину природном, а наполовину неприродном, если не антиприродном, сидит, никуда не девается, но зато всегда проявляется, а иной раз и бурно, даже взрывообразно,

воля — ВОЛЯ! — тоже ведь значимое экзистенциальное качество, от человека не отделимое, отчего человек (социум, народ, население) то экзистенциально покоен, даже и покорен (обстоятельствам, идеологии, власти), а то вдруг не то что выходит из себя обыденного, а и разносит всё его окутывающее в пух и прах, не останавливаясь ни перед угрозами, ни перед насилием, ни перед жертвами, грома, не щадя и себя, и всё подряд — от владетелей, урядников и попов до усадеб, дворцов и церквей, не пропуская и самые обыкновенные дома и сооружения.

Да, в то постсредневековое по общепринятой классификации время большого погрома от низов не случилось, ибо верхи, осознав нараставшее протестное брожение, смогли как перенаправить разрушительную потенцию вовне (крестовые походы, завоевательные походы, первая колонизация заморских земель), так и решиться, пусть и не без кровавой борьбы, на переделку еврохристианского бытия, пойдя на **Реформацию** (модернизацию христианства), **Ренессанс** (революционную модернизацию культуры по вектору возвращения к Античности и обращение к чистому гуманизму), **экономическую революцию** (высвобождение капиталопредпринимательской, а вместе с тем и трудо-творческой, энергии) и на ряд иных *пертурбаций* по вектору либерализации и демократизации личностно-социального бытия.

По христианству, а вместе с этим и по самой христианской цивилизации, был нанесён настолько сильный удар, что они — христианство и его цивилизация — не только изменились внутренне, ослабив, если не убрав, морально-уставные оковы, державшие железной хваткой евронаселение, но и раскололись на классические римско-папские, пусть и

ослабленные и модернизированные, и на авангардные анти-римопапские — *протестантские*, может ещё и христианские, но уже другие христианские, не особенно уже и церковные.

Однако усилилось тогда и кое-что ещё, о чём говорить нельзя, но приходится: поднял голову и идейно-прикладной *антихрист*, вставший скоренько с согбенных колен и, как водится, не преминув восстать во весь свой рост — уже по результатам новой, — уже и антихристианской, — революции — Французской, а на деле-то не то что *паневропейской*, а и *мировой*!

Предали новоевропейцы христианство с Христом во главе или не предали? Нет, пожалуй, не предали, хотя без личных и даже массовых предательств тогда не обошлось, однако предательств или же не предательств чего — Христа или же весьма уже расцветшего антихристианского христианства, — и ежели учесть второе, то и вроде бы не предали, хотя итогов своих деяний ни Леонардо, ни Данте, ни Микеланджело, ни Лютер не предвидели, как не предвидело сих итогов и скрытое с глаз Иное, вовсе никем и ничем не руководившее, а вот новые людские настроения с внешними условиями зачем-то поощрявшее и создававшее.

В итоге ведь возникла не просто новая, а уже... *иная*... Европа, что означает не просто никем не предвиденная, а не могшая быть предвиденной, как бы ни старались это сделать субъекты трансъевропейских преобразований. Уход одного бытийно-исторического содержания и приход другого — как раз *иного*! — вообще не дело человек, какими бы великими деятелями, воителями и провидцами они ни были. За великими ведь не одни великие победы, но и великие крахи, да

ладно бы в ходе их собственных неудачных деяний, а то ведь и по итогам их же собственных, вполне и блистательных, побед.

Не просто всё в этом мире, а уж с Иным... что говорить, — попробуй-ка разберись!

А итог всех мирохристианских пертурбаций состоял не в чём-нибудь, даже не в победе антихриста, а в победе... *человека* — надо всем сразу: природой, неприродой, сакралом, сознанием, духом, кроме, конечно, Бога, Иного и Неизвестности, ну и Преисподней тоже, поскольку выйдя на *демиургический* (он же *научно-технический*) путь, человек, почувствовав себя Творцом, вступил с Преисподней в союз, чтобы с её участием переделать мир по своему разумению, — ну прямо по Леонардо, который, следственно, не просто человек, особь, субъект, а *сингулярное в образе человека явление*, от которого всё главное в христианизированной (и уже немало дехристианизированной) Европе и пошло, — нет, не как от деятеля, активиста, революционера, а как от идеально-духовно-творцовского сгустка, вроде шаровой молнии, вылетевшей из кратера ожившего вулкана. Не Леонардо вылепил Новую (Иную) Европу, он даже её не спроектировал, он просто придал ей ход, однако благодаря сосредоточению в себе и вокруг себя *Иного* — как огненного шара, раскалённого ядра и взбаламученного энерго-информационного поля.

Если Леонардо и посланец, то не Бога, не богов и даже не дьявола, хоть он и христианизированный антихрист (как, собственно, и все такого пошиба деятели: антихристы вроде бы, а от Христа-то далеко не отходявшие, — интересно, не правда ли?).

Леонардо подтвердил собою движение европейского человека-творца по вектору «От природы к неприроде», от всего *Этого* ко всему *Иному*, от естества и первозданности к искусственности и новозданности, от *человека натуралиса* к *человеку артикусу*, что, собственно, и развернулось в христианизированной, но при этом и заметно дехристианизированной, если уже не антихристианизированной, Европе, сделав *Европу Европой*, а *европейца европейцем*, вроде бы *гуманистической Европой* и *гуманистическим европейцем*, однако амбициозными, агрессивными, высокомерными и сначала немало, а затем и всё более... *бесчеловечными* (что то же самое — бесочеловеческими или попросту бесовеческими)!

Забвение ново (ино) европейцем природы и сакрала обеспечило возможность активного и безграничного строительства *нового (иногo) мира* — неприродного, искусственного, каменно-железного, урбанического, фабричного, технического, химического, электронного, но дорого обошлось и обходится, что европейцу, что всему человечеству, — и дело тут не так даже в войнах, завоеваниях, колонизациях, рабствах, эксплуатациях человека человеком, мириадных жертвах и морях крови, а в *эвапоризации человека в человеке*, — и это с победой и расцветом сразу христианизированного, квазихристианизированного, дехристианизированного и антихристианизированного (каково, а-а?!) *гуманизма!* — а-ах, это Иное, что хочет, ничего вроде бы не хотя, то и делает!

Вовлечённые в казацкую лаву, мы и не заметили, как проскочили всю эпоху европейского *Модерна (Модернити, Модернизации)*, начатую *Ренессансом* (якобы возвратом к культуре Античности, а на самом-то деле зарождением вовсе

на античного, а воистину, Нового мира, хотя и с античными красками и мазками) и, соответственно, Реформацией (освобождение европейца от давления церковной христианской регламентации всего и вся, включая трудо-творческий потенциал-процесс — и финансово-капитало-банковскую, то бишь финикийскую, составляющую хозяйственной жизни со снятием запретов на вольную экономику, то бишь на самоопределение стоимости), и продолжившуюся в полтысячелетия вплоть до сего дня с переходом из Модерна в *Постмодерн* в течение XX в. с явным утверждением последнего уже в XXI в.

Коли Модерн стал Новой эпохой в жизни Европы, то всё, что было до него, а именно Египет, Вавилон, Ассирия, Антика, как и всё домодерновое христианство, попадает в беспредельную эпоху *Премодерна* с явным преобладанием в ней религиозной (сакральной, надчеловеческой) идеологии (боги, духи, Бог, правители-боги, природные и неприродные силы, владеющие и управляющие человеком, и т. д.).

И тут самое интересное: переход (тоже *лавообразный*!) от Премодерна к Модерну произошёл во время вроде бы абсолютного доминирования в Европе (не в Иудее вовсе) христианства, разумеется, изменявшегося идейно, институционально и властно вплоть до своей (церковной, конечно, римской, папской) монополии, но при этом — внимание! — в период нарастания... *антихристианства* — именно **анти-христианства** (в тесной связке христианства с этим *анти*, то бишь нарастания не новой религии, как и не просто новой трактовки христианства, а именно... чего?.. правильно! — *идеологии антихриста*, которая вроде бы даже внешне и христианская, но... без Христа, во всяком случае, без Ему

сердечного поклонения, а так... церемониально, обрядово, процедурно, а то и вовсе без никакого Ему поклонения.

Христос — борец с антихристом, не было б в человеке «антихриста», не было бы и явления Христа (Иуда, кстати — антихрист!).

И вот в недрах христианской цивилизации расцветает «христианство-наоборот» — *антихристова идеократия*, пестовавшаяся Ренессансом и подкреплявшаяся Реформацией, а затем, уже после кровавых революций типа английской и французской, удостоверенная Просвещением с его «новой религией» — *Гуманизмом*, с его сакрализацией *Человека* и *Разума*, а главное — *Свободы* того и другого: что от тенет Природы, что от опеки Божественного Сакрала.

СВОБОДА!

И впрямь сладкое слово, а уж стоящий за сим словом феномен — одна только сладость!

Как раз на тот, да и на нынешний для Европы момент — антихристовая (это о свободе)!

Выходит, что Иное сработало на *антихристову свободу*, аккурат в гуще христианской цивилизации, вовсе не склонной к гуманитарной свободе — совсем наоборот: христианство, если не сплошная, то многосторонняя и вовсе не лёгкая... несвобода!, что экзистенциально было вполне оправданно, учитывая зверо-бесовский имманент человека и необходимость для него, пусть не железной, а идейно-духовно-поведенческой, но, знаете ли, самой настоящей... *узды!*

Нравится это человеку или нет?

Конечно, нет! Да, уважает, поклоняется, терпит, — так ведь всё это до поры — до протеста, до бунта, а кто приходит

на выручку — *умный Бес*, а вот в тот момент — *Антихрист* (как раз Иудов последыш, а Иуда был вовсе не дурак и не дешёвый предатель — он был вполне себе умный *противник!*), а антихрист вовсе никогда и не был, да и до сих пор он не сильно против Христа, — номинально, разумеется, он просто провёл Европу за ручки мимо Христа, — чем не ход, чем не партия, чем не игрок, чем не гроссмейстер?!

Хоть и не совсем тихо провёл и даже не без неуместного грохота, не без немалых жертв и фонтанов крови, зато в целом скрытно, вкрадчиво, доверительно и вполне себе продуктивно... э-э... ничего из нынешнего, господя, не напоминает?

Да, Иное как будто сработало на *антихристократию*, соответственно, и на *антихристову свободу*, но не само по себе оно сработало, а вкупе с реальностью, задыхавшейся от навязанного ей якобы Христова, вполне себе глобального, хоть частично и оправданного, *насилия*, на что от реальности, воодушевляемой Иным, мог быть только один ответ — *сопротивление насилию не без насилия*, ну и обретение *свободы* от царствовавшего насилия, а какой свободы, зачем и куда решать надо было под влиянием Иного самой... э-э... христианизированно-дехристианизировавшейся (можно сказать, что во многом уже не только ставшей «псевдо»-, но и «анти»-христианизированной) реальности... вот она и поплёрла аки норовистый конь к *Новой жизни* — с Христом, с «Христом» и без Христа сразу, построяя, заметим особо, уже *иной мир — чисто человеческий*. Этакий Номо-мир, не природный и не сакрализированный, а *свой, нашенский*, открыв дорогу труду и творчеству, науке и технике, разносторонней демиургии, наплевав на упреждавшие мифы вроде

прометеевского и икаровского (и всё это называлось долгое время, да и сейчас зовётся, Ренессансом, что хорошо говорит за то, что не верь, брат, ни глазам своим, ни ушам, — всё было и есть на Земле не то, не совсем то, если совсем не то, о чём талдычат вокруг, а какое-то *инаковое*, *инойное* да и вершилось и вершится как-то *иначе*: что тот же приход Христа, что Его благовестие, что реальное следование Христу, что итоги главенства и упадка христианства, что явно ненадуманное Второе пришествие Христа — не заметим даже когда и как случится, а главное, с какими последствиями!)

Причём же тут всё-таки Иное? А кто и когда что-нибудь реально осуществлённое предвидел, кроме отдельных и краткосрочных по прогнозу сюжетов? Иное на то и Иное, чтобы работать так, чтобы никто из человеков, да и самого Иного, ничего заранее не знал — в и через Неизвестность!

В этом-то и весь цимес, а для кого-то и настоящий кайф!

Передислокация

Наш казачий когнитивный рейд по тылам евро-христианской реальности принёс немалые смысловые результаты: установившаяся было в Европе христианская цивилизация с папско-римским, Карловским и тем же испанским имперокатолическим режимами и деяниями, стала вдруг (хотя вовсе и не вдруг) настолько иной, что Европа, оставаясь внешне христианской (пусть квази-, а то и псевдо-христианской — с отделением Церкви от государства и с сосредоточением остаточной церковной власти в микроскопическом Ватикане), с большим атеистическими прогалинами, стала по

смысловой сути какой угодно, но только не христианской — гуманической, либеральной, экономической (капиталистической), демиургической (научно-технической), мультиполисной, имперо-колониалистской, переняв, правда, от практического христианства такие замечательные качества, как амбициозность, агрессивность, лживость, не имевшие никакого отношения к Христу, но зато активно использовавшиеся от Его имени Церковью.

Вполне себе успешным оказался, надо заметить, наш казачий рейд, да не просто по тылам реальности, а и по самому *Иному* тоже, ничего, правда, не раскрывающему, но зато всё в реальности происходящее каким-то скрытым образом пробуждающему и ведущему, да так, что никому из реализаторов сей реальности мало почему-то не кажется.

Выходит, что Европа со всем своим античным, римо-имперским, саксо-германским, египетско-вавилонским, иудейским и прочим наследием оказалась генетически, сущностно и практически какой-то совершенно другой Европой, да что Европа — и само евро-христианство оказалось каким-то генетически, смыслово и практически другим, что как раз и говорит за то, что мир, который вокруг, весьма *иной*, не такой, каким кажется и каким представляется высоколобым умникам всех мастей и весей.

А какие же они, Европа и то же христианство, ежели они *иные*?

Да вот как раз такие, чтобы выдать для всего человечества настолько *иной* образ бытия, хозяйства, деятельности, экзистенции, что не только от Европы и христианства как первозданных феноменов, но и от всего первозданного человечества — природного, одухотворённого, сакрализован-

ного, социабельного, совместностного, братского, междусобойного не осталось на деле ничего, а ежели что и остаётся, то более всего лишь в значении имитационных номиналов.

Дело тут не только в том, что из чего-то возникшего, утвердившегося, существующего, даже торжествующего, вдруг возникает, утверждается, существует и даже торжествует что-то новое — *иное*, и даже не в том, что это происходит при ослаблении, разложении, исчезновении чего-то бывшего, даже не в его пожирании вылезшим из него новым (вроде змия-дитяти, пожирающего своих родителей), а в том, что в геноме чего-то существующего уже при его зачатии оказывается странная (без рода и имени) бацилла, она же и субгеном, не чего-нибудь, а... *отрицания* этого возникшего, утвердившегося, существующего и торжествующего, но не бацилла старения и смерти, что понятно, а субгеном... *иного*, из которого или через посредство которого и является не просто новое, а именно *иное*.

В той же Европе, как и в том же христианстве, не говоря уже о человеке с человечеством, сидело и до сих пор, само собой, сидит, давая о себе знать *инообразами* и *иноэпохами*, это самое неизвестное и коварное *иное*, которое и обеспечивает совершенно неожиданные и немало невероятностные превращения всего налично экзистенцирующего (с непременными вращениями, выворачиваниями, волнениями, вибрациями, взлётами, срывами и т.п. бывалинами).

О-очень занимательная это вещь — Иное, она и весть, она и сила, она и судьбина (о дубине мы уж умолчим), как единая фронтальная мощь, так и распределённая по тылам реальности выжидательная, действенная, судьбоносная карма.

Европа, которая возникла, кстати, как именно Европа в христианские (пусть лишь в христианоподобные) времена, явилась на Земле, чтобы не более и не менее как *отделить себя от Земли, а Землю освоить под себя*, причём освоить по не-природному, то бишь не по-зёмному, тем более не по-сакральному, то бишь сугубо по-человечески, что Европа и сделала, изменив себя (изменившись) и изменив весь земной мир, да и как ещё изменив! — на место зёмного мира явился мир супер-зёмный — планета вроде бы всё та же, да вот совсем уже *иная* — по причине и по искусственности её очеловечивания, — не так ли?

И опять же важно иметь в виду, что случилось всё это невозможное с Европой не с какой-нибудь, а с христианской, пусть даже постхристианской, отчего христианство внутри себя (вглуби себя) опять же что-то *иное*, вовсе не то, чем и каким оно выглядело и выглядит, пусть и не очень убедительно, до сих пор перед взором настороженного наблюдателя, завязанного сторонника, публичного комментатора. Так для чего же в таком разе явился на Землю Христос: исправить морально человека, покаявшись перед ним за промах Бога Отца — творца человека, или же вызволить из человека творца — демиурга нового, а в общем-то *иного* мира, причём творца, пережившего многовековую туда-сюда «теребень» от христианства, а потом, если не отвергнувшего его насовсем, то весьма отодвинувшего в сторону, — такое во тут многошаговое *выворачивание вывернутого*, — поди-ка разберись!

А вот и они, кое-какие историко-экзистенциальные итоги христианизированной а потом и немало дехристианизированной, заметно и антихристианизированной, Европы:

1. Создание НОВОГО МИРА — *европейского* (никак уж не собственно христианского, ни тем более, никакого не античного), гуманизированного, экономического, научно-технического, прагматического, делового (предприимчивого), изобретательного, созидательного, фабрично-заводского, механо-машинного, контрприродного, искусственного, со временем индустриального, железистого и бетонистого, мобильного (железные дороги, пароходы, автомобили, самолёты), электрического, электронного, оцифрованного. Небывалое ранее, гигантское, невообразимое деяние — чудо!

2. Освоение Европой и европеизмом не без христианского прикрытия всего зёмного мира, его — этого мира — та или иная *европеизация* — что через прямую завоевательную колонизацию открываемых Европой «свободных территорий», что через «инвазию» в разные страны, что посредством включения неевропеизированных стран к становившейся всё более новой (*иной!*) и уходившей прогрессивно-де вперёд Европе и как бы добровольной себя европеизации, — всё это означало не так даже имперское владычество Европой зёмными окраинами (перифериями, провинциями) и их эксплуатацию, как было принято говорить, «и в хвост, и в гриву», как распространение Нового европейского мира на весь мир, мало что его — это всего мира — европеизацию, но ещё и его — этого всего мира — ОБНОВЛЕНИЕ, пусть местами и не полное, и в сочетании там и там с традицией, но... ОБНОВЛЕНИЕ! То бишь возникновение на всём зёмном шарике НОВОГО МИРА, как раз по генезису и сути уже европейского, немало даже христианского, что означало распространение по миру не так Христового человеколюбия,

как *антихристовой новизны* в сочетании в *антихристовой эксплуатации* (экономической, рабовладельческой) и даже уничтожением аборигенного населения, ну а взамен — рост европейского богатства и возможность разностороннего процветания Европы.

3. Свершение КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, позволившей возникнуть *новой культуре* — светской, публичной, элитарной: книгопечатание, литература, журналистика, газеты, театр, фотография, кино, разносторонняя живопись, столь же разнообразная музыка с высоко совершенным инструментальным и голосовым исполнением, опера, балет, но главное — светское *образование* (школы, университеты, библиотеки, музеи), пусть долгое время и не для всех подряд, но с постепенным расширением социального контингента учащихся и вообще образующихся, с ростом грамотного населения.

4. Рождение (Нэссанс) **НОВОГО ЧЕЛОВЕКА**, даже вроде бы христианина по вероисповеданию, но в любом случае уже *другого* — и другого человека, и другого христианина, а то и вовсе атеиста, однако явно уже новгородского, да и новосельского тоже, грамотного, образованного, по-новому предприимчивого, делового, амбициозного, при этом по-старому, но с хоть и с новой личинной отделкой, агрессивного, алчного, беспощадного, когда смиренное человеколюбие лишь для слабаков и дураков, а вот человеконелюбие ради наживы, богатства, карьеры, влияния, власти в пользу новосамоценных европеоидов — предпринимателей, банкиров, торгашей, профессионалов, грамотеев, да и просто мошенников, мафиози, грабителей, бандитов, пиратов, особенно ежели всё этакое проделывать в колониях; нет, конечно,

человек морали, чести, труда, творчества, служения, благородства не исчез насовсем, но он, сам став так или иначе другим, не определял главного жизнеотправительного стиля эпохи.

5. Раскрут ЭКОНОМИКИ, ставшей во главе не только производства, обмена, распределения и потребления благ, и не просто хозяйства, а вообще всего жизнеотправления сначала европейского, а потом и всего мирового человечества. Стоимость как идеальная оцифренная субстанция, выраженная в текущей реальности в деньгах и ценах, когда деньги оцененны, а цены оденеженны, субстанция, не покидающая сферы сознания (голов людских), как и бессознания тоже (но не голов людских), завладела человеческой экзистенцией если не целиком и полностью, то уж на о-очень большой процент, можно сказать и на все 100 (что ныне обходится без денег, оплат, затрат, выплат, инвестиций, сбережений, товарных купле-продаж, кредитов, долгов, как и без соответствующих оценок, что-о? — очень и очень немного, — так что экзистенция вроде и осталась внешне христианской, да вот стала тотально экономической, включая не то что храмовых «валютных менял», а действующий со вселенским размахом КАПИТАЛ, причём с мощным финансовым, — как раз «меняловским», то бишь сугубо антихристовым, — навершием.

6. Внедрение в познавательно-размыслительную сферу (тогда более всего богословско-философическую) исследовательско-экспериментаторской составляющей, взявшей на себя модельно-объяснительную (причинно-следственную) функцию, что выразилось в итоге в особом ментально-деятельском феномене, получившим имя-определение НАУКИ, много чего сделавшей и понадевавшей, как и

всё ещё делающей (и ещё понаделающей), изменив и продолжив изменять сознание человека по прежде всего когнитивному, психическому и поведенческому векторам, а также изменив и продолжая изменять мировидение человека, его понимание самого себя, своих устремлений, своей экзистенции, своего будущего; современный образованный человек — *онаученный человек*, а потому и не особенно религиозный, даже и не философический (он — *научник, научник, сциентист*), а его обращение к духовным практикам по сути в нём ничего не меняет.

7. Развитие мощной неприродной орудийно-инфраструктурного характера составляющей человеческого бытия, называемой ТЕХНИКОЙ (или ТЕХНИКУУМОМ), заполнившей собою всё вокруг, охватившей всецело природу, либо превращая её прямо в неприроду, либо собою подавляя, а также захватившей и самого человека, но не только его руки и ноги, но уже и сознание, когнитив, мозги, а в итоге создавшей неприродный, технотронного характера мир на Земле и в ближайшем космосе.

8. И как венец всего этого новоевропейства, раскручивание всесторонней со стороны человека *хозяйственной демиургии*, направленной даже не на переустройство, а на самое что ни на есть *пересотворение* данного человеку мира, из и из-за чего получилось то, что получилось и ещё, не дай Бог, получится — *искусственный, бездушный, неживой мир*, если и не полноценный, то уж вполне себе полнаявочный *погост*.

9. Вот такое, знаете ли, великое метаисторичекое происшествие: рождение через посредство христианства, обернувшегося антихристианизмом, *Новой Европы*, а вместе с

тем — уже через посредство упорной европеизации и *Нового зёмного мира*, покорившегося не одному новому летоисчислению, но и новому о себе *Мифу* — евраунаукотворному, правда, не совсем покорившемуся, а скорее, приспособившемуся, надо полагать, что и на срок.

Штабные игры

Пока на фронте передышка и казачьи полки отведены на отдых и пополнение, штабы не дремлют, думают, ищут новые тактические ходы и стратегические заходы, объясняют происшедшее, обосновывают возможное, проектируют будущее. И лучше, чем кто-либо другой, понимают, насколько сильны неизвестность, неопределённость, случайность, насколько могуч фактор чего-то *Иного*, как раз того, что не предвидеть, не ухватить, не подчинить, с чем надо непременно считаться и, по возможности, взаимодействовать — учитывая, предвидя, реагируя, подчиняясь.

Иное — не совсем неизвестность, неопределённость, случайность: здесь — *воля*! Воля к *иному*, не к тому, что желаемо, предвидено, просчитано человеком, подкреплено интуицией, учением, теорией, той же религией.

Вот Александр Васильевич Суворов, уж он-то хорошо знал, что есть *Иное*, уважал его, с ним считался, взаимодействовал, ему поклонялся, но и удачу держал за хвост, ибо сам был *иным*, не таким, как все, и *Иное* ему благоволило: ни одного, как известно, поражения, заслуженным стал генералиссимусом, а ведь был ещё и сильным геополитстратегом, да вот не сидел на троне, и кто знает, как бы пошла история, будь бы Александр Васильевич российским императором?!

Ясно, что была бы история не такой, какой случилась, а какой-то и впрямь *иной*.

Место Александра Васильевича в европейской и мировой истории занял быстроходный Наполеон Бонапарт, близкий к Иному, но не настолько и не так, как славный старик Суворов. Бонапарт с Корсики, от Земли, через посредство Франции, от экзистенциальной тесноты, от заданности, а Суворов от России, от Космоса, от земных просторов, от незаданности. Суворов предвидел схватку с Бонапартом, будущей его Францией и будущей его Европой, предлагал начать первыми, чтобы погасить опасный для России и мира огнедышащий очаг, пока он вовсе не разгорелся, да кто ж из наших на это мог решиться, заискивая перед Европой, ей подражая, к ней себя подтаскивая и её втаскивая в себя, хоть и пришлось-таки исполнить предвидение великого стратега, да и не один раз, да всё как-то без окончательного решения европейского вопроса: как была Европа самовлюблённой, самонадеянной и агрессивной, такой и остаётся, только теперь во главе со своим змейгорынычевым выродком — США.

США — очищенная от корней и кое-каких старых ветвей Европа, идеальная, так сказать, Европа — новее Новой, Ренессанской, Просвещенческой, англо-саксонская в основании, ядре и наверху, хоть сейчас уже и не столь чистопородная, немало уже смешанная, заметно уже замусоренная, поржавевшая.

Европа! Это вовсе не географическая территория, хотя и территория тоже, как раз западная, частично центральная, но никак не восточная, где не Европа вовсе, а Россия, и не просто территория, а *Идея* — большая, знаете ли, идея,

гигантская, всемирного, как для кого-то это ни странно, значения.

И Европа тоже не просто территория, а *Идея*, и тоже большая, эпохальная, всемирного значения. И ежели в христианской парадигме, а речь у нас идёт о формально христианской Европе, то *каино-иудская*, в общем — не Христова, а как раз *анти-Христова*, а потому и столь удавшаяся — до поры!

Иное почему-то сработало не в пользу Христа, а против Него, причём сработало не просто под ширмой Христа, от Его имени, а чуть ли не в самой Христовой парадигме, правда, доведя Европу до, заметим, дехристианизации и вполне себе живучего атеизма.

Иному был, видно, очень нужен *Прогресс*, и он — ПРОГРЕСС — состоялся — посредством революций, войн, колонизации, развёртывания экономики, науки, индустриализации, беспрецедентной эксплуатации своих и чужих, грабежа, пиратства, да мало ли ещё чего.

Сначала христианизированная, а потом расхристианизованная вплоть до атеизма Европа оказалась самой подходящей движущей силой Прогресса — этого продолжительного прометеево-икаро-каиново-иудского исторического действия!

Факт!

Как фактом стало и ещё кое-что, тоже инициированное *Иным* — пошаговая ликвидация Европы, что то же самое — её похищение, но... Sic!.. самую же Европою!

Самоликвидация!

Правда, с переходом прогрессной инициативы к Новой Европе, к США, — и нет ничего особенно удивительного,

что списанная с main-strim'овского потока Старая Европа уходит, не без равнодушного содействия её заокеанского дитяти, в небытие — как бодрая, наглая, агрессивная Европа, а то, что на её месте остаётся, так это не более чем доживающая свой век post-Европа — покойная, благоуханная, оцепенелая, замерзающая.

Однако и с США не всё в порядке, их вовсю трясёт, как трясло 100 — 150 — 250 лет назад Европу, но тогда Европу трясло ради Прогресса, а сейчас ради чего затрясло вдруг Америку — ради Прогресса или того же Армагеддона?

На этот вопрос может ответить лишь Иное, но оно не склонно ничего вещать, предпочитая сакраментальное безмолвие. Вот и чешут свои лбы и затылки умные штабисты, чтобы если не разгадать замысел Иного, который и для самого Иного несусветная тайна, то хотя бы учесть судьбоносное влияние Иного, снайперски нацелившегося на США — чего это вдруг и именно таким вот образом?

С одной стороны, США явно на мировой вершине, вроде бы лидерствуют в Прогрессе и геополитике, не гнушась долговой эксплуатацией всего мира, а вот с другой — беспокойная сама в себе и для всех вокруг страна-каскадёр, оттого и, мягко скажем, неважнецкий из неё мировой лидер — эгоцентричный, беспардонный, опасный, а главное — для мира *неэффektivный*! Он ничего позитивного не может предложить миру, кроме себе подражания и себе же подчинения, своему произволу, ну и раскрученному им, хотя и начатого ещё Европой, *Антимиру*, то бишь некоему перевёрнутому и выпяченному своей преисподней стороной post-миру, в котором ни моральных устоев, ни высокой культуры, ни целостного образа, а так — черезполосица, если не

чертополосица, какая-то заразная смесь чего-то ещё вроде бы человеческого и много чего уже явно не- или post-человеческого.

США — уже явный источник Яда и Смерти!

Трудно в это поверить, но ежели внимательно присмотреться к уже состоявшимся американцам, включая и цветных, то трудно обнаружить в них что-то традиционно человеческое, зато легко можно заметить что-то уже воистину труповидное, хоть и сверх-улыбчивое, и даже супервесёлое.

Живые трупы!

Пресыщенные, самодовольные, ограниченные, стёршиеся!

Потерявшие жизненные ориентиры, человечность, мало что знающие и в общем-то мало что умеющие, хоть кое-какие трудо-творческие резервы там ещё есть, да и прибывают пока по традиции извне, но тают на глазах, исчезают. Америку даже трогать не надо — сама умрёт, может, даже быстрее, чем старушка Европа, у которой, в отличие от США, хоть корни кое-какие есть, да и кое-какие ветви в виде ещё живых и «альтернативных европейцев» остались.

Интересно всё это, не правда ли? Иное на то и *иное*, чтобы незаметно, но верно сюжетики разные в бытие-историю подбрасывать — невероятные, непонятные, возмутительные!

С евроамериканским Прогрессом, принёсшим с собою не просто новый — уже воистину и в целом *искусственный* — мир, но ещё и Антимир с его post-мировой закваской, если ещё не вполне армагеддонный, то уж вполне апокалиптический — факт!, с чем наши умные и умелые штабисты разобрались, да вот встаёт вопрос: не утянет ли он — этот

замечательно искусственный антимир за собой в Бездну и весь мир человеческий, да и земно-космический тоже?

Ах, Европа, Европа, как всё хорошо у неё начиналось и весьма долго неплохо шло, пусть и с потрясениями вроде революций и войн, а что в итоге? А в итоге мало того, что что-то явно *иное*, так ещё и нежизненное, обесмысленное, самоубийственное! Вот-те на, а сколько усилий, дрызг, жертв, обмана, лжи, — и всё, выходит, Мирозданию... нет, конечно, не под хвост... а, скорее, под ироническую усмешку, да ладно бы Мирозданию, что ещё стерпеть, стиснув зубы, можно, а то ведь, что как раз совершенно для ЕвроАмерики невыносимо... под усмешечку азиатам, китайцам, полуки-тайцам, да и чуть ли не мусульманам тоже — вот уж ирония так ирония!

А в чём же тут дело? А в той простой истине, что сии на Земле наследнички ЕвроАмерики попросту... э-э... *иные*, не такие вовсе, как самодовольная и самоизрасходованная ЕвроАмерика, совсем не такие!

Вообще, заметим, никакого общечеловеческого чело-вечества, — и это хорошо себе усвоили наши штабисты, — *нет и быть не может*, а потому *нет и быть не может* не то что единого правления всем миром, хоть мировое правитель-ство и есть (как раз евроамериканское) и упорно гадит, гадит, гадит (и миру, и себе), но *ничего мирового единого быть не может*, а может быть только *цветущее мировое разнообра-зие*, вовсе, конечно, не произвольное.

Обо всём этом — что хорошим, что плохом, что ника-ком — наше замечательное Иное, пусть и не очень вежливо, постоянно человеку-человечеству и напоминает:

Антимиром, Антиэкологией, Преисподней, Апокалипсисом, ну и уже идущим втихомолку Страшным Судом тоже!

И что же в ответ: Запад прёт по своему западному треку — до конца!; истинный Восток выжидает, помалкивая и собираясь с силами; встревоженный исламский мир вышел на тропу войны с Западом и западнизмом; Россия... а что Россия?... готовится, видно, к прыжку, да вот куда, если не снова, как в 1990-е, в Бездну, то, видно... уж не в своё ли Иное?

Главковоерху
Конфиденциально

Докладная записка

На Ваш запрос о сути *Иного* и возможности с ним взаимодействия могу ответить рядом нижеследующих соображений.

Иное — не просто неизвестное, тайное, случайное, а как и вообще всё трансцендентное (незнаемое, непознаваемое), но и всюю *работающее* — как раз по своим мотивам, намерениям и соображениям (пишу без кавычек, ибо здесь немало адекватно с сознанием, хотя и, разумеется, с другим сознанием, как раз *иным*).

Задача: в наших, то бишь со стороны людей, намерениях, соображениях и действиях необходимо всегда учитывать наличие и действие этого Иного, не увлекаясь и не ограничиваясь просьбами и мольбами к нему. Иное должно быть органично вплетено в работу сознания, когнитива, мозгов, души, разумеется, не столько рационально, сколько... нет, не

иррационально... а как бы *само собой*, через постоянное внутреннее переживание, но при этом и через постоянный — идейно-духовный — контакт с ним, в основе, конечно же, трансцендентный.

Само признание работающего Иного — уже великое дело, уже благая весть и значимая вещь! Ни в коем случае не вера в него, а именно *признание*, за которым стоит и возможность *взаимодействия*. Какого же? Э-эх, давно ведь сказано: «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», «не лезь в воду, не зная броду», «прямо, налево, направо пойдёшь, одну и ту же погибель себе найдёшь», «не буди лихо, пока оно тихо» и т.д., и т.п. Знали хорошо предки, с чем имели дело: мало что с Неизвестностью, так ещё и с Иным, да ещё и с работающим Иным, уважали это Иное, шли ему настороженно навстречу, а то и, наоборот, от него вприпрыжку бежали. Чего не прощает человеку Иное, так это самоуверенности, амбициозности, высокогядства, как и, разумеется, безволия, нерешительности, пустозвонства.

Иное — сила!

Сила, которая незаметно для человека, особенно пустого и самонадеянного, созидает, держит, оберегает, изменяет, выворачивает, разрушает, уничтожает, да не что-нибудь, а само бытие человеческое, саму экзистенцию, всё равно какие — что малые и не слишком заметные, что большие и в глаза изрядно бросающиеся.

Главное с Иным — невозможность человеку не то, что повлиять на им вершимое, но даже и предусмотреть: тут, знаете ли, *импровизация*, да ещё и *тайная*!

Как же тогда быть?

Ответ прост: быть в контакте с Иным, но... через *Софию Премудрость Божию*, для чего потребна самая малость — быть *достойным* Софии!

Нет, не верой в Софию, не молитвами, к ней обращёнными, не просьбами, её теребящими: София даёт мудрость не тому, кто к ней за сим обращается, а тому, кого она сама выбирает («Много званых, да мало избранных»).

Кого же? Лишь бескорыстно соединяющихся с реальностью и ей, а не себе, служащих, в ней растворяющихся и с нею идущих, вовсе не избегая участи быть от неё и с ней творцами.

Вроде бы всё дело тут в морали, но это не совсем так: дело в приобщении к *софийной морали*, которая вовсе не моральнее человеческой морали, а ... *инее*, о чём земные моралисты даже и не догадываются.

Здесь прежде всего призвание, ноша, крест, а уж потом знание, умение, изобретательность, находчивость, везение, удача, ну и, само собой, всякий иной позитив.

Понять бы, что это такое да стать и быть софийным — прямо, сходу без обиняков: тут не подойдёт ни просто хороший «чек», ни правильный, ни даже добрый, честный, неподкупный.

Софийный — сообразованный с Неизвестностью и идущий по жизни в идейно-рабочем соответствии с Иным, которое хоть и решает и действует по-своему (своевольно), способно таки предупредить, упредить, озадачить даже и оберечь от вызываемой человеком или на него надвигающейся коллизии (события, перемены, краха), однако при условии признания человеком Иного, при его им учёте и с

ним бескорыстной, если не жертвенной, солидарности, — и всё это при почти полном незнании Иного!

Жрецы, пророки, эзотерики, как и шаманы, колдуны, а теперь вот более всего так называемые экстрасенсы, пытаются так или иначе угадать Иное, его движение, и хоть им иной раз и удаётся попасть в точку, но не настолько, чтобы можно было человеку овладеть самой реальностью, как раз и движимой изнутри этим самым Иным.

К чему только ни стремится человек, чего только ни совершает, а последствия бывают более всего *иными*, чаще всего вовсе не такими, какими их задумывал творящий человек.

Фатализм — вовсе не случайность, не искажение, не глупость, но фатализм фатализму рознь: можно покоряться судьбе или попросту «ходу вещей», а можно с ними эффективно работать, не покоряясь им вполне и не пытаясь ими вполне овладеть.

Искусство тут необыкновенное, питаемое, в частности, *философией хозяйства* и *софиасофией*, чему, правда, научиться просто так нельзя, но сочетаться с чем можно, разумеется, в порядке большого исключения, да и то не по одной лишь своей воле.

Завершая записку, приношу извинения за некоторую извилистость рассуждений и несвойственную деловым текстам беллетристичность!

Разговор в верхах

Главковерх (далее — Гл): Я ознакомился с Вашей запиской, NN, весьма это всё интересно... э-э... и важно, но как всё-таки оперировать с Иным, в особенности с негативным, — ведь негативное не только возможно, но и, кажется, превалирует?

NN: Трудный вопрос с очень простым ответом: — никак!

Гл (*усмехнувшись*): И всё-таки?

NN (*задумчиво*): Прежде всего хотя бы исходить из факта наличия Иного и его действия. Тот же «Гордиев узел» можно при случае рубануть, как и Рубикон перейти, да вот с какими затем, особенно с дальними, последствиями? (*Пауза*) В общем, надо исходить из неисходимого, то бишь неизвестного. В этом вся и загвоздка!

Гл: Рисковать, значит?

NN: Не без этого, но знать, что всё в итоге будет по-другому, не так, как задумано, а вот лучше или хуже, Иному безразлично. Оно ведь не Господь Бог, который может быть в чём-то и заинтересован.

Гл: А как предвидеть?

NN (*улыбаясь*): Да никак!! Иное на то и иное, чтобы его было невозможно предвидеть.

Гл: И тогда?..

NN: Остаётся лишь в него вживаться, софийно, разумеется, как, собственно, и в реальность тоже.

Гл: Как же всё-таки, уж извините за назойливость?

NN: Полагаясь на «ход вещей» и судьбу, напирать на своё, не полагаясь при этом вполне ни на «ход вещей», ни на судьбу, ни на себя, предвидеть, так сказать, неизвестное!

Гл (*усмехаясь*): Да-а, неизвестным предвидеть неизвестное... э-э... парадокс какой-то!

NN: А что на свете не парадокс? (*Пауза*) Это вы, кстати, хорошо сказали: неизвестность предвидеть через неизвестное, то бишь X (икс) через X, а не какой-нибудь Y (игрек).

Гл: Для этого-то по-вашему и София нужна? Но ведь Иное на то и иное, чтобы его действия не уловить.

NN: Верно! Уловить нельзя, даже предвидеть нельзя, а вот предполагать кое-что всё-таки можно, хотя мало кому из великих удалось исполнить, во всяком случае, вполне, ими хорошо вроде бы задуманное, пусть на всякий случай лишь предположенное, да вот почти что и никому.

Гл: Разве лишь товарищу Сталину, да и то не как таковому Джугашвили, да и с какими затратами и жертвами, не только с великими усилиями.

NN (*задумчиво*): Да-а, пожалуй, лишь Сталину, но заметьте — всего лишь на каких-нибудь четверть века!

Гл: Иное таки взяло верх над Сталиным?

NN: Делал иное и его сделал. Но Иное ему всё равно отомстило — другим иным, как раз антисталинским. (*Пауза*) А всё почему..?

Гл (*прерывая собеседника*): Ну-у... почему же?

NN: Потому что Иное сильнее любой реальности, кроме, конечно, той, что уже иная...э-э... стала или становится иной...

Гл: Замысловато говорите.

NN: А что делать, коли реальность такова?

Гл: Выходит, что она всегда... э-э... иная?

NN: Выходит, что так.

Гл: Тогда что же ... идти вслепую?

NN: Не вслепую, быть может, хотя это и есть, но не всегда, вовсе не всегда, увы, и зряче тоже.

Гл (*несколько раздражённо*): И всё-таки мы до чего-нибудь сносного договоримся?

NN (*тоже чуть-чуть горячась*): Конечно нет! Простите меня, но вы упорно игнорируете Софию и софиасофию, что же вы тогда хотите?

Гл (*примирительно*): Не горячитесь, мудрецу это не идёт. (*Пауза*) Я просто хочу ясности, но не вашей... э-э... уж извините, весьма путаной, а нашей, армейской, прямой, разумеется, не уставной, но всё-таки...

NN (*тоже примирительно*): Что же делать, если вся ясность в неясности и таится!

Сдержанная пауза

Гл: Да-а, задали вы задачку: вижу, что что-то здесь не так, но чувствую, что Вы всё-таки правы. Ладно, буду учиться вживанию в реальность и в Иное... э-э... не без содействия, надеюсь, Софии Премудрости Божией. (*Пауза*) А рубить гордые узлы и переходить Рубиконы тоже ведь надо!

NN: Я с этим не спорю, особенно ежели втащить в себя поджидающую тебя неизвестность, да и не плюхнуться в её жуткое чрево.

Гл: Согласен! Спасибо за интересный и нужный разговор! И за докладную записку спасибо! (*Пауза*) И за науку!

NN: Вам спасибо, что нашли желание и время вникнуть в несовершенное, но, увы, совершающееся!

Гл (*смеясь*): Опять эти ваши учёные парадоксы... э-э... однако и в самом деле куда от них?

NN: Да уж... некуда! Только не мы с вами в том виноваты, нам остаётся только с этим считаться.

Гл (*пожимая руку гостя*): Благодарю ещё раз и желаю удачи!

NN (*отвечая на рукопожатие*): Берегите в первую очередь слов и мудрецов, генерал, тогда что-нибудь и получится!

Оба собеседника добродушно и удовлетворённо рассмеялись.

Московская реликтовая рюмочная

Взяв сто наркомовских граммов водки с грибочками, капусткой и чёрным хлебцем, отпив глоток живительного напитка и слегка закусив незамысловатой снедью, мудрец наш глубоко задумался.

Да, он думал о только что состоявшемся разговоре с главковерхом, понимая, что ему не удалось донести до высокого собеседника им уже понимаемое, не удалось, а потому и задумался над тем, как же всё это сделать, да и вообще возможно ли такое?

Он ещё выпил глоток водки, между прочим «Путинки», вяло закусив маринованным грибочком с кислой капусткой да чёрным хлебцем.

«Как объяснить необъяснимое, — думал он, — что всё вокруг иное, не это, разумеется, более всего по смыслам, а не по внешним проявлениям, хотя и по ним тоже, что всякие там революции, войны, восстания, крахи и те же победы вершатся не только ради них самих, но даже не ради стоящих перед ними целей, а ради чего-то иного, что проявляется потом, со временем, становясь заметным, хоть и не слишком ясным, хотя бы как просто ни с того, ни с сего пришедшее, а вовсе не как следствие всех ранее случившихся каверзных событий-происшествий? Каверзных, именно каверзных, вроде бы, как правило, необходимых и даже будто бы объяснимых, а потом, по прошествии времени, так и остающимися непонятыми, загадочными, да и вообще ни с того, ни с его взявшимися».

«"Десять дней" Джона Рида, которые не так потрясли мир, дорогой господин Уэллс, член мирового правительства, собеседник Ленина и незадачливый муж баронессы Будберг — трёхвекторной шпионки и бывшей возлюбленной самого товарища Горького, как сии десять дней попросту перевернули мир, однако не сделав его ни демократическим, ни социалистическим, ни советским, ни попросту гуманным, а всего лишь *другим*, унеся при этом миллионы жизней, диктатуры везде всякие поустанавливав, ядерное оружие сварганив, которое заокеанские мерзавцы и применили, на весь мир начхав, и т.д., и т.п., а почему же они случились — эти десять дней, а-а?, а ведь всего лишь, чтобы России не дать быть и стать Россией, да ещё и не оказаться ведущей страной в мире, но зато чтобы США стали ведущими, а вслед за ними и антимир пришёл, обхватив своими костлявыми щупальцами всё зёмное человечество. Вот и выходит, господин Уэллс, что

очень иным стало по смыслу событие из десяти дней, иными оказались его следствия, иными и результаты, впрочем, может, Уэллсом и предвиденные, как, может, и жёнушку свою (эту самую леди Будберг) насквозь видел, различая в ней иное, как, собственно, и самого Горького видел иным заодно с иным Лениным. Вот так: иным выходит у нас и сам Уэллс, да и мало ли ещё кто и что. Так и живём, купаясь в многоликом Ином!».

Допив водку и прикончив закусочку из грибков и капустки, странник не встал из-за стола и не ушёл, а остался сидеть, оглядев наполнившуюся консерваторцами и журналюгами из ТАСС рюмочную, тоже почему-то иную, не такую, как все — ещё советскую, негромкую, даже вкрадчивую.

«Да-а, — продолжил он размышлять, — это главный хорошо сказал о Сталине, правильно. Вот уж кому удалось, став иным, сохранить и развить страну, победить в ужасной войне, пусть и ценой огромных жертв (Иное-то, ох как прожорливо!), а главное одолеть, пусть и на краткое время, влезшее в страну уэллсовско-горьковское иное — антимир, вернув страну ко вполне мировой жизни, хоть всего лишь и на каких-нибудь четверть века».

Вспомнив свои детство и юность и, так сказать, первую молодость, пришедшиеся аккурат на эти сталинско-послесталинские четверть века, он пошёл к бару, взял ещё пятьдесят граммов водочки с рыбной закусочкой, вернулся к своему столу, выпил принесённую водку за то простое, но экзистенциально насыщенное, вполне и героическое, прошлое.

Когда-то, что-то в конце 1970-х, он отказался, будучи в гостях у доброго друга в Тбилиси, пить за Сталина, вызвав

немалое замешательство среди гостеприимных грузин, а потом, уже в конце 1980-х, будучи в Гори, он выпил-таки вместе с грузинскими товарищами за Сталина, ещё не осознавая вполне почему, но выпил, — и только по прошествии горестно славных и невыносимо гнусных 1990-х понял, что явление Сталина было необходимым историческим событием — жестоким, непреклонным, жертвенным, кровавым, а всё почему... э-э... не из-за тяжёлого характера горийского выскочки, а по причине взятой Сталиным на себя миссии по «выворачиванию вывернутого», то бишь спасительного обращения вывернутого мира и вывороченного человека к собственно человеку и к собственно миру.

«Тогда-то, — вернулся к своим размышлениям странник, — удалось преодолеть выдуманные в Европе “красные преобразования”, пусть и не вполне удалось, а что сейчас в годину нового, уже технотворного, а лучше бы сказать — тлетворного, евроамериканизма, ещё более угрожающего человеку и его миру, удастся ли избежать уже даже не выворачивания, а самого настоящего выхолащивания человека и его мира, их ликвидационной технотронизации?».

На этом месте высокоучёный мозг застыл на мгновение в анестезическом оцепенении, не чувствуя ни жизни, ни боли, ни страха, ни даже опьянения.

Просидев неподвижно минуту, другую, он, как бы очнувшись, огляделся, схватив возвращающимся к бдению сознанием знакомую картину человекоугодного заведения, как-то мешковато поднялся, взял нерешительно в руки свою верхнюю одежду, сумку и, не покачиваясь, но как-то не очень уж стройно вышел наружу, в спешащий куда-то город,

там, на той улице, ещё целый, не подвергшийся безумной бизнес-архитектурной модернизации, ещё *свой*!

Стало ему легче от посещения заветного заведения или нет, кто знает, но то, что он в этот момент ни о чём *таком* не думал — факт!

Давно уже уставший от непонимания и не могущий быть понятым, он пошёл медленно туда, в сторону родного университета, где когда-то располагался за широкой спиной и умной головой Михайлы Ломоносова его родной факультет, где он постигал мудрёное знание, не имевшее, как всё более выяснялось, прямого отношения к вертевшейся вокруг реальности, однако ни о чём прошедшем, — ни там, за могучими плечами Ломоносова, ни тут, пред его светлым ликом, — он не сожалел: всему ведь был свой срок!

Закрытый курс лекций о сокровенном

Да, то был всамомделишный, хоть и краткий, курс лекций, и состоялся он в закрытом для ненужных глаз и ушей, кроме разве шпионских, заведении, — аккуратно по желанию главковерха, который что-то этакое уловил из беседы с мыслителем и посчитал нужным посвятить в деликатную тему разного рода военачальников, которые вроде бы ни в чём таком особенном не нуждались, ибо сами многое что из этакого знали и понимали, однако, как видно, показалось главковерху, не всё, вовсе не всё: оставалось ещё что-то им *неведомое*, — что в зачинах войн, что в их ходе, что в последствиях, как раз то самое, что не могло не занимать высшее военачальное воображение и не привлечь их острого

внимания ко вдруг возникшему перед ними совершенно гражданскому вещуну.

Лекция первая

«Я не буду, уважаемые слушатели, в чём-то вас убеждать, более того, мне совершенно всё равно, как вы воспримите мною сказанное, — и дело тут не в моём высокомерии, а в том, что либо это дано воспринять, либо нет, поскольку словами тут ничего или почти ничего не выразить, тем более всем понятными словами, да и не в словах дело, ибо то, о чём я буду говорить, лишено своего слова, оно хоть и отсюда, из нашего мира, из текущей реальности, но оно существует и действует при этом, как бы и не как бы вне этого мира, нередко и ему вопреки, короче — оно не отсюда, оно — оттуда, где нет ни человека, ни сознания, ни тем более слова».

Реплика из зала: «Потусторонний мир?»

«В том-то и дело, что он вполне себе с этой стороны, хотя и с той тоже, но он, увы, другой, а на моём языке — *иной* (*акцент на слове*), причём с большой буквы *Иной* (*акцент на слове*), а лучше бы сказать попросту — *Иное* (*акцент на слове*)».

«Да, именно так — *Иное* (*акцент на слове*)!»

«Попрошу это заметить: мы сейчас говорим не об ином мире, а именно об Ином как о самом себе, которое сидит и в нашем мире, и в нас, и в наших деяниях и представлениях, и в тех же суждениях.

Пауза

Я хочу этим сказать, что наш с вами мир на самом-то деле иной, в нём сидит и работает это самое Иное, которое с большой буквы, отчего нам кажется, глядя на реальность, что-то одно, а на самом-то деле в ней присутствует что-то другое.

Вот вы все военачальники, генералы и полковники, вроде бы этой, или нашей, армии — факт!, но вдруг выяснится в один прекрасный момент, что вовсе не этой, не нашей армии, а какой-то иной — энской, поскольку эта, наша армия, может быть использована не в этих, не в наших целях, а потому окажется по сути вдруг иной армией, не нашей, да мало что иной — энской, а то и попросту чужой, да мало что чужой, не нашей, так ещё и, может статься, и попросту некой антиармией. Каково, а-а?»

Недоумённый ропот в зале.

«Что не нравится, не допускаете сего? А зря? Ладно не ропщите, а лучше вспомните, вроде бы внезапные, но такие иные, — не так лихие, тяжкие и попросту гнусные, как именно *иные* (*акцент на слове*) 1990-е годы, да и зарубите это себе на носу и в головах своих, что *и-н-ы-е* (*говорит врас-тяг*).

Армия тогда какой и чьей была, кому и чему служила, а кому и чему она не послужила? Не анти-ли-армия то была, а-а?

Вопросное волнение в зале

«Короче, сегодня вроде бы одно, а завтра, глядишь, совсем другое, но что интересно, дорогие товарищи, даже сегодня нам кажется что-то одним, а на самом деле-то оно совсем другое, то бишь как раз иное. Да хоть взять тот же «Народный фронт», он что — и в самом деле фронт, да ещё и народный, да и что он фактически, какую роль сыграл, где он? Ясно, что симулякр, фикция, ну и пшик, конечно же, не так ли? Это, безусловно, лёгкий пример лёгкого события, а есть вещи и вести посерьёзнее, позаковырестее, отчего и тут как тут главная смысло-познавательная загвоздочка: мало что увидеть в бытующем *этом* (*акцент на слове*) что-то бытующее *другое* (*акцент на слове*), что вовсе не трудно сделать, куда как труднее заметить присутствие и действие неформулируемого Иного, да ещё и на это как-то реагировать».

Слушатели не выдерживают и «поддевают» провокационного лектора.

— Так что же выходит: и мы тут вместе с вами... э-э... тоже иное?

— А вы как думали, конечно, так и оно есть — *иное*: вроде бы всего лишь лекция, а на самом-то деле вхождение в *иной мир*... э-э... в портал, как сейчас принято говорить, этого самого Иного. И не по моему злому умыслу. Оглянитесь вокруг и увидите, что всё вокруг совсем не такое по внутренней смыслонавтике, чем кажется, всё, — просто настоящее трудно разглядывать и оценивать на этот счёт, проще, конечно, с прошлым, когда можно уловить, что всё, что было когда-то хоть и было, но было на самом-то деле

иным. Так что не я тут виноват, а реальность, принеся с собой в эту аудиторию Иное.

Пауза

«Вот, к примеру, кто такой был Наполеон Бонапарт и что такое случилось в Европе в связи с ним и его деяниями?»

Ироничный голос из зала: «Иной и Иное!»

«Правильно мыслите, товарищ, но зря иронизируете: да, конечно, то был Наполеон Бонапарт и мы знаем достаточно об исторических с ним и его деяниях происшествиях, но кто в девяностые годы XVIII века знал, кем станет Бонапарт, что натворит и что сотворится в Европе в связи с ним, да и как и чем закончится сие незаурядное явление, кто?»

Голос из зала: «Никто!»

«Правильно, никто! И сам Бонапарт, этот худородный малыш с Корсики, ничего подобного не предполагал, хоть и был личностью амбициозной, стремящейся вперёд и ввысь. Да вот как и куда же? Разумеется, наобум и в неизвестность, которая не просто в обнимку с текущей вокруг реальностью, а в значительной мере сама реальность и есть, конечно же, как более всего неосуществлённая реальность, хотя, заметим, и осуществлённая реальность полна неизвестности, мало того, вовсе не нейтральной относительно реальности, а её немало и определяющей — как раз через посредство сидящего в реальности почти что субстанциального Иного».

Пауза

«Обращаю ваше внимание: Иное — это работающая в реальности и с реальностью неизвестность, она же и ирреальность, ну и, если несколько иначе — *трансценденция* (*акцентирует на слове*)!

Иное не просто присутствует в реальности, а и в ней работает, переваривая, обрабатывая и определяя реальность, её характер, течение, итоги, как и любые в ней события-происшествия».

Пауза

«Обратимся вновь к Наполеону Бонапарту, его исключительной судьбе. Да, он, будучи ещё молодым невысокого ранга офицером революционной армии, удачно проявил себя под Тулоном, оказался замеченным. Потом ему было поручено подавить контрреволюционное выступление в Париже, с чем он, артиллерист, блестяще справился. Стал членом Директории (Триумвирата), расправился потом с Директорией и стал единоличным диктатором.

Нетрудно заключить, что Иное, сосредоточившись на Бонапарте, прямо-таки тащило его вперёд и вверх. Именно Иное, которое, скажем так, обеспечивало возникновение личной бонапартовой ситуации, наложившейся на перемены в общей ситуации в пока ещё вроде бы революционной стране, движимые как раз Иным — уже и не слишком по духу и намерениям революционным, скорее наоборот, уже и антиреволюционным».

Пауза

«И вот в это-то перекрестье революционного и антиреволюционного попадает Бонапарт: его личное иное совпадает с общим иным, а в итоге мы получаем не кого-нибудь, а нового императора с Новой Империей, что как раз и означает, что Иное сработало в пользу того и другого: революция со своими «Свободой, Равенством и Братством» уже была Иному не нужна. Реальность под воздействием Иного переходила в другую реальность — постреволюционную, более того — в антиреволюционную, однако не в старую королевскую, а в новую имперскую: Великая Революция родила не великие Свободу, Равенство и Братство, а лишь новую Диктатуру, Неравенство и Соподчинение».

Голос из зала: «А потом Иное свалило и Бонапарта с его империей, так?».

«Именно так: когда-то Иное вызволило революцию, потом обеспечило антиреволюцию, как раз уже в новом облике социума и государственного правления при воспроизведшейся в общем-то дореволюционной сути, затем, отвернувшись от зарвавшегося Бонапарта и его искусственной империи, Иное обеспечило крушение Бонапарта и крах его империи.

Хитро, не правда ли? С Иным, знаете ли, шутки плохи: что хочет, ничего вроде бы не хотя, то и творит!»

Пауза

Позвольте вопрос, профессор: «Выходит, что реальность и в самом деле какая-то инообразная, она не просто меняется, а меняется через Иное, с участием Иного, короче, не так, как того желают участники и даже авторы перемен, а как желает вредно-безвредно-благое Иное?»»

Пауза

«Верно, но не совсем так, как того желает Иное, а как не желают, а иной раз и желают, совпадая с интенциями Иного, исторические акторы и процессы. Всё совершается обычно по-иному и с иными, до того неизвестными, как правило, и с невероятными и внезапно возникающими итогами, когда итог — вовсе не итог совершавшегося, а сам-себе-феномен, само-себе-событие, само-себе-свершение, а ранее свершавшееся, тоже ведь вызванное Иным, всего лишь расчищает дорогу для всего итожного, как раз иного».

Оживление в зале

«Я думаю, мы получили сегодня повод и возможность поразмышлять над (*усмехается*) милым моему сердцу Иным, его значением для движения бытия-истории, ну и, разумеется, для стратегического мышления, как раз характерного для людей вашего занятия и вашего уровня».

Пауза (лектор смотрит на часы)

«Да-а... На сегодня, пожалуй, хватит, теперь надо нам всем надо всем этим и впрямь поразмышлять: иноперемены,

о которых у нас речь, не гегелевское отрицание отрицания, это кое-что покруче — здесь всегда явление не просто чего-то противоположного, а именно *Иного* (*акцентирует на слове*) благодаря действию Иного с большой буквы (*снова акцентирует на слове*)

На сегодня, товарищи, всё, до следующей встречи!»

Аудиторией явно завладевает интерес ко всему услышанному, хотя и не без толики недоумения.

Лекция вторая

«На прошлой лекции я уделил много внимания Бонапарту с его империей и связи их судеб с действием Иного. Характерный пример, хотя таких примеров в общем-то сколько угодно. Главное — ухватить это Иное, осознать факт его наличия и рабочего присутствия в окружающей гуманитарной реальности».

Пауза

«Не сомневаясь в ваших познаниях истории, позволю себе заметить, что далеко не один Бонапарт оказался в творческой связи с Иным, но и, в частности, вся Западная Европа, которую мы и величаем обычно просто Европой. Главное, на что хочу обратить ваше внимание — на теснейший союз Европы и Иного, сделавший Европу как бы Ино-Европой, то бишь упорно шедшей вперёд, ввысь, в неизвестность, теряя, обретая, меняясь, становясь при этом другой Европой, ввалившейся в каино-антихристовый прогресс, ставшей на деле

иной и инообразовавшей весь мир, его прогрессно европеизировав как посредством имперской колонизации, так и экономической, технотронной и культурной экспансии, нередко принимавшейся от Европы и добровольно, во всяком случае — встречно. Достаточно помянуть петровскую Россию».

Пауза

«Коллизии, пертурбации, революции, войны, культурные открытия и научно-технические достижения — всё это европейское благо- и злолепие служило в союзе с Иным великому преображению Европы, всему европейскому *демиургированию*, то бишь *пересотворению мира* (*акцент на словах*). И невозможно представить сии процессы без влияния Иного, ибо в их реализации прослеживается не так программа со стороны самих европейцев, как погружение, вполне и рискованное, затратное и жертвенное, в это самое Иное. Короче: стать иной и всё тут, а вот какой конкретно решалось не так Европой, как Иным, хотя само Иное тоже не имело определённой программы, — и это надо бы хорошенько осознать!»

Пауза

«Иное — сила, даже сильная сила, очень сильная, однако кому-то и чему-то союзная и благоносная, а кому-то и чему-то враждебная и зловредная, это уж где, как и у кого получается.

Заметим, что Иное довело Европу до создания и расцвета *целостного искусственного мира* (*акцентирует на*

словах), ставшего не частью всего лишь зёмного мира, а ему полноценным противовесом. В Европе и на Земле возник-таки *иной мир (акцентирует на словах)*, притом как мир реальный, фактический, нашенский, — и, что особенно интересно, — потребовавший от Европы стать *иной Европой (акцент на словах)* — единой, денационализированной, однообразной, отчего и Бонапарт со своей империей как предтеча, а затем и Гитлер с фашизмом и Третьим Рейхом уже как чуть было не исполнившаяся реальность, да и марксизм с коммунизмом, предусмотрительно переброшенные в крайнем большевистском выражении и исполнении испуганной им Европой за ручку с Иным в Россию, но от влияния Иного насовсем не ушедшие».

Пауза

«Понимаю, что говорю не слишком внятно и доходчиво, но рассчитываю, уважаемые товарищи, на возможность с вашей стороны потребного додумывания: объединённая, то бишь иная Европа, таки возникла, даже возник Европейский Союз, но... (*пауза*)... Иное не перестало работать, поставив Европу с её расширившимся Союзом и бегством из него Великобритании в положение «Быть — не быть!». Ах, это Иное: то ему единую Европу подавай, то, понимаешь ли, не надо ему единой, но тогда какую же Европу ему надо? Или уже и самой Европы не надо? Кто ж это знает, если само Иное не знает: опять какую-то иную, может, и вполне себе уже самопохищенную, то бишь нулевую!»

Заметная пауза

«Россия тоже не обходится без союза с Иным, но не так, как Европа: Россия жаждет иного, но... российского, русского, русского, и никак к этому иному — как раз своему иному — не выйдет, перебирая пока другие — внешние для неё — инообразы, не выходя из потаённых глубин реальности, опускаясь иной раз и до отсидки в Нави, а Навь, знаете ли, оборотка Яви, её, так сказать, бэкграунд.

Революция 1917 г., состоявшая из двух, — опять, как и у Петра I, проевропейских — по виду и замыслу — переворотов, была немало антироссийской, то бишь вполне иной относительно России, однако Сталину пришлось под давлением опять же Иного признать российский фундаментализм (ещё до войны 1941—1945 гг.), что его в итоге и выручило, но... Иное на то и Иное, чтобы не оставлять в покое реальность: сталинский режим хоть и продержался с переменным успехом и непременным угасанием плюс-минус полвека, но не устоял перед Иным и... исчез, правда, старательно к исчезновению подтолкнутый и самим возникшим к тому моменту иночеловеком!».

Пауза

Итак, выходит, что российская революция 1917 г. не привела в итоге к тому, ради чего затевалась, а привела не к чему-нибудь, а к сталинской диктатуре, вполне тогда, надо полагать, и необходимой, что означает, что привела как раз к моему (*усмехается*) иному, а диктатура сия, пусть и ослабленная и несколько очеловеченная с уходом Сталина, надолго не задержалась, превратившись из необходимой

реалии в ненужную ирреалию, что и означает, что страна не пришла к потребному уже ей, а не мне, *иному* (*акцент на слове*), и Иное с большой буквы ей этого и не простило».

Пауза

«Вы видите, товарищи военачальники, что Иное никого и ничего насовсем не отпускает, оно всегда здесь и всегда в работе. Я не буду говорить о войнах, их ведении, удачах и просчётах, поражениях и победах, ибо вы это знаете лучше меня. Войны и Иное неразлучны! Иная стратегия, иная тактика, иное вооружение. Вроде бы понятно, но... как же редко и не просто это всё *иное* (*акцент*) достигается, как и, наоборот, насколько легко мимо чего-то нужного проскакивается.

Моя задача вовсе не в том, чтобы вас чему-то учить, а всего лишь обратить внимание на это загадочное, вполне и сакральное, Иное, на умение с ним взаимодействовать, коли уж о нём знаешь и вполне осознаёшь его непреходящее значение. Сколько всего это Иное выявило, поддержало, но и сколько закрыло, погубило! Оно ведь безмолвно, ничего не говорит, но зато непрерывно действует вполне решительно и вполне исподтишка. Кто дружит с Иным, тот и выигрывает, а кто самоуверенно его не замечает, тот, естественно, проигрывает — не щадя живота своего!»

Голос из зала: «Есть над чем подумать!».

«Да, это так! Не знаю, удалось ли мне донести до вас сию практически не раскрываемую словами мудрость, но я, как видите, старался, надеюсь, не напрасно. Благодарю вас за

внимание и желаю всем вам успехов. Будьте с Иным и... будьте с ним поосторожнее!»

Слушатели окружают лектора: «Как же всё-таки с ним быть, с этим Иным?».

— Рецептов тут нет, помимо того, что знать его и его осознавать, нужно, конечно, быть с ним на одной волне, однако не на одной ноге, Боже упаси!, что даётся глубоким размышлением, искренним переживанием и проникновенным погружением в реальность...

— Которая, — встревает слушатели, — иная и полна Иного!

— Совершенно верно: знания и факты хороши, но это не всё, далеко не всё, есть то, что не соответствует ни знаниям, на фактам, а это и есть самое главное, как раз то, что решает и что на самом деле происходит (*Пауза*) Всё, что мог, я сказал, а теперь, товарищи, сдаюсь!

Голоса: «Спасибо, всё это очень важно, спасибо!»

* * *

Едучи домой в комфортабельном автомобиле, предоставленном ему неафишируемым учреждением, весьма подуставший от проведённого разговора с военспецами, он думал о том, удалось ли ему донести до сих не слишком доверчивых слушателей в общем-то недоносимое, что реальность вокруг не только эта — явленная, но и другая — скрытая, в сути своей как раз иная, что есть оно — Иное, что

удачи и неудачи, победы и поражения напрямую зависят от этого Иного, точнее от того, насколько человек, принимающий решения и управленчески действующий, с ним — этим Иным — считается и находится на конструктивной связи, а Иное это — вовсе и не добренькое, даже, пожалуй, более злое, чем доброе, ибо так устроен сам реально-ирреальный мир, а человек в нём всё-таки только участник, пусть и умный, и амбициозный, и много чего знающий, но, увы, не осведомлённый в главном — в тайне мира, от него надёжно сокрытой.

Тут что-то вроде рулетки, да не простой, не игровой, а той самой — русской... бац!.. и есть Бонапарт... бац!.. и нет его, как бывает и с другими из рискующих обойтись без учёта Иного и не воспринимающих запрятанного в окружающей реальности иномира, от которого всё главное и зависит.

Да-а, пользуются правители услугами ясновидцев, полагаются на их откровения, но какой ясновидец скажет правителю, что бодрая Аннушка уже пролила своё масло аккуратно на его — правителя — пути... э-э... сам, сам правитель должен вникать в Иное — такое при этом разное и так поразному коварное!

Так думал он, пока не задремал в уютном кресле комфортабельной колесницы, неторопливо пробиравшейся по загруженным столичным улицам, а Иное явно при этом покойно отдыхало, как и уснувший на пригоршню минут порядком подуставший от собственной иномудрости странник.

Ах, это Иное!

На следующий день нашего странника неожиданно для него соединили с главковерхом. Тот поблагодарил его, сообщил, что слушатели остались довольны, хотя и немало озабоченными, что сам он в курсе сказанного лектором, что продолжает надо всем этим размышлять. «Да-а, — процедил задумчиво главковерх, — есть она — эта потаённая смыслология реальности, как и есть точка либо подскока к ней, либо от неё отскока, тут уж на что тебя выведет твоё собственное Иное или уж как попросту тебе повезёт. А за науку спасибо!»

Немало удовлетворённый словами главковерха, мудрец задумался над этими «подскоком» и «отскоком», точнее, подсоединением к потаённому смыслопоток или, наоборот, бегством от него, пусть и никак особенно и не осознаваемыми.

Петр I, к примеру, шёл напролом к Иному, его же и игнорируя, за что и поплатился убиением собственного сына и своей ранней загадочной смертью; Екатерина II, эта узурпаторша на троне, ловко заигрывала с Иным, имитируя с ним деловое и чувственное взаимодействие, пусть и не осознанно, но для себя и империи весьма эффективно; Павел I истово бросился в объятия Иного, воюя при этом с ним, и быстро сгинул; Александр I чувствовал и даже в меру понимал Иное, но предпочёл от него ретироваться, чем лишь обозначил уже шедший процесс самоликвидации империи (царства), как бы сей процесс легитимировав; Николай I никак не чувствовал Иного, пытался неосознанно ему противостоять и кончил позорным проигрышем в Крымской войне (и своей преждевременной, чуть ли не самовынужденной, смертью);

Александр II пошёл навстречу Иному, но вполне не дошёл, не предотвратив нараставшей в стране потенции к Революции (был сей нараставшей Революцией и уничтожен); Александр III вступил в затяжную схватку с Иным, но победителем не вышел, хоть и не стал от него пораженцем; а вот полным пораженцем оказался уже сын его — Николай II, ничего не понявший ни в Этом, ни в Ином, ни в Революции, ни в Войне, и Иному начисто проиграв (был, как известно, убит Революцией, увы, вместе с семьёй).

Что было дальше? Иное взорвалось Иным — с падением бытия российского вниз, в реввоенгражданскую бездну; Керенский разумно и вовремя сбежал от взорвавшегося Иного; Ленин неразумно встрял в него и был им — этим Иным — уничтожен. Все остальные ревподельники были уничтожены хитроумным Сталиным, бывшим «из своих же», который, идя будто бы навстречу Иному, его — Иное — переориентировал, став беспрекословным диктатором-созидателем, и в итоге, выиграл, подчинив себе саму реальность, включая и Иное, выйдя из схватки с реальностью, но в союзе с Иным, несомненным победителем (ещё и потешив себя званием генералиссимуса!).

Да, это, пожалуй, единственный из верховных правителей, поднявшихся из низов, оказался создателем новой, причём, *иной* цивилизации — социабельной, трудо-творческой, товарищеской, высококультурной, почти что и соборной, но именно почти, ибо соборность эта, державшаяся на зорком насилии и военной дисциплине, беспрекословной всеобщей ответственности и заведомой покорности, не имела потенциала вольного себя же воспроизводства, отчего подлежала срочному реформированию, что чувствовал даже сам

престарелый её создатель, но достойных сей миссии преемников не оставил, уничтожив заблаговременно возможных, ему лично якобы угрожавших расправой, что позволило Иному затем расправиться со всей сталинской цивилизацией, не побрезговав усилиями услужливых бездарностей, скрытых противников, а со временем и открытых предателей.

Став на сторону Сталина в разорное, убийственно рискованное для страны время и позволив ему совершить невозможное — сохранить, преобразовать, укрепить державу, привести её к победе в Великой войне 1939—1945 гг., доведя державу с её народом до «цветущей сложности», Иное не позволило сохранить достигнутое на более, чем четверть века, ибо правление страной не сподобилось по в общем-то обыденным, вполне унылым и даже пошлым, причинам пойти навстречу Иному, требовавшему не консервации достигнутого Сталиным строя с неглубокой его либерализацией, а вполне себе серьёзных в нём перемен с выходом на иную, пусть и государственническую, пусть и империальную, пусть даже и силовую, но самовоспроизводящуюся сборность, в матрице которой нашлось бы место всему потребному для человека с соблюдением во всём этом потребном экзистенциальной для всего общества и каждого человека меры.

Не ответили тогда на преображенческий зов Иного и получили от Иного вызов — сокрушающий, мало того — хаосный, бездненный, преисподненский, отчего вышло, казалось бы, невозможное, а именно воцарение на пространствах бывшей Российской Империи и бывшего не слишком-то легитимного (Не) Союза, (Не) Советских, (Не) Социалисти-

ческих, (Не) Республик ничего иного, как самого что ни на есть настоящего *Антимира*, да-да — АНТИМИРА!, и не как итога осознанного переделывания одного мира в другой — пусть и в худший, а как итога выворачивания мира вообще с его заходом в Бездну, Преисподнюю, Вселенский Хаос, и обретение противоположного миру вообще Антимира вообще!

Жуткий, но факт!

Выскок тут свершился того самого антимира, правда, уже в ином облике, с которым как раз и пришлось ранее сразиться — не без жестокости, не без перегибов и переборов, товарищу Сталину, буквально выдавливая антимир ради воссоздания человеческого мира, — и ведь выдавил и создал!, пусть и не надолго, но именно человеческий, людской, гражданский мир, когда все (большинство) были вместе и заодно — за труд, творчество, достижения, победы, причём ради всех, ради других, ради общего дела, ради общей полноценной жизни наконец.

Было ведь, было, пусть и не без насилия, не без жестокости, не без перегибов и переборов, но зато и не без поведенческой морали, гуманитарных устоев, общественных и гражданских норм!

Странник наш был сам участником той жизни, живя среди людей — *настоящих людей*, возрастая, формируясь, образуясь, трудясь, общаясь, дружа, поддерживая и получая поддержку, а потому и свидетельствует он, и утверждает, и оценивает, но при этом и судит, что тот мир — полноценный, что этот — суррогатный, так легко обернувшийся полномерным антимиром, хоть и понимает, что судить ему ныне в общем-то некого — этих нелюдей из адептов антимира, что ли?!

И ежели что занимает его сегодня, так это лишь ответ на один безответный вопрос: почему же Иное пошло на этот ужасный выворот, не ради же отместки за принудительный, оплаченный страдой, страданием и кровью выплеск мира полноценного, почти что и фантастического, не какого-то там провокационного коммунизма, а реально человеческого мира, вовсе не идеального, да почему же и не идеального, ежели другого *такого* никогда не было ранее и никогда уже не будет?!

Почему, почему, почему?

Почему же навстречу скверной, низкой, подлой природе человека и в пользу скверного, подлого, лицедейного антимира?!

Было о чём глубоко и тяжко задуматься страннику, как раз и ставшему из-за всего происшедшего никем иным, как мудрецом-отшельником, навсегда ментально покинувшим учёное поприще с его научно-де-обоснованными враками о человеке, бытии, истории, да и о самом мироздании тоже.

А церковь-то ныне всюю процветает, не только не гнушаясь антимиром с его античеловечеством, а и став яркой позолоченной частью этого замечательно блистающего довольством, лоском и пустотой антимира.

И ежели кто-то ещё думает, что антимир это не более чем часть, ещё и не слишком влиятельная часть, нынешнего человеческого мира, включая и российский, то он глубоко ошибается: переворот свершился и никакого собственно человеческого мира уже нет, а есть лишь *античеловеческий антимир*, зачем-то Иному потребовавшийся — уж не ради ли последнего, вполне уже какофонического, постэкзистенциального аккорда?!

Если самоуничтожение человечества неизбежно, тогда всё понятно: Иное — аки Суд Страшный, аки Кара Небесная, аки последний предсмертный выдох!

Что же касается послевоенного в четверть века длиною советско-российского бытия, как раз в главном вполне себе человеческого, то это было что-то вроде последней яркой вспышки отгорающей экзистенциальной свечи — что-о, разве не так?

ИНОЕ КАК ИНОЕ И КАК НЕИНОЕ

Оцепенение

Мир человеческий, включая, увы, и Россию, несмотря на его интенсивнейшую физическую движуху по всему охвату земного шарика, мало что, несмотря даже на происходящие глобальные, весьма и трескучие, и громкие, и даже визгливые перемены — в *оцепенении*!, да не в простом каком-то там оцепенении, — чего в бытии не бывает! — а в *великом оцепенении*, то бишь не просто в оцепенении, а прямо-таки в... **ОЦЕПЕНЕНИИ**!, — как раз в том самом, вовсе и не только ковидном или в том же эколого-климатическом, даже не в предвойновском, а как раз том самом, что случается на самом краю, перед пропастью, под завораживающим взглядом бездны — **БЕЗДНЫ**!

Что, разве не так? Преувеличение, искажение, пустой алармизм? Ложь? Это в эпоху-то «постправды»?

Мир замер *от самого себя* и *перед самим собою*, да так замер, что вкруговую оцепенел, да ладно бы умом с разумом, а то ведь и безумием своим со своим же бессознанием тоже.

Во-первых, что вообще с миром происходит, во-вторых, что с миром будет завтра, в-третьих, пардон, а что будет... э-э... послезавтра, кроме, конечно, *пост-мира*, с его *пост-человеком*, а то и, глядишь, по полной — ни мира, ни человека?!

То бишь, *ничего* не будет, как раз не в плане того, что ничего особенного не случится, а в разрезе как раз... НИ-ЧТО, — почему нет? Кто из нынешних полуобразованных, мало что знающих и хайтехположных докажет, что *такого* — ТАКОГО! — быть вообще не может?

Было когда-то *начало*, почему же не случиться *концу* — КОНЦУ!

Оглянись вокруг, читатель, всмотришься в себя, в других, и что? — что в мире сейчас сильнее всего: *что* как раз к КОНЦУ, *что* от КОНЦА или *что* через КОНЕЦ к новому-де НАЧАЛУ? А отвечая на сей вопрос, обойдись без эмоций, без ссылок на веру, как и вообще без веры в веру, а так... как осознаненный космогенный субъект. Что-о, слабó?!

Оцепенение, а уж тем более ОЦЕПЕНЕНИЕ, ведь никого не спрашивает, приходит ему в мир или не приходит, вселяться в человека или не вселяться, обуять Землю или не обуять, оно, — это самое ОНО, — само приходит, само вселяется, само обуяет, разумеется, не без обаятельного панибратства с отчаянием — ОТЧАЯНИЕМ, но это уж как кому видится и как у кого получается!

Мир вступает не в очередную, пусть и болезненную, *трансформацию* (смену образа), а уж извините, господа-

товарищи, в небывалую на памяти людской *трансгрессию*, то бишь замену себя чем-то другим, не исключая и воцарение пустоты — ПУСТОТЫ!

Что ж, увидится!

И скоро, надо заметить, увидится!

Антимир

Нет, *антимир* — это не зло как таковое, не беспорядье, не хаос как таковой, не война, даже не смерть как таковая со своим загробным миром, а вполне себе земный, «всечеловеческий», очень даже живенький мир, который прямо здесь, на Земле, частично, правда, и в космосе, мало того, мир сытый, пресыщенный, довольственный, избыточный, растратный, к тому же ещё и блистательный, весёленький, чуть ли не радостный, в общем — наш нынешний мир, рождённый передовым (западным) человечеством, воспринятый, пусть и не без ворчания, коррекций и даже сопротивления, всем просвещённым, — как раз им — антимиром — и просвещённым, — человечеством.

Да, это мир Постмодерна — игровой (мир-игра, местами и моментами игра весьма и злая, беспощадная, смертоносная); имитационный (мир-симулякр, отчего и содержательно вполне себе пустой); виртуализированный (мир-облако, как бы и невесомый, лёгкий, летучий); насквозь искусственный (мир-эрзац, мир-поделка, но при это и мир-поделка, аккурат под Царствие Божие на Земле!, отчего и мир-ложь, она же и Великая Лжа!); хоть вроде бы и живой, но так живой, что вместо жизни в нём не жизнь как таковая, а самая настоящая... *нежизнь*, пусть для индивидов и долголетняя,

однако безвременная и беспространственная, как бы коконная, но с прозрачными, невидимыми и никак не касаемыми человеческими руками коконными стенками, как бы и бескоконная; и коли мир сей насквозь искусственный, то он уже и сплошь неприродный, ещё и сверхприродный, мало того — антиприродный, что-то вроде мира-подвески, аккуратно висит над бездной, отчего и мир бездуховный, десакрализированный, тощий, как раз пустой, этакий мир-ПРИЗРАК!

Антимир не просто сосуществует (весьма и паразитарно!) с собственно миром — МИРОМ!, он его — МИР — уничтожает, с жадностью попирая и настойчиво замещая, роя при этом бездно-хаосную яму не только ему — МИРУ, но и себе тоже: вот почему он — этот самый антимир — не просто новый мир, а именно вполне себе целостный *анти*-мир — АНТИ-мир!

Антимир всюду и во всём, главным образом в человеке, социуме, культуре, образовании, вообще в человеческой, — если уже не *пост*-человеческой, — экзистенции, ну и, разумеется, в делах человеческих и в их — этих дел — небывалых по объёму мусора и токсичности итогах.

Обыскусствывая мир, бытие, жизнь, экзистенцию, среду обитания, человек-демиург, стремясь к удовлетворению своих как необходимых, так и всё более искусственно раздуваемых потребностей, создал (породил), пересотворяя данный ему мир в мир, им взятый, не что-нибудь, а своего мирового могильщика — АНТИМИР, самым что ни на есть лучшим символом которого стал досточтимый «Чёрный квадрат» Малевича, хоть, быть может, ещё не ставший памятным знаком на могиле человеческого мира, который пока ещё есть и пока ещё сопротивляется смерти от антимира,

кажется, уже и не без всё более заметных предсмертных судорог, но зато ставший — этот милый знатокам антиискусства «Квадрат» — миру человеческому характеристической и вряд ли уже смываемой аки тюремная наколка, апокалиптической печатью.

Генштаб

Ожиданно-неожиданно странник наш, он же софийный мудрец, получил приглашение вновь посетить высокое закрытое учреждение, чтобы встретиться с запомнившими его лекции военачальниками, восхотевшими с ним кое о чём обмолвиться, как оказалось, за круглым столом и за чашкой душистого чая.

«Мы вот всё думаем о вашем Ином, не можем с вами не согласиться, — заговорил один из генералов, видимо, из инициаторов встречи с лектором, однако хотелось бы кое-что прояснить на каких-либо близких нам, нашей стране, нашей жизни примерах, вроде той же революции 1917 г. или же войны 1939—1945 гг., ну и, если возможно, на примере крутых перемен 1980—1990-х гг., как и текущей событийности тоже».

Нелёгкая пауза

«Обо всём этом мы, конечно, не сможем зараз поговорить, хотя и есть о чём, — задумчиво произнёс учёный — а вот о кое-чём общем для названных и им подобных происшествиях, заметьте — *происшествиях*, что важно иметь в виду, поговорить попробуем».

Задумчивая пауза

«Почему же именно происшествиях? А потому что все или многие, или даже некоторые, знали, предвидели, предчувствовали, что все эти события непременно или с той или иной вероятностью произойдут, но вот как (*акцент на слове*), произойдут да и с какими *итогами* (*акцент на словах*), кто ж это знал, предвидел, прозревал?

Э-э... отвечаю: *никто* (*акцент*)! В главном ведь *это...* э-э... *сами-себе-события* (*акцент на словах*), некие известные неизвестности, а потому и *происшествия* (*акцент на слове*), причём которые, обращаю ваше внимание, *не могли не произойти*, причём именно *так и с такими последствиями* (*акцент на словах*), как реально и с какими реальными последствиями они произошли, хотя их и ожидали, и к ним готовились, и даже их делали».

Краткая чайная пауза

Голос: «Иное?».

«Да, Иное, его работа, и заметьте, где тут планы, а где тут реальность? Ясно, что тут некие процессы, какая-то стихия, вполне заметная неопределённость, досадная неизвестность и т.д., в общем — бытие, жизнь, «ход вещей» и т.п. но, — обращаю ваше внимание. — *само-происшествия* (*акцент на «само»*), которые проходят вовсе не как революции, войны, перестройки, реформы, трансформации и т.п. нарочито обозначенные события, а как само бытие, сама жизнь, сам «ход вещей», ну и сама смерть, и всем этим событиям наплевать на то, как их называют люди, ибо они, повторяю,

сами-себе-события (акцент на словах). Чуете? Выходят из Ничто и в Ничто же уходят, изменив течение бытия, жизни, «хода вещей», той же смерти. Им всё равно, был ли тот же царизм во главе с Николаем II, был ли Ленин с Троцким, были ли Черчилль, Гитлер, Сталин, как и те же Горбачёв с Ельциным, как и были ли Российская Империя, Третий Рейх или тот же СССР: надо было, всё и свершалось, хоть и не без участия всех этих исторических персон и территорий».

Голос: «Тогда что же получается, все эти персоны и территории ни при чём?».

«Вполне себе причём, однако с учётом творящего Иного, учитывающего многое, причём как раз и решающее, что по обыкновению не слишком известно и не особенно осознаваемо ни персонами, ни территориями: всё это ведь где-то в глуби, в выси, в далях готовится, ещё и очень загодя, мало того, скрытно, потаённо, ещё и извилисто, прерывисто, не прямо вовсе, а потом вдруг и является из Нави в Явь, да как-то очень *по-своему (акцент на слове)*».

Затяжная пауза

«Эх, как вам всё это объяснить, шевелите своими умными мозгами, товарищи военспецы, всё явленное ведь и в самом деле выходит из Ничто и туда же уходит, что не значит, что из пустоты выходит и в пустоту уходит, нет, из Иного выходит всё нашенское, туда же оно уходит, однако через посредство всё того же Иного, — вот какая тут противная заморочка!»

Глухая пауза

Голос: «Получается, что всё решает не человек, а что-то другое, так? Не исторический ли тут попросту фатализм?»

Тревожная пауза

«Фатализм тут несомненно есть. — задумчиво произнёс лектор, — но это не значит, что человек всего этого фатального никак не определяет и не движет им. Определяет и движет, да ещё как, либо делая что-то, либо, наоборот, чего-то не делая. Те же разломно-взрывные события 1917 г. и последующих лет — дело голов и рук человеческих, но в сути своей — деяния Иного, самой реальности, своими причинными корнями уходящими глубоко в историю, хотя бы в петровские-послепетровские времена: в XX в. разразилась на всё теми временами порождённая гневная реакция — как неизбежный ответ, — пусть идейно-практически в чём-то и странный, даже и несуразный, — причём не на что-нибудь, а на силовое унижение тогдашней российской реальности, её закрепощение».

Явное недоумение в зале

«Да-да, именно так: *закон бумеранга* (*акцент на словах*), скажу я вам, всегда в деле, вопрос лишь в сроках, направлении и сути ответа. Насилие, обман и унижение никогда, нигде, никому и ничему не прощается: тут ведь, знаете ли, “кровь за кровь!”, не более и не менее! (*Пауза*) Да, то, что мы называем российской революцией, загодя готовилось, за неё и против неё боролись, шли на смерть, её —

революцию — по-разному понимая, но почему же готовилось, почему же боролись, почему же умирали, как и зачем насильничали с обеих сторон — революционной и контрреволюционной?.. — а-а... догадываетесь... так, так... бытие, конечно допускает насилие, обман и унижение одних другими, а вот история, увы, ничего никому и ничему не прощает, — и уже неважно, как, когда, с участием каких персон, идей, лозунгов, тех же территорий, что, конечно, не значит, что история находит-таки полное удовлетворение от бумеранговой мести за прошлое, более того, она его — это удовлетворение, хоть сначала вроде бы и находит, а потом... э-эх... рано или поздно откуда-то нахлынивает новое неудовлетворение, кончающее с достигнутым было удовлетворением».

Нестерпимая пауза

Голос: «Замкнутая на себя историческая круговерть!»

Глоток остывшего чая

«А всё почему: таков он — человек, таково оно — бытие, такова она — заикленная на себя история, — и с этим приходится считаться, хотя и тут всё неоднозначно, но об этом либо как-нибудь потом, либо уж никогда. На сегодня, думаю, товарищи, хватит, а-а?»

Генерал: «Да, на сегодня, пожалуй, хватит, но думаю, что это не последняя с вами встреча, надо бы поговорить о ближней истории, текущей прямо сейчас»

«Даст Бог, и поговорим, а пока всего наилучшего, товарищи дорогие, благодарю вас за внимание!»

Обречённость

Нет, не на смерть, — хоть преждевременную, хоть запоздалую, — обречён человек, а на жизнь, которая то ли жизнь, то ли не жизнь вовсе, а так — некая нежизнь, что уж кому как кажется и кому как оказывается, однако явившись на свет, человек, снабжённый зачем-то сознанием, — нет, не разумом, которого и у животных хватает, а именно сознанием (от знания, а не от ума), чего как раз у животных нет: слова нет, языка, смыслов, так вот он — человек — таки живёт, как и, само собой, неживёт, разумеется, по-разному, да не в соответствии лишь с самим собою и текущими вокруг обстоятельствами, а и с застаиваемыми им или же им достигаемыми фундаментальными, бессрочными и не слишком при этом человеколюбивыми императивами: кто-то наверху, хорошо ежели что-то нужное людям созидающий или чем-то толково управляющий, а то ведь и попросту паразитарно живущий — прямо от рождения, а кто-то, увы, внизу, не живущий вовсе, но зато много и тяжело трудящийся, да ладно бы только ради себя и своих близких, а то ведь по преимуществу ради цветущего пребывания на свете этих самых верхних, а кому-то удаётся бытоваться как бы посередине, не без обслуживания своим трудом верхних, но и не без поддержки и окормления нижних, не говоря уж об участии в угнетении нижних ради верхних и себя тоже, а ещё и, если есть способности и есть «везуха», заниматься творчеством — словесным, художественным, сценическим, музыкальным, mass-media, киношным, даже и спортивным, ну и, само собой, научным, размыслительным, а кое-кому суждено быть, стать, очутиться разного рода маргиналами, среди которых

не только нищие бедолаги, бомжи и бродяги, как и те же ума-лишённые, но и редкостные дураки и редкие мудрецы, не обязательно при этом заброшенные, бездомные и нищие, а кому-то доводится быть стражами, полицейскими, тюремщиками, палачами, ну и воинами, а ещё и священниками, монахами, шаманами, гадалками, экстрасенсами, ведунами, ну и мошенниками тоже.

Да, живут-неживут люди, эксплуатируя себе подобных, насилуя, защищая, убивая, спасая, гнобя, выручая, грабя, борясь, совершая подлости и подвиги, жертвуя собой и другими, подличая, благородствуя, прячась, предавая, в общем — реализуя тот или иной экзистенциальный (для кого-то и невыносимый) проект — свой, чужой, внятный, туманный, необъяснимый, трансцендентный.

С интересом бытуют и без оного, разумно и бестолково, сознательно и наоборот, вкрадчиво и неистово, держа себя, удерживая других, творя зло и сотворяя добро, при этом что-то говоря, говоря, говоря, но и безмолвствуя тоже, веря и не веруя, плюя на всё, на что-то умиляясь, немало отчего-то беснуясь, в общем — дырчато бытуют, неровно, переливчато, хаосно, а то вдруг и стройно — по-всякому!

Обречёнными на жизнь, нежизнь и смерть людишки бытуют, но не только — на Неизвестность и на Иное тоже, надеясь на ум, знание, силу, ловкость, хитрость, даже и на безумие, но и испытывая беспокойство, робость, страх, бессилие, а главное, от всего великое недоумение — НЕДОУМЕНИЕ!, за которым чёрной тенью таится не что-нибудь, а... — ОБРЕЧЁННОСТЬ! — быть, небыть, не быть!

Что ж — *Великая экзистенциальная мистерия!* Непрерывная, безысходная, произвольная игра, игра без правил и втёмную, — что для человека, что и для них — уже и за-

человеческих мистериалов, когда у игры лишь один приз — смерть, аннигиляция, исчезновение!

Жизнь-нежизнь, как и ту же смерть, можно показывать и показывать, что и проделали с давних времён сказания, мифы, сказки, рассказы, религии, искусства, философии, литература, так же и гуманитарная наука, как и самая обыкновенная бытовая болтовня, а экзистенциальный воз всё там же — в болоте НЕЗНАНИЯ, в распутице НЕДОУМЕНИЯ и, соответственно, в когтистых и при этом липких лапах ОБРЕЧЁННОСТИ!

Да, человек знает, что есть вроде бы она — ВЕЛИКАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ, что будто бы есть и действует втихомолку и незаметно у него под носом ИНОЕ, а вот что есть по сути это самое Великое Неизвестное, как и что есть в реальности это самое Иное, да и есть ли в общем-то они — как реалии, пусть и ирреальные, человек, разумеется, не знает, а потому и обречён на игру со всем этим вслепую, ну пусть почти вслепую, как раз с тем самым «почти», которое и позволяет играть — как раз вслепую!

И коль скоро мы тут толкуем без удержу об «Ином», то нас интересует прежде всего игра, она же дружба и война, человека с этим «Иным», мало что неотступным, вёртким и многоликим, так ведь ещё и взаправду *иным*, то бишь *никаким*, — поди-ка разгадай его, ещё и вслепую!, отчего и взаимное между человеком и Иным *обречение*, оно же и ОБРЕЧЕНИЕ, которое куда как похлеще какого-нибудь *обручения*, пусть и по любви, и по дружбе, и по общности сердец, ибо Иное на то и иное, чтобы быть, играя, а играя, не быть, при этом всегда... слышите, всегда!.. выигрывая, разве лишь иной раз уступая человеку, как то случилось вдруг со

Сталиным и сталинизмом, тоже ведь, как всё более становится очевидным... *иными!*

Запись в дневнике

Обречённость, обречение — от «речь», «речение», то бишь высказывание, которое связывает с чем-то и не позволяет отвязаться.

А вот *отречённость, отречение*, которое наоборот: высказывание на отрыв, разрыв, отпад, и от которого тоже не уйти, не жертвуясь.

Первое — пусть и недоумённая, и тяжкая, и невыносимая, подминающая связь, однако могущая при случае и выручить, и приподнять, и вознести.

Второе — может, попервах и облегчение, но зато потом... э-э... что говорить, и так ясно — ничего хорошего!

Вяжись с Иным, от него не отрекайся, глядишь, и пособит, хоть и воздаст сторицей, а за что, когда и как... так тут же Неизвестность!

Обращение

Главковоерху от NN
Доверительно

Глубокоуважаемый ZZ,

Обдумывая возможное содержание новой встречи во вверенном Вам учреждении с группой военспецов, я начал набрасывать кое-какой предваряющий эту встречу текст, из чего вышло что-то вроде вольного реферата, могущего, как мне показалось, представлять для Вас интерес. Передаю его

Вам, надеясь, что у Вас найдётся возможность с ним со вниманием ознакомиться.

Искренне Ваш NN

P.S. Не сочтите за бестактность, ZZ, но Сталин такого рода материалы внимательно читал, правда, с неоднозначными последствиями для их сочинителей, всякое тогда бывало.

Текст I

Сталин как Иное, а Иное как Сталин

Сталин как экзистенциальный феномен — тайна!, однако не за семью печатями, точнее, за печатями, как раз семью, хоть и не срываемыми насовсем, но всё-таки поддающимися поддеваемому их лезвию экспертного ножа, ежели нож сей протискивается под печати со стороны, от имени и по повелению не чего-нибудь из известного, а... *Иного*, отчего и возникает возможность заглянуть в самую тайну загадочной тайны, да и подразобраться что к чему в обозреваемом и вскрываемом нами феномене.

За *печатью первой* просматривается не человек вовсе по имени Иосиф Джугашвили, а в человеческом образе спиритуально-идеальный феномен-субъект — как раз *Сталин*, пусть и Иосиф Сталин, но... СТАЛИН!... э-э... что-то вроде устойчивого ноосферного сгущения, шаровой молнии, эгрегора или сингуляра, то бишь чего-то явно *иноидеального*: в самом деле Сталин — *иное идеальное*, а лучше даже сказать

попросту — ИНОЕ!, что как раз и позволило Сталину не только оказаться над процессом, но и вести этот процесс, который, конечно же, процесс самой реальности, да мало что вести — овладеть им и вывести туда, куда Сталин, хоть и сокровенно предполагал вывести, но реально вывел туда, куда он сам, этот процесс, не без усилий Сталина, в него демиургически погружённым, и вывелся. *Иное субъективное* сочеталось здесь с *иным объективным*, а в итоге — для того и другого — иная реальность.

Тут нам необходимо проникнуть за *вторую печать*, чтобы уяснить, был ли Сталин *посвящённым*, то бишь знали ли он то, что не знали другие? Поскольку здесь доминирует тайна, то ответим так: *не мог не быть!*

Он был лишь в малую меру марксистом, как раз в ту самую, что позволяла ему более идейно-пропагандистски и социально-практически прикрываться марксизмом, чем ему аккуратно и до конца следовать, а ежели ему и как-то следовать, то уже как *иному* — *своему!* — марксизму.

А чему же следовал более всего Сталин, какой проективной идеологии? Сказать, что никакой, мол, был всего лишь прагматиком — ничего не сказать, да и напраслину на вождя возводить, ибо был он очень даже идейным товарищем, только вот каким, если не ... *иным!*

Тут в самый раз приподнять *третью печать*, так сказать, органически ментальную, ноосферную, сингулярную. Доподлинно неизвестно, во что идеальное был посвящён товарищ Сталин, во что верил, а во что не верил, но каким-то образом осознавал, что ни одно в реалиях не получится, ни другое, ни даже третье, а будет в итоге... *иное*, как раз то, во

что верить не обязательно, даже вредно, но чего нельзя упустить и чему непременно надо последовать.

Как ни крути, но Сталин — революционер-марксист-большевик — принял на себя страну, завладев в ней властью, если и не совсем с нуля, но явно у порога, на краю, в шаге от бездны, а потому, убедившись в идейно-практической пустоте марксистско-ленинской утопии, обратился, посвящая себя *инознанию*... не поверите, господа-товарищи! .. к русской *софийной философии*, в центре которой располагалось не что иное как *философия хозяйства*, к той самой философии и той самой философии хозяйства, отправленных марксистами-большевиками в арестантское (спецхрановское) забвение с изгнанием их творцов из страны, а то и с отправлением некоторым из них не в книжный, а в людской спецхран, а то и напрямик на тот свет.

Читал, знал, руководствовался! С Библией ознакомился в семинарии, а с русским ведичеством в ссылке — так или иначе был приближен ментально к *софийной метафизике*, к *иному воззрению* на мир, на человека, на человечество как целое, а вот жизнь как таковую со всеми её прелестями осваивал практически, на деле и в делах познавая человека, социальность, ту же государственность, не говоря о мировом ревдвижении, революциях и революционерах. Да, знал марксизм, но знал и критику марксизма, как и критику того же социализма-коммунизма, многое что знал, очень многое, но не только одно лишь знание он знал, но и практику весьма знал, отчего и не прошёл ни мимо реальной человеческой реальности, ни мимо реальности реального глубокомыслия. Да, каких-то иллюзий он не избежал, но зато избежал *роковых*

иллюзий: что идейных, что практических, что вообще экзистенциальных.

Протиснувшись под *четвёртую печать*, мы обнаруживаем не что иное, как *свой* — *сталинский*! — устроительный для страны и мира проект, как и *свой*, опять же *сталинский*!, способ его — этого проекта — реализации, разумеется, то и другое создавалось без излишних сантиментов вроде всеобщей любви или непротивления злу насиліем, совсем наоборот — насиліе, насиліе и ещё раз насиліе, а уж потом, возможно, и любовь с непротивлением!

За *пятой печатью* стоит она — *диктатура*, точнее — ДИКТАТУРА!, как раз та самая, вполне уже оправданная тогда имперіальной, хоть вроде бы и либеральной, Европой, к ней — диктатуре — всю уже устремившейся, как и немало оправданная той же российской историей, для Иосифа Джугашвили совсем и недавней — хотя бы столыпинской и большевистской.

Сталин тут ничего не выдумал, он лишь осуществил *свою* — *сталинскую* — диктатуру, однако сочетавшуюся с диктатурой марксистской-де партии — ВКП (б), а заодно и силовых (карательных) структур, да и всего госаппарата, мало того, сочетавшуюся с диктатурой социалистической (коммунистической) *идеи-идеологии*, разумеется, в сталинском, а не марксовом или ленинском, исполнении, существенно подправленной... э-э... во что трудно поверить... культурным кодом и духовным достоянием Руси-России в приемлемых, разумеется, мере и интерпретации для Сталина и сталинизма.

Но самое интересное было в том, что то была... э-э... *соборная диктатура с соборным обустройством социума*, с

управляющим почти что всем и вся *соборным центром*, со строгой управленческой *иерархией* и армейско-церковного образца *дисциплиной* низших звеньев иерархии по отношению к высшим, но... и это самое главное... *гражданским единением общества в целом*, разумеется, не без беспощадного насилия, но ведь и не без общего на такое единение *согласия*.

Центр с беспрекословным вождем во главе, сингулярно взявшим на себя (на свою душу!) не один лишь разносторонний диктат, но и великое беспощадье; управленческая (не словесная и не собственническая) иерархия, служенческая дисциплина и всеобщая гражданская ответственность; всеобъемлющий партократизм ВКП(б) как «Орден меченосцев» и практически тотальный этатизм, а никакие не советизм, социализм и «демократический централизм»; принудительная, но принимаемая гражданами, светская соборность, когда все вместе и заодно, все для всех и каждый, нет, не за себя... а всего лишь самостен, пусть и с немалыми исключениями, как людская единица.

Невероятно, странно, даже и казусно, но... факт!

За *шестой печатью* открывается приобщенный к диктатуре и приспособленный к директивному управлению хозяйственной жизнью *экономизм* с его деньгами, ценами, капиталовложениями, зарплатами, даже купле-продажами, кредитами, бюджетами, финансами, но без крупных и даже средних частных собственников, частных капиталов и частных доходов. Этаким подавленный, но работающий экономизм, когда *хозяйство* первое и ценнее *экономики*, когда *не хозяйство для экономики, а экономика для хозяйства*. Отсюда *плановое хозяйство* и, как ни странно это звучит,

плановая экономика — великие изобретения постреволюционной России (с плана ГОЭРЛО 1920-х гг.) и не менее великие достижения антиреволюционного сталинизма.

И как тут не вспомнить о пристрастии русской хозяйственной мысли и практики именно к «*хозяйству*», а не к «*экономике*», как это было у древних финикийцев и случилось у тогдашних евроамериканцев, этих в общем-то неофиникийцев (а вот у А.Фета так и вообще к «*лирическому хозяйству*»!), да и как не пройти мимо изученной Сталиным русской философии хозяйства, отдававшей предпочтение хозяйству в пику экономике, хотя этой последней и не отрицавшей (как особой организации хозяйства).

Ну и, наконец, ***седьмая печать***, за которой обнаруживается приоритет, вроде бы и марксистский, *труда, творчества, вообще деятельности*, но при этом и *служения*, а потому и *образования, профессионализма, знания, умения*, однако в соответствии, пусть и скорректированным, с раскинувшейся по миру евродемиургии с её *наукой, техникой, индустриализацией*, в общем — с её *научно-техно-производительным прогрессом*.

Тут уж Сталин выступил как ***всеобъемлющий хозяйствующий субъект***, конечно же, вместе с ВКП(б), государством, НКВД, Госпланом, со всеми гражданами, полугражданами (крестьянами-колхозниками, фактически госкрепостными) и негражданами (зеками, шарашниками, ссыльными, фактически рабами) страны, — в общем, с *трудящимися* (от разностатейных работников до первостатейных творцов — не рабов, быть может, но и не вполне свободных творческих землян).

И самое поразительное, что этот *иной* (физически ущербный, морально изувеченный, грубый и беспощадный, закрытый, лицедейный и хитроумный человек, родом из Грузии, из г. Гори, из самых низов, в юности неплохой поэт, в молодости революционный боевик-экспроприатор, а в зрелые годы один из большевистских вождей, видный деятель Революции и Гражданской войны, а затем и большевистского правления, однако начитанный, знающий, посвящённый) совершил-таки невозможное — обеспечил создание *новой цивилизации*, как раз *иной*, причём *своей* — *сталинской*, о-о как!, вобравшей в себя, надо особо заметить, всё возможное для сего вдруг возникавшего грандиозного проекта историческое наследие страны, включая имперскость (как третьеримскую, так и петровскую), государственность (как систему организации, управления, контроля, насилия в рамках общественной целостности), самодержавность (пусть теперь как вождизм), классическую (XIXв.) русскую культуру (пусть и с исключениями), византо-ордынский дух, соборность (пусть и непреднамеренную), наконец, пусть и вынужденную нетленную русскость, а лучше сказать, русскую народность (как народа, традиций и духа), даже при нелюбви к этой самой русскости, русскому народу, русскому миру, однако цивилизации, так сказать, современной, модерновой (эпохи Модерна), просвещенческой, научно-технической, индустриальной, прогрессной. Чего не вошло в цивилизацию, так это нарочитой сословности, как и сословной иерархии с делением на лучших и худших, господ, прислужников и рабов, богатых, зажиточных и бедных, высших и низших, владетелей и обездоленных, эксплуататоров и эксплуатируемых, в общем цивилизация без наследственной монархии,

без феодалов и капиталистов, а заодно и без ясно выраженных разноразрядных холуёв.

Ставка на труд и трудящихся, на народность (не на демократию, не народ как таковой, а именно на народность), как и на творческих людей вкупе с рвущейся к высокому профессионализму молодёжью, причём ставка не простая, а в обмен на гарантии материального достатка, жилья, безопасности, бесплатного образования, бесплатного здравоохранения, широкого доступа к культуре, спорту, досугу.

Так или иначе, с издержками, лишениями и жертвами, но удалось не только создать новую цивилизацию, пробежав за десятилетие вековой срок отставания от развитых стран противного (западного) мира, причём не без его, пусть и дорогостоящего, практического участия (!), но и, тоже не без поддержки части противного мира, одержать победу в Великой войне 1939-1945 гг., вновь, как прежде, взяв Берлин и оккупировав пол-Европы, за пять лет восстановить и преумножить порушенное войной, а с учётом всего достигнутого (тоже ведь не без побед!) совершенно легитимировать сталинскую цивилизацию, а заодно и большевизм с его не отвергнутым, а ловко использованным Сталиным, марксизмом-ленинизмом (точнее же, сталинизмом).

Ладно, цивилизация цивилизацией, пусть и *новая* и даже *иная*, но были ведь ещё и *люди* этой цивилизации, её принявшие, ей служившие, ею попросту жившие, причём массы людей, большие массы — миллионы, десятки миллионов, да мало что люди, а... ЛЮДИ!, эти самые сталинцы (не сталинисты вовсе по преимуществу), в основе бескорыстные, неалчные, вполне себе альтруистичные, жившие и трудившиеся для общего блага, может, и не любившие друг друга,

как того хочет религия (хотя почему и не любившие?!), но уж явно признававшие друг друга как членов единой и очень, надо особо заметить, очень большой (многонациональной, многоконфессиональной, светской и религиозной, многопрофессиональной, плюролокализованной, в общем — разнообразной) общности.

Сталин, сталинская цивилизация, сталинцы!

Факт, да ещё какой: ни прежде ничего подобного не было, нет уже сейчас, никогда, пожалуй, уже и не будет!

Феномены!

Всесильный, жестокий и беспощадный сингуляр Сталин; насильственно выпестованная им со товарищи новая цивилизация; несущие в себе и на себе сию своеобразную цивилизацию вполне себе исторически привлекательные — трудовые, пристойные, благодетельные — люди.

Сталин со своим сталинизмом (как идеей, как действием и как социальной системой) то ли просто использовал оказавшихся под его твёрдой дланью людей как людей — тёпленькими, то ли всего лишь на них — уже на готовеньких — опёрся, то ли всё-таки заставил быть людьми как людьми, не позволив культивировать среди них нелюдство, то ли, знаете ли, их — этих самых сталинцев — взял, да и... вывел?!

Что хочешь, то и думай! Скорее всего тут всё как-то, хоть и не совсем само собой, совпало: сталинская сингулярная интенция и сидевшая в людях потенция к людскому, вполне себе и трудовому, общежитию: *иное* совпало с *иным* и... мощный синергический эффект, выразившийся не просто в небывалом происшедшем, а и попросту в... невозможном:

роды сего эффекта, правда, были, как это и принято в Мироздании, весьма мучительными!

Вот и выходит, что Сталин — *иное*, а *Иное* оказалось не против своего воплощения в этом *ином*, однако вместе и при участии самого главного *иного* — ***иного* *люда***, вполне самозабвенно вдруг возникшего и себя *по-иному* проявившего.

Искрящиеся тут, знаете ли, и вполне трансцендентные контакты: одно *иное*, другое, третье, а в итоге торжество, пусть и кратковременное, пусть и первое в цивилизованном бытии и в нём же и последнее, ***соборного общезжития***, причём на вполне себе светской экзистенциальной основе!

Интересно, не правда ли?!

И дело тут в том, что за Сталиным и сталинизмом стояло, как это ни странно звучит, ***достоинство*** — личное, общественное, коллективное, державное, имперское, разумеется, не как даруемое сверху, а как овладеваемое снизу — трудом, служением, творчеством, самоотвержением, жертвенностью, в общем — экзистенциальным порывом к *иному*, а именно к *полноценной жизни на началах общечеловеческой совместности*: родовой, семейной, соседской, коллективной, секториальной, областнической, этнической, страновой, государственной, гражданской, цивилизационной, культурной.

Рванулись и... *получилось!*, хоть и совсем по историческим меркам не надолго, но получилось, явившись вроде яркой — первой и последней — космической вспышки. Чего же вспышки? Как раз Иного, однако особенного *иного*, вовсе и не репрессивно-подневольного, как это многим кажется, а как раз антирепрессивного и не подневольного — *нормочеловеческого*, причём вспыхнувшего, может, и под

перводавлением сталинизма (заметим, уже антиреволюционного относительно антироссийского проекта мировой революции, в который не то нечаянно попала, не то напролом влезла Россия, в обоих случаях самоубийственно), однако в решающей степени, — во что невозможно поверить, не то что признать как исторический факт — *вопреки*, слышите, *вопреки* — **во-пре-ки!** — первосталинизму, вынужденному всё более отступать от себя, приспосабливаться к экзистенциальным основаниям и бытийным потребностям поднявшегося на полноценную жизнь народа, вполне, как оказалось, и традиционного русо-российского.

Сталин не мог не опереться на Россию, её народ, не мог не пойти на компромисс с ними, но делая это, он не пошёл до конца, не то, чтобы не любя того и другого, хотя это и было, а и вполне себе осознанно побаиваясь.

В итоге сталинизм со своим основателем и вождём — не просто смесь нового и старого, прогрессного и традиционного, а и по-своему весьма удивительный *компромисс*, — с уступками с обеих сторон и их — сторон — сближениями: народ, пусть и не весь, принял режим с его новой идеологией (не так идеей призрачного коммунизма, как с установкой на *общее благо при совместном трудо-бескорыстном* — как раз *товарищеским* — бытием), а режим, пусть и диктаторный, и репрессивный, и дисциплинарный, воспринял-таки **традицию**, лежащую в основе любого воспроизводящегося, пусть и интенсивно обновляющегося, народного, включая и элитарное, бытия.

И что же из всего этого вышло?

А вышло не только необыкновенное чудо из достижений и побед (вплоть до выхода человека в космос, а

перечислять всего мы уж не будем), но необыкновенно людская (уж позвольте такой термин употреблять — *людская!*) жизнь, пусть не без пороков, слабостей, каверз, несуразностей, но... ЛЮДСКАЯ!, когда, пардон, «Один за всех и все за одного!», — и не в выдуманной удачно сказочной книжечке, а на самом деле, наяву, хоть, повторяю, не без проблем, срывов, несчастий.

И вот тут один неудобный для любого возможного ответа вопрос: «Что же тогда получается: для достижения такой вот *людской экзистенции* надобно непременно пройти через всеобщий (тот же революционный) разор, катастрофу, стресс, ту же войну, в общем — через Большую Беду (беда — по-беда!), принести обильные жертвы, пролить море крови, применять объёмное насилие, впасть в безоговорочную диктатуру, — так что ли?!»

Ответить «Да» тут нельзя — по соображениям гуманности, ответить же «Нет» тоже нельзя, уже, правда, по соображениям исторических реалий. Так что останемся без ответа, которого, собственно, и быть не может, хотя и есть безмолвная солидарность... э-эх... не будем о со-*кров*-енном — и так крови там с избытком!

Текст II

Иное против иного

Иная — сталинская — цивилизация просуществовала по историческим меркам недолго — плюс-минус с полвека, да и то в последние два десятка лет не то что в застое, а

прямо-таки в разложении, хотя и с невзрачными попытками её спасения через какое-то её преобразование.

Сия цивилизация могла существовать лишь в сталинском, немного в изменённом в сторону всестороннего либерализма и, пусть на первых порах скромной, но всё-таки непреклонной личной наживы (поначалу собственно наживой и не казавшейся, а так — прирастанием благосостояния). Сталинский мобилизационный строй бытия мог быть только кратковременным, он подлежал непременно, как минимум, реформированию (изменению формы), а как максимум, существенному переустройству с выходом уже на *иную*, пусть и не противоположно иную, но всё-таки достаточно иную, социо-хозяйственную конструкцию.

Первое пытался сделать новый коммунистический «самодержец» Н. Хрущёв, второе — А. Косыгин, не бывший никаким «самодержцем», а потому и не ставший полноценным преобразователем сталинского наследия. Потребное *иное* так и не возникло, а позднесталинская реальность, напивавшись от самой себя трупного яда и пережив кое-какие предсмертные конвульсии (а-ля андроповских и горбачёвских) почил в бозе, пусть и не без субъективного к тому подталкивания, заместившись на совсем уже *иное* — мало что прямо противоположное (против которого и случились когда-то большевистская революция с ловко подменившим её сталинизмом), но ещё и активно и тотально разрушительное, да не сталинизма, давно уже износившегося и изнеможенного, а опять же... *отечественного*, как это уже бывало в истории отечества, причём ради переделки отечественного в неотечественное (западное, разумеется) с водружением в отечестве под

внешнюю диктовку счастливой частно-экономической компрадорщины.

Выходит, что Иное, как бы разочаровавшись в возможности конструктивного *неосталинизма*, выдало на гора не только совершеннейший антисталинизм, но и не менее крутой антироссизм, снабдив страну (осколок, пусть и большой, от гикнувшего в один миг в небытие СССР, названный, как всегда ложновато, Российской Федерацией)... э-э... снабдив страну... э-э... сам чёрт не знает чем!.. нет, нет, вовсе не здравствовавшим тогда еврокапитализмом, а каким-то смешанным азиато-европейским, вовсю и хаосно-произвольным вперемешку с мошенническим, *олигархо-административно-финансовым деспотизмом*, одновременно морально и физиономически отталкивающим, но зато потребительски, комфортно и развлекательно невероятно для его зачинателей притягательным.

На место людей — ЛЮДЕЙ! — пришли не то что очень уж другие люди, не то что даже и нелюди, но какие-то иные человекообразные существа, возникшие как из вывернувшихся вдруг наизнанку земных особей, так и откуда-то вдруг взявшихся на Земле, может, и из самой преисподней (хотя бы через геномодифицированный процесс!) человекообразов.

Иные человекообразные заполонили жизненное пространство, рассевшись по доходным владетельным, управленческим, финансовым местам, — и ничего: сидят, что-то этакое имитируют, чем-то рулят, во что-то играют, барышничают, правят, ну и вовсю благоденствуют!

Вот уж *иное* так *иное*!

Стопроцентный *переворот* со стопроцентным *выворотом*, причём без стопроцентного бунта, как и той же

сто процентной гражданской войны, хотя и не без кое-каких бунташно-расстрельных событий, как и не без массовых по причине разлада жизни с её превращением в нежизнь человеческих потерь, сравнимых с потерями от большой войны.

Раздосадованное на отсутствие преобразования сталинизма и СССР в *иной проект*, Иное сначала признало *системно-экзистенциальный кризис* после-Сталинского сталинизма, затем его крах, выпустив на арену отечественного бытия заранее подготовленного «великого говоруна» (меченого) со товарищи, обеспечивших прикрытую пустой болтовнёй и мнимodelами основательную подготовку сего краха, и наспех рекрутированного в ходе подготовки безальтернативного «громилу», как раз и совершившего сначала крах сталинизма и СССР, а затем и переворачивание с выворачиванием текущей реальности, разумеется, всё это под диктовку и при участии Запада — от США с Великобританией до Ватикана, немало и поражённых встречными инициативами отечественных перестройщиков, реформаторов и разрушителей.

Да, всё из тогда оставшегося сталинского, включая и СССР, было не просто уничтожено, а принесено в жертву как бездно-преисподненскому молоху, так и улыбчивому его экспедитору на Земле — Западу, западной цивилизации, западному торгово-финансовому хищничеству, что обусловило и поражение отечества вкупе со своими союзниками-сателлитами в затянувшейся холодной войне, обусловило и активную полномасштабную, вполне себе и по качеству дрянную (проколониальную), вестернизацию всего бывшего послесталинского пространства, включая, конечно, и отвалившуюся от СССР Россию — Российскую Федерацию.

Вестернизация — и ничего *иного*!

«Опять двадцать пять!» — как гласит русская поговорка: мало было нам призванного-де Рюрика с вещим Олегом и их попыткой норманизации Руси; Владимира Святого с его византизацией всё той же Руси; Иванов III и IV с их «Третьим Римом»; неистового Петра Великого с его европеизацией России; отъявленных большевиков с их «социализацией» всё той же России, а фактически её растворения в выдуманном не ими, но ими горячо воспринятом каком-то будущем *ином мире*, вполне и утопическом — в ***коммунизме***, и вот теперь новая «заграница» России, теперь в основе не так еврозападная, как америкозападная, да такая по силе, размаху и цинизму, что всем предшествовавшим «великим преобразователям» Руси-России оставалось только перевернуться от зависти и вынужденного восхищения в своих нетленных в угоду придуманной краснобаями истории гробах!

Было, было, всякое было, да вот *по-иному* было, опять же вполне себе и *иное* — как раз по преимуществу антироссийское, — и ежели есть она до сих пор — Русь-Россия, то не так благодаря, как вопреки её нарочитым преобразованиям, хотя и изменившаяся под давлением сих преобразований, поменявшая свою личину, обустройство и, скажем так, механизм бытия, но сохранившая несмотря ни на что свою коренную суть, ей самой, правда, и неведомую, ибо не от мира сего Русь-Россия, а как раз от *мира иного*, мало того, к *иному миру* и бредущая, однако к *своему иному*!

Принудительно-ответный симбиоз сталинского большевизма и корневой России исторически состоялся, что позволило сталинизму и самой России выжить в лихую революционно-милитарную годину, обрести мощь и

самостоятельность, включиться всерьёз в мировой научно-технический прогресс, первой в мире вырваться в космос. Но на большее сего симбиоза уже не хватило: диктатура не может быть долгой, а подверженная ей страна бесконечно лояльной к диктатуре, пусть и вполне себе людской, эффективной в трудо-творчестве, поведенчески моральной, да ещё и высококультурной. И коли исторически потребное преобразование приговаривающего себя на крутые перемены строя бытия изнутри и вовремя не свершается, то свершается вполне себе непотребное преобразование — разгромно (с разбрасыванием камней!), при наличии внешнего разрушительного влияния и с восприятием (навязыванием) извнешнего, уже якобы исторически оправдавшего себя, образа жизни. Что же касается «чёрных энергий», разорительных замыслов, их адептов и исполнителей, то всё это непременно возникает, скапливается, а в нужный момент вдруг и подумается, набирая критическую массу и силу в ходе тупикового кризиса не преобразованной изнутри вовремя и адекватно потребностям человека и времени социо-хозяйственной системы.

И тут является вопрос: можно ли было вообще преобразовать сталинизм во что-то несталинское с сохранением... э-э... сталинизма?

Ответ: нет, конечно, нельзя было, а надо было отказываться от сталинского наследия с переходом к другому — как раз к *иному* — социо-хозяйственному обустройству человеческого бытия.

К какому же?

А «всего лишь» исключавшему уже изжившее себя сталинское крепостничество, пусть на время и вынужденное, и

необходимое, даже и (не по антропотрудовым затратам, а по итогам) эффективное, но, увы, не предполагавшее адекватного ответа на нужды и потребности изрядно, как раз по-социалистически, эксплуатируемого трудящегося населения, пусть и признававшего на срок сие крепостничество, но ведь на срок, который взял, да и вышел, обусловив необходимость перехода к более свободному и справедливому социо-хозяйственному, а внутри как раз трудо-потребительскому, обустройству бытия.

Иное жахнуло тут по полной: раз не нашли приемлемого решения в рамках консолидирующего общества *народного этатизма* (не «Народной монархии» В. Солоневича, а именно народного этатизма — не демократизма вовсе, а государственнической соборности с элементами народоправства), то получайте, товарищи, крах сталинизма с воцарением компрадорско-колониального экономизма, что как раз реально и произошло по итогам «горбачёвской перестройки» (не горбачёвской и не перестройки) и ельцинского реформирования (не ельцинского и не реформирования). Бац, и *полный переворот*: вместо несбывшегося невозможного *иного* получили сбывшееся возможное *иное* — не только прямо противоположное сталинизму, но и вообще цивилизационному — и сделали это не так Горбачёв со предатели и не Ельцин со разбойники, даже не так Брежнев со геронтотоварищи, как, знаете ли, сам товарищ Сталин, заложивший мощнейший разрушительный заряд под свой со силотоварищи сталинизм — разностороннее и разноликое рабство (да, да, именно так — РАБСТВО!), которое хоть и годилось для *чрезвычайки*, но совсем не годилось для *обыкновенки* — уже без жертв и самоотвержения, без подвигов и героики, без

взятия вершин и побед, наконец, без выдавленной, но ненаигранной, весьма естественной, вполне себе гражданской, даже по-своему и соборной, людскости.

Рабство на то и рабство, что какими бы неодолимо чрезвычайными и благочестиво утопическими намерениями, идеологиями и проектами оно не оправдывалось, на то и есть рабство, даже и подзаправленное либеральной мягкостью и патрональной заботливостью о рабах, как и лживой идейной обработкой их сознания, на то и рабство, чтобы в один прекрасный момент либо прямо восстать против рабского строя, либо с определённо-неопределённого момента начать работать — осознанно и не очень — не упразднение сего строя, как правило, уже изрядно прохудившегося и стратегически, мягко выражаясь, подзаблудшего.

Победа в Великой войне, создание атомного и водородного оружия, вырыв в космос создали иллюзию фундаментальной правильности, стратегической выверенности и экзистенциального авторитета сталинизма перед самим собой, перед мировым контекстом и перед историей, чуть ли не перед Господом Богом, перед Иным и Великой Неизвестностью, что и обернулось по закону возмездия за эйфорию сначала дурашливой идеократией хрущевизма, затем геронтократической трагикомедией брежневизма, не осилившего «косыгинской реформы» и впавшего в застойный маразм, а потом и настоящей трагедией уже вынужденного конца что строя, что СССР, что гражданственности, что и человечности, но, увы, никак не рабства, просто быстренько перелившегося в другую, теперь уже в совершенно подлую и лживую, форму — *произвольного административно-финансового деспотизма*, что то же самое — разгульного

компрадорско-колониального экономизма, а на самом-то деле вполне себе евроазиатского этато-феодално-капиталистического рабства.

Иное сталинское, не найдя выхода в возможно-невозможном *ином неосталинском*, подверглось атаке со стороны сакрального Иного посредством прихода и утверждения *антисталинского иного* — разрушительного, присвоительного, античеловеческого, ну и антимировского тоже.

Из ада в Ад — чем не путь?!

Текст III

Пояснение

Итак: Россию в образе евроордынской (кентаврической) Российской Империи неумолимо трясло, не могло не трясти, ибо Европа с Ордынщиной несоединимы в одно целое, а исконного сущностного русизма в Империи не то чтобы совсем не было, а явно не хватало, как раз того самого русизма, ненавидимого и отрицаемого аж со времён Рюрика, а то, глядишь, и с более «раньшего» времени, — что там тогда творилось на самом деле, кто ж это знает?

И Революция, какого бы она ни была происхождения — своего или ихнего — одолела-таки Империю, — и не имело значения, кем, под какой личиной и ради утопического чего вершилась сия Революция, главное, что она таки свершилась — как *сама-себе-Революция*, поразбросавшая сразу все «камни»: строевые, государственные, культурные, людские, групповые, классовые, выставив на место тогда весьма развивавшейся и готовившейся к победе в войне 1914–

1918 гг. Империи необъятную как после «Большого взрыва» преисподненскую, адовскую, бездненскую «Чёрную дыру», — прямо на принципах весёлой космогонии, а потом... а потом, как водится в бытийно-историческом чреве, уже отборным революционерам, победившим в кровавой междуусобной передрыге и ставшим куда более жёсткими, жестокими и беспощадными диктаторщиками, чем вовсе не диктатурный, но зато глубоко несчастный, последний российский самодержец — царь Николай II, так вот этим победившим революционерам-диктаторщикам пришлось, не прекращая уже между собой кровавых разборок, создавать новое на российской территории мироздание, что и увенчалось вовсе не предполагавшимся Революцией (ни одной из революций 1917 г.) строем — национальным, имперским, консервативным, прогрессным, реалистичным, утопичным, этатическим, бессловным, армейским, центровластным, единачальным, номенклатурным, репрессивным, рабствогенным, массознтузиазменным, трудо-творческим, победоносным, по-своему и соборным, *сталинизмом* — СТАЛИНИЗМОМ!

Так ради чего и кого творилась и сотворилась в Российской Империи эта Российская-де революция? Ответим: ради Ничего и Никого, а ради *самой себя* и... *Иного*, а это последнее воплотилось в революционно-антиреволюционном, вполне себе жутком, люцеферном, хотя на срок весьма и эффективном, сталинизме, внутри которого вдруг образовалось ни с того ни с сего, как благодаря, так и вопреки сталинским реалиям, исключительное... э-э... *людство*, да-да, именно так — ЛЮДСТВО!, проделавшее бескорыстно всё необходимое для развития, защиты и величия родной страны, пусть и

называвшейся вполне себе ложно СССР, а через срок, ему роком отведённый, выдохшееся, впавшее в оцепенение, да и попросту ушедшее с глаз долой, как и услужливо туда отправленное... э-э... своими же наследниками, которые уже не раз в истории отечества захотели, — и не без оснований! — *еврожития*, — чего ж ещё?!

Иного, иного, иного!

И это *иное* таки пришло — посредством нового броска в Бездну, вскока в Ад, спуска в Преисподнюю с новым разбрасыванием «каменных» при участии очередного «Большого взрыва» и с новым висением страны над новой «Чёрной дырой»!

Заколдованный исторический (а может, и внеисторический) круг, зачем-то навязанный России Провидением, как и, возможно, навязанный самой Россией самому же Провидению. — кто знает?, однако вращается упорно этот магический круг вот уже тысячелетие, кружится себе и кружится, делая Россию непостижимой магической явью, как раз и называемой *Россией*!

Россия — полное магической тайны *мироздание*, — запомним!

Текст IV

Иное в ином

Какое же *иное* тут обнимает *иное* и и что это за *иное*, или какое же *иное* у какого *иного* в объятиях? Сразу и не скажешь: то ли «лихое» 1990-х тут в активе, то ли поднимавшее Россию с колен «стабилизационное» 2000-х, ибо так и

остаётся неясно, какому же из *иных* отдано в итоге предпочтение: «реформенному», выправленному до жизнеспособия, или же «антиреформенному», как раз и выправившему уродливое реформное *иное* до его жизнеспособия?

В приоритете, кажется, всё-таки как раз *то*, пусть уже и избавленное от тогдашней «лихости», *иное* — от 1990-х, а вот *иное* от 2000-х не более чем во вспоможении тому — 1990-х — *иному* — уже как бы и не «лихому», но зато неплохо закамуфлированному под новое, чуть ли и впрямь по сути отличное от того — 1990-х, *иное*.

Диктатуры сталинского образца нынче вроде нет — ни в 1990-е не было, ни уж тем более в 2000-е, и это так, но зато прослеживается... да что прослеживается — бьёт в глаза!..*иная диктатура* — диктатура *Золотого тельца*, диктатура *тотального экономизма*, диктатура по-грабительски и покомпрадорски разгулявшегося *капитала*, причём объективно куда более могущественные, всеобъемлющие и зловредные диктатуры, несмотря на свою видимо-невидимую «мягкость», чем, казалось бы, жёсткая, злая и беспощадная, насильно и волево осуществлявшаяся, сталинская диктатура.

Однако в нынешних реалиях прослеживается, пусть и не так отчётливо, и совсем другая, как раз прячущаяся за вышеуказанными диктатурами, вполне и инициативная диктатура — *диктатура Антимира*, причём не просто внешне мягкая, а во всех отношениях и немало приятная, идущая навстречу как плоской житейской обыденности, так и многомерной людской порочности — лёгкая, игровая, карнавальная, равным образом бросившая вовсе небезобидный вызов всему высокочеловеческому, классическому, фундаментальному, традиционному, содержательному, строгому,

упорядоченному, весомому, ответственному, честному, благородному, нарочито лояльная к антицивилизации, антикультуре и квазиэкзистенциальной пустоте, ну и, разумеется, всякого рода шоу-безумию.

Если наличие диктатуры Золотого тельца могут признать даже горячие её сторонники — она очевидна, то диктатуру Антимира признает далеко не каждый, ибо она мало что касается каждого, в особенности обуреваемого индивидной гордыней, но ещё и сопряжена ни с чем иным, как со *свободой* — СВОБОДОЙ!, а кто возьмёт на себя смелость признать *диктатуру Свободы* как самую из опасных для человека диктатур, ибо человек, ежели он Человек, есть ведь сонмище не свобод, а как раз... *несвобод*, хорошо если лично осознанных и вольно воспринятых, даже и врождённых, а то ведь человеку попросту навязываемых извне, частенько и через жёсткое насилие.

Говоря о новейших, как бы и не существующих, объективных (во многом самореализующихся) диктатурах, нельзя не упомянуть ещё одну — уже немало субъективного характера — диктатуру, также постигшую современную Россию, как и выше отмеченные объективные, а именно *управленческую диктатуру*, однако в о-очень своеобразном, немало и в конспиративном, исполнении — как, внимание! — *(Не)диктатуры...* э-э... «*управления (Не)управления*». Ничего себе, — зададутся в недоумении граждане великой державы вопросом, — что это ещё за зверь такой?

А ведь наличествует, действует, достигает результатов, вполне и диктатно, что в ходе управления, что в распыльном пылу неуправления, как в угоду *своим* — владельческим господам, так и во вред *не своим* — вынужденным лишенцам,

хотя и не без вреда для *своих*, как и не без пользы для *не своих*, но зато с пользой и вредом для всех сразу, а вот с каким балансом для страны и её населения в целом, то здесь одно лишь искреннее недоумение, ибо в балансе сем какой-нибудь позитив легко сочетается с каким-нибудь негативом, например, потребительский подъём с морально-поведенческим упадком; технический прогресс с общей гуманитарной деградацией; рост обороноспособности страны с ростом экзистенциальной уязвимости населения; развитие «искусственного разума» со возвращением «механистического постсознания»; поощрение «цифровизации» с угнетением естественного смыслоизъявления, и т.д., и т.п. вплоть до странного «управления (Не)управления» коронованной пандемией, сочетающей борьбу с ней с её же, пусть, возможно, и невольным, поощрением.

И какое же тут сальдо: «за» или «против» человека, социума, цивилизации, культуры, как и самой России? Тут уж пусть каждый умник решает за себя сам, а нам остаётся лишь констатировать, что дело наше в общем-то дрянь, ибо его — *нашего дела* — попросту и нет, а есть какое-то *иное дело*, как раз и *не наше*, но и, что примечательно, *не их* — грабителей и незнаек, а Иного, у которого своя сакральная задача: изменять, а вот что изменить и куда, кто ж знает, может, и ни во что и в никуда, ибо Иное само того не знает, да и не обязано знать — с него достаточно просто *иного!*

Вообще заметим, по-настоящему управлять в общих интересах и трудно, и накладно, и... страшно!

Тогда зачем?!

Текст V

Иное за иным

Что это за переворот такой, он же и выворот, ознаменованный приходом в российскую реальность безликой диктатуры прельстительного Золотого тельца в обнимку с лукавой диктатурой блудливого Антимира, вдруг потребовался вне-историческому Иному, зачем?

Как отрицательная реакция на кровавый большевизм и репрессивный, да и тоже немало кровавый, сталинизм, как и на послесталинскую, хоть и с благонамеренной косыгинской попыткой что-то животворно изменить, псевдокоммунистическую рухлядь.

Нет, наверное, хоть в какой-то мере и так, тут дело, видно, посложнее, ибо не ввысь же погнало страну Иное, а вниз, хоть само по себе Иное тут и не причём, и погнало как раз туда — к Бездне, к Преисподней, в Ад... о-о!.. нет тут точного ответа, разве лишь примерная догадка: чтобы Россия, нахлебавшись всего этого дрянца и его из себя изрыгнув, вышла наконец-то к самой себе, да не географически и не народонаселенчески, а... **концептуально!**

Ежели Господь хочет наказать человека неразумного, то Он дарует ему комфортное благополучие, доводящее человека до безотказного иступления, а ежели хочет образумить человека разумного., то Он... нет, не бросает его непременно в жуткое испытание, а всего лишь вызывает в человеке... э-э... *отвращение к... самому себе*, для чего, помимо того же мнимого благополучия, дарует ему... э-э... как бы не

брякнуть лишнего!... *свободу*, как раз ту самую — *оборотную*, отчего и являются особи-оборотни, государства-оборотни, миры-оборотни, да мало что ещё впридачу является, вовсю и блаженствуя, рассупонившись, разумеется, *до поры*, как раз той самой, что и пандемиям не отказывает в удовольствии быть приконченными — само собой, внезапно!

Пряное это дело — бытие-история, ароматное: сегодня один от происходящего аромат — вполне и приятный, завтра же вдруг совсем другой — воньливый, а послезавтра, глядишь и... никакой, а ежели у бытия-истории может случиться и запослезавтра, то тогда с каким же ароматом, ежели, конечно, не с трупным?!

Едва вроде бы освободившись из-под сталинского ига, пусть поначалу и в разгар его весьма плодотворного и лишь затем вдруг на корню прогнившего, ставшего вполне и тошнотворным, Россия попала не без, как водится, обмана, предательства и трусости со стороны властей предержащих под новое иго — *глобоэкономическое* (как раз «златотельцовское»), намеренно перемешенное с *антимировским*, а с учётом алчного дележа и присвоения российского богатства откуда-то вдруг взявшейся тьмой «прихватизаторов», называвшими себя предпринимателями, бизнесменами, банкирами, инвесторами, эффективными управляющими, Россия попала и под вполне себе домашнее иго — *новогосподское*, подкреплявшееся новой — «демократической»-де (читай, плутократический) — властью.

Попала, да там, под этими «игами», и засела, да так крепко, что до сих пор под ними и сидит, щедро, как водится, поругаемая, поносимая, теснимая, но... *живая*, доставляя скорбное фобиянское беспокойство своим внешним и

внутренним противникам, да что противникам — врагам, причём не так за то, что она ещё *есть*, как за то, что... *будет*!

Игá на то и игá, чтобы сначала под них попасть, а потом с ними тихо или громко бороться, забывая о покое, конвульсивно содрогаясь, терпя неудачи и подвергаясь расправам.

Освободившись от остатков сталинизма и пожертвовав СССР'ом, а также создав скоропалительно новый господский класс, *глубинное правление*, связанное со столь же глубинным *мировым правлением*, если не являясь попросту его филиалом, пошло на внезапно-скоротечную перемену в функционально-видимом правлении, проведя — быстро, аккуратно и чисто — смену правительствующего лидерства, выдвинув на главно-верховно-центральную позицию до того момента не слишком заметную персону «из своих», но при этом и «не совсем из своих», точнее, «их» и «не их», а затем, расправившись с явно не своими претендентами на политико-шахматную корону (с «семибанкирщиной» в основе) и проведя победоносную военную кампанию на юге страны с замирением Северного Кавказа не без соучастия и «своих оттуда», приступило, — не без согласия и даже поддержки заокеанских сильных мира сего, не пожелавших тогда распада опасно термоядерной и вообще вооружённой чёрт не знает чем страны, а, наоборот, восхотевших, пусть и вынужденно, видеть сию остаточную от СССР страну как страной целостной, так и достаточно жизнеспособной, разумеется, в роли своего союзного (партнёрского) вассала (отсюда и G-8, а не, к примеру, не G-10 с Китаем и Индией, то бишь иметь вассала-против, — против тех же не приглашённых в сей геостратегический кластер незападных держав), — приступило одновременно к восстановлению, реконструкции и

конструированию новой страны под именем «Российская Федерация» с учётом сразу главных достижений реформы и нужд её основных бенефициаров, интересов чинного Запада, ну и кое-каких чаяний самой возрождаемой страны.

И кое-что явно получилось: почти что уже труп вдруг задышал, вышел из комы, потом приподнялся, а затем и встал с колен, вытягиваясь, да чуть ли не во весь свой исполинский рост!

Это было чудо, не хуже послевоенных германского и японского чуд, хоть и не столь впечатляющее, как послевоенное сталинское, ибо... *не суверенное!*

Убедившись, что на Западе никаких сильных мира российского, как и саму Россию, никто в качестве равноправных партнёров не ждёт, мало того рассматривают Россию как новую колонию, а российских по принадлежности доходообразователей как не более чем курьеров по переводу доходов с Востока на Запад, а также предназначенных для съедения в случае надобности и для этого подсаженных в спасительную-де для всех лодку обреченцев.

Однако поскольку Россия это Россия, то бишь страна с великой историей и немалой в любые времена силой, то российское правление, несмотря на свою вынужденную функционально-финансовую зависимость от заокеанья (один скорбный случай с подлодкой «Курск» чего значит, не говоря об объективных-де курсах валют или той же расплывчатой, но крайне вредной для интеллект-жизни «Болонщине»), российское правление, пусть и по преимуществу прозападное, не могло не взбунтоваться (точнее, взбрыкнуть), заявив Западу своё огорчительное «*фэ*». Грянула знаменитая Мюнхенская речь российского пореформенного

лидера, отважно положившая конец G-8, невольно усилившая западно-войновский «Дранг нах Остен», зато стимулировавшая перестройку и модернизацию российской армии, оживившая российскую оборонку.

Российское правление кинулось, идя, естественно, навстречу новому владетельному классу, укреплять армию, флот и ВКС как самых верных России союзников ради утверждения и обороны не так собственно страны, как безграничного доходообразующего, а, соответственно, и силового, волшебного источника.

Это немало удалось, как и удалось «показать зубы» (Южная Осетия, Абхазия, Крым, Сирия, тот же Донбасс, да и Белоруссия, Нагорный Карабах, Казахстан), удалось удержаться, если не укрепить, то же домашнее иго — как раз пореформенное, а вот от глобозэкономического и уж тем более антимировского иг избавиться не то что не удалось, да и вряд ли сильно хотелось, ибо тут много, знаете ли, общего между всеми игами, что позволяет эти оба поначалу внешних ига превратить незаметненько в свои внутренние игá, как раз и переплетающиеся органично с домашним игом, — и ежели освобождаться от внешних иг, то лишь освобождая от них, да и то не полностью, лишь владетельный российский класс, к чему, собственно, и готовится, судя по всему, российское правление, вынужденное брать себе в союзники не только Китай с Индией, а и собственное подвластное себе население, разумеется, в обстановке и в рамках экономического и антимировского иг.

Не простая, как видим, задача, прямо как было у Петра I, практически и невыполнимая: Иное-то ведь явно требует чего-то и явно *иного*, а именно чего-то *пост*-реформенного,

а для этого не просто нужны существенные перемены во всём строе российского бытия, что понятно, а и в самом владетельном слое с его правлением, да вот каких и как, ежели на это *им* пойти без *их* же (само) ликвидации попросту невозможно.

Тут одного телешоулидерства не то что недостаточно... э-эх... только бы не разговориться, невольно обращаясь не к феномену Петра I, а к феномену Сталина и его сталинизмом, вроде бы нынче и невозможных, да ведь и впрямь невозможных, да вот зато ко вполне возможному чему-то *иному*, даже не сильно противоречащему тому же искусственному разуму и той же технотронной цифровизации, мало того, уже в глубинах бытия сосредоточивающемуся, зреющему, набирающему сил и... смелости... о-ох!... *то-то ещё будет!*

Причём от *своих же* будет, сим правлением выпестованных, пусть и выпестованных невольно, прежде всего, от тех же обездоленных строем лишенцев — ни богатства у них, ни власти, ни перспективы (всех за границу не вытуришь, да и что им там делать, копя лишь раздражение, негодование и злобу, там они никто, а здесь, на родине, ***претенденты***, да ещё ***какие!***).

* * *

Написал и... нет, не ужаснулся и не убоился, а просто пронизался коварным вопросом: «Надо ли это кому-либо, даже и Вам, когда Вы и так всё хорошо видите и вполне понимаете?», отчего взял да и свернул писанину: «Зачем вещать о неизбежном да ещё и нехорошем — само ведь придёт аки полночная звезда на небе?!»

Решил отослать Вам текст таким, каким он возник у меня к этому моменту — моменту сомнения и дырявой конспирации, рассчитывая, помимо Вашей о многом осведомлённости, на Вашу изрядную проницательность.

Не обессудьте, глубокоуважаемый ZZ! Что написал, то написал, а остальное написано в атмосфере-ноосфере, с которой Вы по моему представлению вполне себе и на Ты.

Искренне Ваш,
NN

* * *

Через какое-то время странник наш получил через офицера связи краткую записку от главковерха: «С текстом Вашим ознакомился, есть над чем думать! Продолжайте свой лекционный курс перед заинтересованной аудиторией с учётом хорошо Вам известных обстоятельств.

С искренним расположением
ZZ»

* * *

Странник мысленно поблагодарил мудрого военачальника за понимание и доверие, мало того, за ощущение им возможности восприятия начальствующим воинством действующего в реальности и обычно не воспринимаемого обыкновенным сознанием конспиративного не по злому умыслу Иного, у которого, кстати, никаких проективных умыслов

вообще нет и быть не может, если не считать за умысел само наличие (где, как, в каком виде?) этого самого Иного.

Иное — просто иное, не это, не такое, не этакое, которое имеет результатом своего действия не более чем... *иное*, — вот, собственно, и всё! И никакого, знаете ли, мощенства, не говоря о ловкости рук, если, конечно, не принять за то и другое неукротимость и неотвратимость загадочного иного.

* * *

Пришёл час и новой встречи нашего учёного странника с заинтересованной, как выразился главковерх, аудиторией.

Сказочное продолжение

Лекция третья

«Я начну, если позволите, со Сталина и сталинизма, как раз того, что было отвергнуто на рубеже 1980-1990-х гг., включая и сталинский СССР.

Пауза

Что это было? Да, была диктатура, но заметьте, не Иосифа Джугашвили, — как натуральной особи, а именно Сталина — как виртуального, как сейчас бы сказали, феномена, как знака, как символа, как, уж извините, бога (с маленькой, конечно, буквы — для нас, а не для его современников, пусть и не всех поголовно). Была также диктатура

сдобренного социалистическими идеями тотального этатизма, армейского, заметьте, образца. Да, конечно, диктатура жёсткая, расстрельная, кровавая, вышедшая из такого же сначала революционного, потом постреволюционного, как раз и сталинского, времени. Однако диктатура, заметим, открытая, идейно обоснованная, даже и по-своему оправданная, причём не только словами, но и делами.

Выжидательная чайная пауза

Дела эти хорошо известны: индустриализация, образование, здравоохранение, культура с возвратом к русской (заметим, дворянской) культуре, развитие науки и техники, разные яркие достижения вроде освоения Арктики и авиаперелёта в США через Северный полюс, наконец, пусть и тяжкая, и затратная, и жертвенная, но победа в Великой, для нас Отечественной, войне, быстрое, пусть тоже жертвенное восстановление разорённой войной страны, создание ядерного оружия, вырыв в космос. Да — диктатура, да — репрессивный режим, да — жертвы, но при этом и колоссальный прогресс — возникновение новой, как раз *иной* (*акцент на слове*), цивилизации... э-э... как раз сталинской, а внутри цивилизации формирование и бытие нового типа, как раз *иного* (*акцент на слове*), социума — трудо-творческого (без класса собственников всего и вся, без владетелей, без эксплуататоров, благодетелей и кровопийц), наконец, как это, может быть, для какого-то уха странно звучит, вполне себе... э-э... *людского* (*акцент на слове*) не псевдолюдского, лишь человекообразного, а именно в полном смысле этого слова, *людского социума* (*акцент на словах*).

Ещё одна нудная чайная пауза

Я не буду, если позволите, раскручивать сей сталинский сюжет в надежде, что вам многое об этом известно и без меня. Лишь ещё раз подчеркну эту самую *людскость* (*акцент на слове*) цивилизации и самого человеческого бытия. Скажу лишь, что я, родившийся в 1941 г. и живший мальцом ещё при Сталине, его, кстати, видевший на мавзолее или на стадионе «Динамо» во время спортивных праздников 2 мая, хотя, может, видел и двойника, знаю, о чём говорю: я жил тогда и ещё многие годы, обращаю на это ваше внимание, среди именно *людей* (*акцент на слове*), пусть и разных, и со слабостями, даже с пороками, но... *людей* (*снова акцент на слове*), причём с преобладанием всё-таки людских достоинств, а не слабостей и пороков.

Ладно, надеюсь, вы меня понимаете, о чём я тут пекусь, а именно о том, что диктатура вроде бы невыносимая, а тут же полнокровная людская жизнь с невероятными достижениями и победами, — здесь я подчеркну, — *в общих и для всех* (*акцент на словах*) делах, что означает — внимание, товарищи! — великую исключительность тогдашнего бытия в масштабе истории: *никогда такого социально-ориентированного бытия ранее не было и никогда уже не будет!*»

Волнительная пауза

Голос: «А может, всё-таки будет... ну хотя бы что-то похожее?»

Ещё одна нудная, уже и чайно-холодная, пауза

«Всякое возможно, и я бы этого хотел, но, как говорится, верится с трудом, ибо всемирные изменения античеловеческого характера, о которых мы ещё поговорим, если у меня на то хватит сил, а у вас интереса и терпения, набрали мощь и вряд ли обратимы, точнее, вряд ли изменимы в гуманитарную сторону, хотя, повторюсь всякое бывает: Иное на то и Иное, чтобы ино-бразничать!

Пауза

Что тогда состоялось? Да, был диктатурный этатизм, но то ли в нём, то ли рядом с ним, то ли даже вопреки ему, возникла, — примите, пожалуйста, это... э-э... как версию... хотя бы на веру... э-э... возникла не что-нибудь, а... **соборность** (*акцент на слове*), правда, чересчур и слишком надолго *принудительная* (*акцент на слове*), а потому и, не получив своевременного *преображения* (*акцент на слове*), обернувшаяся через годы массовых напряжений и подвижничества массовым же расслаблением и распадом.

«Перестройщики» и «реформаторы» добивали уже даже не больного, — я имею в виду поздний сталинизм, — а практически полутруп, ещё бывший вроде в реалиях, но уже не животрепетный, а так, аки ещё живая рыба на льду. Звёздный генсек со товарищи сделал своё дело, — хорошо ежели бессознательно, впрочем, и это плохо, если не хуже, — но подвели они таки ещё существовавший и действовавший строй к гибели. (*Пауза*). Всё как обычно, достаточно вспомнить вроде бы процветавший, но вовремя не перестроенный, строй Российской Империи, чтобы убедиться, насколько это гнусно-обыденно — держаться за власть, за

верх, за привилегии, за себя, жертвуя даже не строим, а самой Отчизной (с большой буквы, разумеется). Не предатели как будто, а вот погубители — точно!

Вот так оно работает — Иное! Одни, как Сталин, не только идут ему навстречу, угадывая историческую к нему тягу, но даже его — Иное — на время покоряют, созидая *своё иное*, весьма с неведомым Иным и согласное, а другие, пардон, лишь проваливаются в это Иное, оборачивающееся вдруг для них самой обыкновенной, а может, и необыкновенной, Бездной.

Вынужденно бесчайная пауза

Управлять Бытием-Историей, точнее, управляться с Бытием-Историей — ходить по-над краем Бездны, да ещё и под лукавым присмотром Иного, ну и... кому уж что в итоге достаётся: кому своё Мироздание, а кому безмировая, но тоже своя, дыра».

Пауза

Голос: «Выходит, что только тираны вроде Сталина могут выстоять и что-то позитивное сотворить?»

«Нет, конечно! Тираном-то быть можно: кто вокруг не тиран, если учесть, что не везде главы государств действительные управители, за таковыми ведь скрываются вполне себе респектабельные тираны, незаметные, «мягкие» и даже «пушистые», да вот далеко не все тираны способны стать создателями новых, причём *иных* (акцент на слове),

цивилизаций, ещё с таким вот, как у сталинизма, *людством* (*акцент на слове*), пусть возникшим и существовавшим в чём-то и вопреки сталинизму».

Пауза

Голос: «Тогда всё равно Сталин выходит, так ведь?!»

«Нет, не так! Это в нашей отечественной истории так вышло, да ещё в страшно хаосно-жертвенно-кровавый её период, но нельзя не отдать должного, пусть и не самому Сталину, а просто тому поколению, которое выдало за каких-нибудь от 25 до 50 лет столько всего великого, а главное, подчеркну — *людского*, что примеров сей, извините, «выдачи» что-то в мировой истории не отыскивается. Назовите, я готов услышать и принять!»

Безмолвная затянутая пауза

«Я понимаю вас — ведь столько вокруг всякой, что правдивой, что лживой антисталинской молвы, — и мало кто хочет разобраться в проблеме по существу. А вот мы, — я имею в виду наше институированное учёное сообщество под моим, извините, водительством, — это сделали, и знаете когда? — в 2003-2004 гг., проведя крайне содержательные дискуссионные заседания на сталинскую тему и опубликовав затем толстую монографию под названием «Феномен Сталин» (не феномен Сталина, а именно феномен Сталин), в которой выступили тогда лучшие умы страны, да мало что выпустили толстую книгу, так мы ещё отослали её прямым ком в Кремль,

лично президенту, — ответа, правда, не получили, но вскоре заметили, что карикатурные изображения вождя в кино и СМИ прекратились, хоть и не исчезла критика Сталина и сталинизма, но это другое дело, вполне допустимое и, безусловно, необходимое».

Голос: «Ничего себе!»

«Да-а.. ничего себе! А вы ведь меня уже в сталинисты, почитай, зачислили...»

Голос: «Что-то вроде!»

«Вот именно! А я всего лишь за историческую правду, какой бы горькой она ни была, как и за честь сталинского, как раз людского, в моём понимании, поколения, за правду о той жизни, о тех деяниях, о тех победах, как и о тех же поражениях тоже. Я не буду вам ничего назойливо доказывать, сами думайте, тем более что вы в курсе, наверное, исторического приказа «Ни шагу назад!», как и того, что с него-то и начался настоящий перелом в Великой Отечественной войне. Вы что можете предложить другой ход войны, это в тех-то условиях, с теми тяжелейшими проблемами, тем мощным противником, с тем мусором в головах, не исключая и сталинской. Пока разобрались, пока всё поняли, пока кое-чему научились... э-эх... судить-то о прошлом можно, да вот как бы в его нутро погрузиться, да не умом только, а и духом тоже, интуицией, а это совсем и не просто. Дело ведь не в одной только войне, а и во всём остальном тоже, а главное — в Ином, которое выворачивает реальность и так, и этак.

Чайно-тёплая пауза

«Соглашусь с вами, что кутерьма была тогда страшная, да вот объясните мне, почему же это вдруг из такой вот жуткой кутерьмы вышел новый, вполне себе и иной, и эффективный, и даже воистину истинно людской мир, а-а?.. причём такой, которому, уж извините, наш свободный-де нынешний мир даже в подмётки не годится, но об этом, ежели я вам насовсем не надоел, при следующей встрече, товарищи, лады?».

Голоса: «Лады, лады, профессор. Очень интересно было бы взглянуть на себя вашими проницательными глазами!»

«Ну уж и на себя, да ещё и проницательными, на всех нас, хотя, не скрою, глазами таки довольно проницательными, с внутренним, так сказать, зрением. Не обессудьте, если что не так, Иное ведь не обманешь!»

Дневниковая запись

ОБНАЖЕНИЕ как вестничество Ниоткуда и в Никуда в масштабе необъятного, в русле Непостижимого, по разряду Необъяснимого и в угоду Необратимого.

Ах, как хорошо написал, если вдуматься!

Хотя, быть может, всё тут и наоборот: и откуда, и куда, и объятно, и постижимо, и объяснимо, кто знает? — разве лишь «ОБНАЖЕНИЕ» в полном своём раскладе, аки тать в ночной мгле.

Проект как Тайна, а Тайна как Проект!
А иначе, увы, нельзя, да и вообще быть не может!
Но лучше всё-таки с обнажением, чем без него, пусть и
для единиц, для мудрецов-ересиархов, — хватит и этого!

Лекция четвёртая

«Ну что, товарищи, не соскучились по моим полубредовым измышлениям: Иное, людскость, хороший-де Сталин, а-а?».

Голос со смехом: «Соскучились, профессор, да так, что чуть ли не философами стали».

«А вот этого не надо: воин должен много знать, всё учитывать, как и принимать объёмные решения (это я о генштабистах), а вот философствовать ему противопоказано, как и жертвовать армиями. Суворов наш был не философ, а мыслитель, чего я и вам желаю — быть мыслителями, однако (*смеётся*) всё-таки философствующими, — разумеется, в меру».

Пауза

«Со Сталиным мы, кажется, подрабобрались, хотя и не вполне — феномен, конечно, сложнее, густее, мощнее: ведь и в самом деле ниоткуда он взялся, да вот кое-чего великого наворочал, разумеется, всякого. Тут ведь не что-нибудь, а тайна, которая никогда, слышите, *никогда* (*акцент на слове*) не будет раскрыта, поскольку она от Иного, а не от Этого, да

и кому её разгадывать — не философам же, тем более уж не шибко учёным. А что в просветлённых головах мудрецов вдруг является, так это как раз то, что в этих головах и остаётся — передать-то некому и нечем, да и страшно, что передающим, что принимающим. Заметьте, нет ничего страшнее знания об обнажённой реальности! Тут, что называется, табу!»

Чайная пауза

«Так что намёками, товарищи командиры, намёками, ничего другого нам не остаётся.

Что ж, бывают гениальные созидатели, вроде того же Сталина, но бывают и гениальные... разрушители».

Голос: «Понятно, о ком вы!».

«Ну и хорошо, что понятно, главное, не питать тут никаких иллюзий: его, этого гениального разрушителя, задачей было избавиться от остатков сталинизма, развалить СССР, уйти элитарно на Запад, совершить в стране прозападную революцию. Э-э... чуть было не сказал: “Этакий Сталин наоборот”, но нет, не тянет, даже на наоборотного не тянет, но, тем не менее, явление (*акцент на слове*), в котором хватает тайны, с которой, замечу, тоже до конца никогда не разберутся, ибо он не просто не от мира сего, а вообще *от иного мира* (*акцент на словах*), увы — *преисподненского* (*акцент на слове*).

Голос: «Меченый!».

«Да, меченый, этакий мечиносец (*акцент на “и”*), во-все не сталинский меченосец (*акцент на “е”*)».

Голос: «Однако мечом поработал, пусть и словесным».

«Да, поработал, причём гениально: живо, витиевато, скользко, причём ещё и лживо — *гениально* (*акцент на слове*), мастерски, разумеется, не без подсказок оттуда — из западной преисподней, но всё-таки в целом *сам* (*акцент на слове*), *сам*, недаром же был публично зачислен в “**Князя тьмы**”, а ведь всего лишь шустрый, приятный, вкрадчивый, а главное, юркий, неухватываемый, скользкий, аки колобок, но зато насколько завораживающий, магнетический и магический, ну и эффективный тож — настоящий “Князь тьмы”, всю страну и весь мир заморозивший, всю страну и весь мир перевернувший, и ту жизнь укравший, причем *один* (*акцент на слове*), приспешники тут не в счёт. *один (!)*, а-а, разве тут не чудо, товарищи?!»

Выразительная пауза

Голос: «Действительно, чудо!».

«Зачем я говорю о самом этом явлении, конечно же противоположном сталинскому, но о-очень показательном в русле моих рассуждений, гораздо более очевидном, но при этом и гораздо менее понятном... бац!.. и нет страны, да что страны, мира прежнего нет, а тут, понимаешь, Запад, Восток, капитализм, социализм, демократия, диктатура, наука, философия, религия (!), бытие, история, человек, человечество, да

мало ли ещё что! — вот оно как, вот как всё на свете творится... бац!.. и нет света, а есть тот же ковид, но это всё-таки целый большой ковид, а тут всего лишь один меченый... с бездными глазами (знаю, о чём говорю, довелось взглянуть своими (*смеется*) проницательными очами прямо туда, в бездну, через глазной его портал, — в глазах ведь всё и торчит — у кого свет, а у кого тьма!»

Долгая чайная пауза

«Так кто же или что же, товарищи, на самом-то деле сотворяет реальность: человек, сама реальность или всё-таки Иное?»

Голос: «Всё сразу!».

«Вот именно! А что более всего?»

Голос: «Выходит, что Иное, трудно с вами не согласиться».

«Вот и славно! Отсюда и объяснение того, что творилось в 1990-е и сотворяется сегодня, не так ли? Разумеется, неудовлетворительное, бессловесное, бесприговорное объяснение — этакое необъяснённое объяснение, но вы, дорогие слушатели, надеюсь теперь понимаете, о чём я вам толкую: “Не ищите объяснений там, где их нет, как и взыскайте молчаливого понимания того, чего тоже нет, но зато какого при этом безмолвно говорящего!”»

Безмолвная затяжная пауза

«Что-о, догадались: соедините вместе то, что называлось сначала перестройкой, затем реформой, а потом стабилизацией, и получите с учётом прихода и внедрения в Россию новейшего, то бишь антимировского, Запада, как раз то, что и представляет собой по сути ныне страна, отважно называемая Российской Федерацией, — смекаете?»

Голос: «Синтез?»

«Да, пожалуй, как процесс и как итог, да и как продолжение процесса, несмотря на вроде бы реальное стремление его прервать и приступить к другому синтезу — России с Россией, да вот с Россией, а не псевдоРоссией, да и не с прошлой Россией, а с новой, хотя и концептуально уходящей вглубь веков.

Чувствуете? Отчалить от Запада с его финансово-идеологическим гнётом, с его пошлым и разлагающим антимиром, который легче всего представить по тому же нашему-нашему телевидению голливудского пошиба, но который, я имею в виду антимир, увы, всюду нынче и во всём, включая и последние управленческие, точнее менеджериальные, реформы, убивающие сами объекты реформ: науку, образование, здравоохранение, жилищное хозяйство, как и многое другое, а главное — человека в человеке!

Тягостная пауза

«Финансовая кабала — дело понятное, идеологическая токсина — тоже, труднее воспринять *антимир* (*акцентирует на слове*), а это, знаете ли, не бельмо в глазу, а что-то вроде замещения естественного глаза на искусственный: взгляните повнимательнее в глаза масс современников и ничего в них не найдёте, кроме заботы, раздражения, страха, пустоты, а это и есть присутствие антимира в человеках, хоть вроде бы все сыты, динамичны, насыщены развлечениями, путешествиями, набиты информацией и чуть ли не счастливы. Тот же расцвет *постправды*, смекайте, *постправды* (*акцент на слове*), лжи, обмана, мошенничества, имитаций, фальши, фейковщины — верный признак овладения и поглощения человеческого мира нечеловеческим антимиром».

Голос: «Что ж, тогда во всём виноват Запад, США, мировое правление?»

«Нет, Запад тут не в чём не виноват, он просто делает своё дело, превращая Россию в своего полуколониального вассала и удерживая её в этом неприглядном положении, пусть уже и взбрыкивающей, даже не то рвущейся, не то делающей вид, что рвётся к полному суверенитету. Виноваты... нет, конечно, не мы как таковые, не мы с вами, как я надеюсь, не я во всяком случае, который всегда стоял за независимость и самостоятельность родной страны, за её умное преобразование, отстаивая даже в чёрное время рубежа XX–XXI веков её самобытность, российскость, даже и русскость, государственничество, великодержавность, имперскость, поднимая на щит и того же Сталина, точнее феномен по имени Сталин — не как, разумеется, пример для подражания, а как довод для выбора *своего* (*акцент на слове*) пути.

Однако правление наше, да и немалые массы людей, причём ещё и в советское время, были буквально инфицированы Западом, — не без оснований, конечно, — а когда всё-таки представилась возможность покончить со своим, как раз сталинским, цивилизационным экспериментом, то правление и сии массы кинулись сначала к Западу, потом на Запад, а теперь наслаждаются его отхожеством с его экскрементами в собственной стране».

Взволнованная пауза

Голос: «Вы антизападник, профессор?»

«Нет, вовсе нет, я хорошо знаю Запад и многое в нём ценю, я не против самого по себе Запада, с ним взаимодействия, даже его у нас присутствия, я лишь против безумной западнизации России, её роковом растворении в западной зоне планеты в качестве колонии Запада. Тут уж увольте! Я за россиезацию России, за национализацию её хозяйства, государства, культуры, образования, вообще бытия (*улыбается*)... э-э... “Такой хоккей нам не нужен”, как говаривал незабвенный Николай Озеров».

Голос: «Ну, а мюнхенская речь президента, разве не свидетельство стремления к самостоятельности, вынужденно или нет частично утерянной в результате поражения в холодной войне?»!

«Во-первых, если и было поражение, то в виде добровольной сдачи на милость победителю, а никак не победа Запада над СССР, а во-вторых, заява в Мюнхене имела

место, — факт! — однако вместо освобождения мы получили войну, о которой вы не хуже меня знаете. Самое интересное тут в том, что мы вроде бы хотим освободиться от океанской зависимости, но в самой стране от западнизации никак не освобождаемся: то ли не можем, то ли не хотим. Кажется, что мы бы хотели быть по факту, букве и духу западниками, почитая свою западнизацию за великое благодостижение (ради чего и благородную страну с её оригинальной социо-хозяйственно-культурной начинкой сдали, да не только страну, а целый международный соцлагерь, не говоря о «международном ревкомдвижении»), и, знаете ли, быть в итоге с западными хищниками в одном зоопарке на равных, даже ультиматумом им грозим».

Гробовая пауза

Голос: «А что, разве это плохо, этот ультиматум?»

«Нет, не плохо, совсем даже не плохо, как и иметь дееспособную военную силу, но с условием, что это начало действительного освобождения от многостороннего западного гнёта, если не ига, освобождения, сопровождающегося и соответствующими переменами в стране, да не только по вектору антизападнизма, но и по вектору, скажем так, многоэтнического россиевизма с достижением социо-хозяйственной и народовластной соборности, под которой понимается осознанное и деятельное единение в социально-культурном разнообразии».

Грозовая пауза

Голос: «Так это же настоящий переворот!»

«Почему нет, да — переворот, даже и выворот, но уже как *выворот вывернутого (акцент на словах)*, как раз тот самый переворот-выворот, который к России, причём и к России не изнаночной, а лицевой, не имитируемой, а действительной, вполне и модернизированной».

Голос: «Но, может, западнизация, о которой речь — необходимый в нынешнюю эпоху преобразовательный ингредиент, как раз *иной (акцент на слове)*, как вы предпочитаете говорить, пусть и инородный, токсичный, даже и враждебный?»

«Могу с вами согласиться, ежели это всего лишь ингредиент, но ведь его, этот самый западнизм, ещё надо в ингредиент превратить, мало того, вытравить его из сердцевины, а лучше сказать, из себя, да и не без натуги, выблюнуть, а как это сделать в рамках и силами действующего властно-управленческого режима, на такого рода подвиги, кажется, не очень-то способного?»

Голос: «Хм, сталинизмом запахло!»

«Нет, милостивые государи, не сталинизмом, а, уж извините... *Иным (акцентирует на слове)*, а оно — это самое Иное — подскажет, ничего при этом не говоря: *события, события, события (акцентирует на словах)* подскажут, кто, когда и как займётся сим преобразованием, коли нас, скромных мудрецов, не слушают и вовремя не делают потребное,

то придётся выслушивать события, как их уже выслушал тот же Батка, так ничего в них и не поняв, как слушают сейчас казахские ханы, хотя можно события не только слушать и слышать, но и понимать, соответственно на них реагируя, а лучше, ежели их предвидеть и избегать посредством и в ходе необходимых перемен».

Голос: «Как это делал Сталин!»

«В каком-то отношении и так, но Сталин принял страну в большом разладе, как, собственно, приняло страну и нынешнее правление, но сейчас не разлад, а... *не-до-ум-ение* (*произносит врасяг и нараспев, акцентируя на слове*), грозящее новым разладом, — и ничего не остаётся, как действовать, а ежели через *диктатуру* (*акцентирует на слове*), так она никогда и не прекращалась, лишь меняя знаки, цели, установки, личины, а потому...»

Голос: «Потребная к случаю диктатура!»

«Как вы, командарм, догадались! Однако обратите внимание на то, что к такого рода вещам ведёт сама реальность, в которой и субъекту место, и объекту, и Иному тоже, как раз та самая реальность, которой никак нельзя пренебрегать, в особенности той её долей, которая не на поверхности».

Крутая пауза

Голос: «Так вы, выходит за новую диктатуру, и чуть ли не сталинского образца?»

«Нет, совсем нет, это не я, не вы, вообще никто, тут всё иначе: диктатура, о которой речь, то есть открыто жёсткая, военного образца диктатура, как и та же революция, возникает более всего *сама* (*акцентирует на слове*), — вот что надо бы, уж извините, зарубить на носу и закрепить в голове, а вот чья, какая, с какой целью... тоже, знаете ли, по преимуществу само — не диктатор выбирает диктатуру, а диктатура выбирает диктатора, во всяком случае в больших, что называется, системах».

Озабоченная пауза

Голос: «Интересненько выходит!»

«Да-а, интересненько! Таково оно — бытие, такова она — история, такова она — судьба! Всё ведь идёт не так, как хотелось бы, в особенности мирным домохозяйкам, смирным торговцам и бойким рестораторам. Почему? А это надо спросить у Иного, которое и делает всё *иным* (*акцент на слове*), не таким, как кому-то, даже и императорам, хочется!»

Тихая пауза

«На этом я позволю себе закончить, и не только сегодняшнюю лекцию, но и наши встречи, завершив всё это следующими словами: «Дай нам Бог, учась у реальной были, избежать сталинского рецидива. Для чего есть немалые шансы, только надо ими умело воспользоваться!»

Недоумение в зале

Благодарю вас за внимание, терпение и, кажется, восприимчивость!»

Кратко поаплодировав, слушатели не стали донимать лектора вопросами, а лишь молча выразили ему взглядами признательность.

В кабинете трёхзвёздного генерала

Генерал: Спасибо, профессор, за всё вами высказанное — ясное, но в то же время и загадочное... э-э...даже магическое! Насколько я знаю, вам удаётся кое-что из вокруг происходящего предвидеть. Не каждому из светских мыслителей это удаётся. Дар свыше! *(Пауза)*. Однако, я думаю, что уместно было бы нам немного расслабиться и подкрепиться. Что вы предпочитаете, кроме доброго зелёного чая?..

Профессор (заметно усталым тоном): Бокал не менее доброго, чем зелёный чай, красного сухого, — надеюсь найдётся?

Генерал: Разумеется! А я с вашего позволения коньячку.

Профессор: Как не позволить, генерал, в вашем-то кабинете!

Генерал отдаёт по селектору чёткие указания насчёт всего благонамеченного. Переходят в комнату отдыха.

Генерал: Да-а, нелегко вести такого рода разговоры, да в такой аудитории, понимаю вашу усталость, но ничего, сейчас малость отдохнём.

Профессор: Благодарю за сюрпризное гостеприимство, генерал!

В комнате появляются адъютант с дамой в белом фартучке, вносят всё необходимое для маленького импровизированного пиришества. Бокалы наполняются превосходными напитками.

Генерал: За вас, профессор, и за ваше учёное подвижничество!

Профессор: Спасибо, генерал, и за вас тоже, за ваше нужное внимание к не очень-то нужной мысли!

Прикладываются к бокалам, отпивают благодатных напитков

Генерал: Не к ненужной, думаю, а к неудобной, не так ли?

Профессор: И так тоже. Я к этому, то бишь к неудобью и ненужности, привык, хотя... э-э... мерзавцы всю мою мысли пользуются, никак не ссылаясь, хотя всё у меня опубликовано.

Генерал: И правильно делают, причём в обоих случаях: что пользуются и что не ссылаются!

Профессор (заметно менее устало): Верно, не могу с вами не согласиться, генерал. Позвольте выпить за

понимающих и воспринимающих, они тоже есть, думаю, что и среди моих недавних слушателей тоже!

Отпивают по глотку и с в самом деле превосходных напитков. Закусывают.

Генерал: Есть они, есть, и среди наших тоже. Однако вы их немало озадачили своим неукротимым Иным, как и меня тоже. Рок, выходит, фат!

Профессор: По преимуществу, пожалуй, да, но иной раз... слышите — *иной (акцентирует на слове)* раз... вовсе и не рок и не фат, а, скорее, подмога, а то и фарт... э-э... как это, заметим, не раз уже случилось у нашего нынешнего правления.

Генерал: Вы имеете в виду экономический подъём нулевых и удержание экономики на плаву в дальнейшем, а также известные геостратегические события, включая крымские, сирийские, белорусские и другие, так?

Профессор: Конечно! Что ни говори, а кое-какой фарт имеет место, весьма и заметный — как позитивный ответ на потребности ближайшего Иного, да вот со стратегическим Иным не всё у нас, на мой взгляд, ладится, особенно по внутреннему контуру.

Генерал: А теперь что вы имеете в виду?

Профессор: От невзятия Тбилиси и до отсутствия в стране необходимых, слышите — *необходимых (!) перемен (акцентирует на словах)*, ибо то, что удалось состряпать по итогам 1990-х не отвечает ни потребностям нации, ни, уж извините, Иного.

Генерал: Знаю о вашей теории постреформизма, да ведь как на это решиться?!

Профессор: А ведь надо было, воспользовавшись тем или иным благоприятствующим событием: не смогли после грузинских событий, так надо было по следу крымских, на крайний уж случай по итогам выборов 2018 г. Но, увы... *ничего (акцент на слове)!* Даже в ковидную пандемию можно было проявить решительную инициативу, — ведь какой был шанс!

Генерал: Да-а, ваше Иное прёт из всех щелей. О-очень интересная идея!

Профессор: Не так идея, как идейная констатация реальности, пусть и не слишком очевидной, но всё-таки достаточно заметного свойства.

Генерал: Метафизического?

Профессор: Не научного же!

Генерал предложил тост за метафизику, профессор не отказался. Выпили. Закусили. Задумались. Первым заговорил генерал.

Генерал: Ситуация во всём мире очень сложная и очень тревожная, не только в России.

Профессор: Тупиковая!

Генерал: В смысле?

Профессор: Безысходная, апокалиптическая. Управители навязали и продолжают навязывать человечеству совершенно ему неприемлемое, самоубийственное. Отсюда и повсюду протесты, неважно под каким предлогом, кем провоцируемые и кем исполняемые: от американских «блэков» и французских «жёлтых жилетов» до белорусских студентов и

казахских боевиков. (Пауза). Протест (акцент на слове)! Тотальный, недвусмысленный и беспощадный! (Пауза). Восстание (снова акцент на слове)!

Генерал: К войне идёт, которая вовсю уже и идёт!

Профессор: О-о, она идёт уже давно, она уже даже не при дверях, а прямо в домах. Война миров (акцент на словах)! Теперь уже не мир с войной, мир-война (акцент на слове), да и не просто мировая война, генерал, отчего и «Ваше слово, товарищ маузер!», как восклицал ажиотажно несчастный поэт-громовержец, а в данном случае уже не маузер, а...

Генерал: Ваше Иное!

Профессор: (смеётся): Нет, не зря, совсем не зря я тут промучился с этим Иным! Да-а, товарищ генерал, на Иное надо отвечать Иным, и кто первый ответит, тот и выиграет. Тут война не так с текущей реальностью, как с Иным и в Ином. Вот тут какая каверза выходит!

Генерал: И поэтому надо действовать, пока Иное не проглотило верхи вместе с низами.

Профессор: С аморфностью, коррупцией и мошенничеством далеко не уедешь. Нужны крутые позитивные перемены, а ежели их нет, то они приходят сами, только уже (усмехается) иные (акцент на слове), а вот какие и для кого как, это уже дело реальной истории. (Пауза). Что ж, мудрый генерал, наговорились, пора и честь знать, по последней, пожалуй, стремянную!

Генерал (оживившись): Жаль с вами расставаться, но, может, Бог даст. ещё свидимся и поговорим. За вас, профессор, и за ваше Иное (улыбается)!

Профессор (охотно рассмеявшись): И за вас, генерал, и за ваше сакральное по нынешнему времени иновоенное бедение!

Выпивают положенное, встают из-за стола, прощаются, направляясь к выходу из кабинета.

Генерал: Задали вы нам, профессор, метафизического перцу, теперь только (*усмехается*) об Ином и будем думать.

Профессор: Но непременно в единении с происходящим вокруг *Этим* (*акцентирует на слове*). Уж извините за назойливость, но надо видеть, то чего не видно, чего даже как бы нет, а вот тут как раз и Иное на выручку, однако сквозь Это, сквозь Это, такое разное, такое закрытое и такое вот коварное, в общем *прозревать* (*акцент на слове*) надо, как учил нас незабвенный Александр Васильевич, *прозревать*!

Генерал: Сердечное спасибо, профессор, все уроки хороши и ваш тоже. От кого ещё *такое* (*акцент на слове*) услышишь? Спасибо! (*Деловито*). Вас проводят до машины, она в вашем распоряжении. До свидания, дорогой профессор, здоровья вам и удачи!

Профессор (смеётся): и вам того же! До свидания, может, и впрямь свидимся и потолкуем, а там, глядишь, и кое-что из нашего вдруг сбудется. Спасибо за тёплый приём. Прощайте!

Дневниковая запись

Иное — потаённая, суровая, неотвратимая и крайне судьбоносная сила, ключ к восприятию которой в лучах

софийной метафизики, даруемый лишь единицам. Это то, чего как будто бы и нет, но что реально тревожит реальность, её возбуждает, побуждая к переменам, ведёт, а в итоге и определяет, за ней надёжно и скрываясь.

Думы

Доехав на комфортабельном авто до своего дома и прогулявшись по привычным дорожкам своего зелёного, а в январе 2022 белого от снега, района, странник, придя домой и оказавшись за чаем в своём любимом, не занятом на тот момент дружественным ему рыжим котом кресле, глубоко задумался.

«Поняли ли его товарищи военачальники или нет, тут ничего не поделаешь, но зорким глазом опытного оратора профессор заметил, что кое-кто из заинтересованных слушателей его, конечно же, понял, и понял, безусловно, как раз то, о чём странник на полном свету не сказал бы — общую бесперспективность сфабрикованного в стране строя и его недоброкачественной ситуационной реализации, как и необходимость фундаментальных строевых и стилевых перемен, которые гладко, мягко и безболезненно вряд ли уже пройдут, а потому сомнительно, чтобы нынешнее удачливое-де правление на них решилось, а, скорее, оно будет стараться, мимикрируя то под правых, то под левых, то под отъявленных центристов, обойтись без существенных перемен, ограничившись даже не полумерами, а так — вербально-немотной имитацией. Драматическая в общем-то ситуация — тупиковая! Однако Иное почему-то благоволит правлению, само решая за него стоящие перед правлением задачи, но так долго

продолжаться не может, и настанет час X (икс), как он уже методично наступает вокруг, перебегая из одной бывшей советской республики, а ныне “независимой страны” (ровно настолько независимой, чтобы свободно и охотно податься в логово заокеанского зверя — на съедение, как та же Украина) к другой бывшей советской республике (от одной карикатурной тени к другой), — и выходит, что та же государственность, не говоря об имперскости, либо генетически предрасположена, либо генезисно выстрадана, а просто так, по-шпански, — не является».

«Да, клянут Россию, хулят, гнобят, отрицают, переделывают — и всё более по-мудачески!, а бытуют соседушки и даже процветают аккурат за счёт России, но не одних лишь ресурсов, а более за счёт её наличия на свете, её исконной парадигмы и исторической экзистенциальной магмы, выливающейся незаметно в мир; не будет России, никого из нынешних “государств-членов ООН” на половине земного шарика не будет, ибо не будет сакрального сингуляра в лице и в образе России, всё и вся, как это ни странно, удерживающей!»

«Что такое на самом деле Россия, а не тот же искусственный СССР, позитивно доказал товарищ Сталин, а негативно — гражданин мира “меченый”, каждый по-своему переворачивая не одну лишь ни в чём не повинную страну по имени Россия, а и весь мир, весь, да ещё, как тот же “меченый”, безо всякого заметного усилия. Вот что такое Россия! Ибо это не что иное, как сакральная идея, земно-космический сингуляр, проект Божий, его софийное достояние.

Никак не поймут, сволочи, что мир зёмный — идейно-информационно-духовная матрица, в которой центральное, вполне и трансцендентно-метафизическое, место принадлежит России, а не Европе и не США. Америка с Европой сдохнут, никто на Земле и в Космосе не охнет, а вот ежели Россия вдруг исчезнет, то ничего на шарике и не останется, ибо она — Россия — скрепляет всю земную матрицу, всё человечество, всё бытие, всю историю. Чем же? Неотмирьем своим, не-от-мирь-ем! Россия прямо оттуда — от Изначалья, от Иного, от Неизвестности, следственно, и от Бездны, от Преисподней, от Тьмы, но при этом и от Неба, от Света, от Бога!»

Тут мудрец, несмотря на..., а то и благодаря обуревавшим его ипохондрическим мыслям, как-то внутренне осел и... задремал, не уходя, конечно же, при этом ни в какую Нирвану, ни в какую оторопь, а всего лишь... *в себя*, как раз в того самого, что на связи и на решении, называемых обычно подсознательными или интуитивными, а на самом деле трансцендентно-сверхсознательными, как раз иномирными, ну и, само собой, вестническими. «Поцелованный Богом», как выразился однажды о нём один его верный друг-товарищ, — «поцелованный» или нет, но вот «избранный среди званых», наверное, — да, не счастливчик вовсе, а более всего страдалец, возмездно получающий непонимание, отрицание, незамечание, разумеется, не ото всех, есть и «слабые звенья» — из понимающих, признающих, замечающих, пусть и немногие, но зато *какие*! В итоге он не один, а с «кластером» или в «кластере», аккуратно в его центре, что для него как бы счастье, но как бы и несчастье, а в целом — большая удача с мощной бронезащитой!

Спит и видит, ничего кроме призрачных снов не видя, и думает, ни о чём не думая, и решает, ничего не решая, а в итоге... ох!.. что же в итоге? — а-а, да... *озарение!* — что поделать, коли всё так и вершится, хотя и не только так, на бодрствующую голову тоже — как финальный добавок ему в утешение!

Оказался ли одарён открытиями странник во время того сна или нет, доподлинно неизвестно, но вышел он из сна... нет, не *иным*, которым он уже был давно... а... *воодушевлённым*, однако на что или же по какому поводу, то ни на что и не по какому поводу, а так, вообще, по случаю, вопреки, наперерез, назло, если хотите, ибо он давно в борьбе, всегда в борьбе, давно уже в оборонительно-наступательной стойке, и, получая удары, он ни разу не упал ниц, уклоняясь, отвечая, лавируя, уходя даже в тень, чуть ли не в навь, иной раз и благоразумно отступая и уступая, чтоб не вляпаться, зато всегда добиваясь *своего*, а именно — *иной мысли* всего-навсего, чего ж ещё, нередко и восклицая про себя аки Пушкин : «Ай-да вестник, ай-да сукин сын!», а почему же ему было иной раз не воскликнуть, ежели так оно в реалиях и было, и есть, и будет: Тайна и Великое Неизвестное, метафизис с метафизикой, метасмыслология с полилектикой, Иное с работающей трансценденцией, выворачивание с выворачиванием вывернутого, не говоря уже о Бездне с Преисподней, да мало ли ещё что, за чем стоит *изначалье*, *иномирье*, *инореалье*, а он им верный *сорботник!*

У Главковерха

Главковерх неожиданно попросил мудрёного профессора прибыть к нему для краткого разговора.

Поблагодарив учёного гостя за прочитанный им перед генштабистами курс, он, не мешкая, прямо обратился к гостю с вопросом:

— Так значит нас всех ожидает *иное* (*сакцентировал на слове*), не это и не то, в общем — не то, что есть и не то, о чём помышляем, тогда *что* же (*акцент на слове «что»*)?

— Иное, — ответил гость, — что я вам могу ещё сказать, ежели ничего иного не знаю.

— Не лукавьте, профессор, знаете ведь!

— Знаю, но не скажу более того, что уже сказал.

— И всё-таки?

— О-о, ZZ, вы многого хотите, не жалея моей головы! А мне представляется, что голова мне ещё потребна, несмотря на уже преклонный возраст.

— Это самый что ни на есть убедительный возраст, в особенности после того, что вы уже сказали в своих книгах и статьях, в лекционном курсе.

— Так ведь там всё уже сказано, ZZ, что вы теперь от меня хотите?

— Истины! Прямо как Понтий Пилат (*усмехается*).

— Пилат обратился не по адресу, ибо реальную истину знал не растерянный Иешуа, а собранный в кулак Афраний, который, собственно, всё и разыграл...

— Что всё? — не выдержал главковерх, прервав гостя.

— Всё!

— И *этого* (*акцент на слове*) тоже?
— И *этого* (*акцент на слове*) тоже.
— Ничего себе! Я об этом не подумал, когда читал ваш
глубокомысленный «Реквием».

— Читали?!

— Да, читал.

— Ах, вот почему вы уделяете мне внимание, понятно!

— И поэтому тоже, но не только.

— Но я, скорее, Иешуа, чем Афраний, быть может, и что-то знаю не хуже Афрания, а может, и получше, ибо всё-таки я не Иешуа, а попросту я (*акцентирует на букве-слове*).

— Да, — задумчиво произнёс главковерх, — не Иешуа и не Афраний, а автор «Реквиема», а это, согласитесь, немало.

— Есть такая (*иронично*) профессия — думать, открывать, упреждать, предлагать, так ведь не слушают, даже не отвечают на прямые обращения, прячутся. Не понтии, прямо скажем, пилаты, даже и не афрании, а так... подобия, да и то кривые. (*Пауза*). Однако я их понимаю, нелегко им соединить Карфаген с Римом, а надо бы к России как таковой обратиться.

— К какой же, к неотмирной что ли, тогда как?

— С любовью, тут я Иешуа, и с умом, тут уж я Афраний.

— Да, нелегко с вами, мудрецами!

— А вы ещё кого-нибудь знаете... из живущих?

— Да нет, правда ваша, не знаю, оттого вот и с вами общаюсь.

— Впереди (*меняя русло разговора*) перемены — факт! Но вот какие? Конечно, тяжкие, упругие, силовые. Но для

этого должна созреть ситуация, примерно, как в Белоруссии, Армении, Казахстане, да и как на той же Украине зреет, впрочем, и в США с Европой, почти повсюду, и у нас зреет... зреет, уж вы мне поверьте, да и вы сами чувствуете, мало того, знаете. *(Пауза)*. Я хоть и не Иешуа, и не Афраний, но зато, вслед за Булаковым, их, знаете ли, автор, а советую вам, как уж извините, Понтию Пилату, не запачкать руки, когда надо будет их только умыть, а когда надо будет не умыть, то следить за Иным, чего ни у кого нет ни в головах, ни в писаниях, кроме вашего покорного слуги.

— *(Задумчиво)* Хорошо сказать!

— Следите за ситуацией, которая хоть и непрерывно меняется, но в тупике, и за событиями, которые уже есть и которые ещё непременно будут, включая и роковые!

— Значит, не скажете?

— Нет, не скажу, но не потому, что боюсь или не уверен, а потому что так надо, не хочу мешать Иному.

— Ах, опять это ваше Иное!

— Но ведь это и есть ваше главное оружие, ZZ, вы — *посвящённый (акцент на слове)*. *(Пауза)*. Время не ждёт, но оно ещё не пришло!

— Опять эти ваши загадочные афоризмы! Впрочем, иначе нельзя, я вас понимаю.

— Скоро, скоро, а вот когда, следите *сами и только сами (акцент на словах)*, тут ни один мудрец, которых, впрочем, вокруг нас и нет, не поможет. Я дал вам не в руки, а в голову великое оружие, так воспользуйтесь им.

Несколько натянутая пауза

— Да-а, ловкий вы, простите, старец, чуть было не сказал — малый, и говорите ясно, и от ясности ловко уходите.

— Школа, знаете ли, школа, как раз у сильных мира сего, точнее, умно-ловких мира сего, а они великие хитрецы, правда, они от сего мира, а я всего лишь не от мира сего.

— От Иного, стало быть!

— Возможно, хоть это и круто!

Облегчающая разговор пауза, во время которой странник открыл свою красивую рыжекожую сумку и вытащил из неё небольшую брошюру

— Если позволите, ZZ, я хочу вручить вам брошюру, которую я писал аж в 1992 — 1993 гг., а опубликовал в 1994 г., под названием «Российская Реформация», когда я был ещё наполовину экономистом и уже наполовину философом хозяйства, но ещё не метафизиком и уж тем более не софиасофом, то бишь вовсе никаким не мудрецом, а так... к нему прикидывшем. *(Пауза)*. Это не просто брошюра, конечно, а смысло-функциональный бриллиант, в котором, как в хорошем сингуляре, сразу *всё (акцент на слове)* и есть, отчего он как ярко по-радикальному сверкает, так и вкрадчиво горит тихим мудрым светом. *(Пауза)*. Думаю, что она ответит на многие ваши вопросы, кроме одного: «Когда и как?». Тут уж дело самой реальности...

— *(Перебивает гостя, продолжая его мысль)* ... и вашего Иного!

— Да-с, и нашего с вами Иного, — факт!

Убедительная пауза, во время которой главковерх рассматривает брошюру, не веря своим глазам

— Так это было сказано *тогда* (*акцент на слове*)! — удивлённо говорит он, — и никто об этом не знал?!

— Знали, очень даже знали, но алчность с западнизмом намертво вцепилась уже даже не так в ещё разрушителей, как в уже присвоителей, а попросту в грабителей, в знаменитых «прихвизаторов». Страна была пущена в расход и, как заметил мне один из высоких чинов как раз *оттуда* (*акцент на слове*), тогда уже, конечно, бывший, «даже не бандитами, а хуже, с которыми, в отличие от бандитов, даже договориться нельзя».

Глубокомысленная пауза

— Да, понимаю, но ведь сегодня, как будто бы, всё по-другому, пусть и не без 1990-х хвостов?

— Но не *по-иному* (*акцент на слове*), а потому и потряхивает где-то в социоглубинах страну, ох, как потряхивает, почти что и незаметно, но зато как потенциально грозно, и идущий из подземно-подпольных глубин тревожный гул мало что надо слышать, ещё и надо на него реагировать, как раз *по-иному* (*акцент на слове*), то бишь предупредительно-перестроенчески.

— По-постреформенному!

— Совершенно верно, как в этой скромненькой брошюрке давно, аж 30 лет назад, было сказано.

Явно завершительная пауза

— Что ж, спасибо вам, непризнанный мудрец, во всяком случае, широко не признанный, может, кстати, и к лучшему! Счастлив был с вами снова побеседовать — редкость, она и есть редкость! Спасибо!

— И вам, как говорится, спасибо, не обессудьте, если что не так: мы ведь не от мира сего, всякое бывает! До свидания!

Удовлетворённые беседой, по-товарищески прощаются, хозяин кабинета провожает странноприимного гостя до дверей

«Да-а, — подумал главковерх, направляясь к своему рабочему столу — непростые у нас в отчизне водятся умники, очень непростые, загадочные!»

Едучи в авто домой, странник наш неторопливо думал: «Да-а, пиши писания, старайся, страдай, а реальность людская идёт по-своему, никак не взирая на пророческие писания, на которые ей попросту наплевать. Великая тут, почтика и безобразная, тщета! Однако не совсем: писания тоже работают на реальность, её незаметно меняя и не без жестокости мстя своим самоуверенно бестолковым неслухам — каждому в свой срок, бумерангом... через ноосферу. Так вот!»

Ничто при это мне помешало страннику-страстотерпцу незаметно погрузиться в удовлетворительную дрему: как никак, а ведь доходит!

Дневниковая запись

Что бы ни проповедовали религии, что бы ни вещали мудрецы, что бы ни исповедовали честные люди, что бы ни провозглашали комиссары, как бы ни старались ревизоры и инквизиторы, а человек как был человеком, так им и остаётся: либо врождённо и частично воспитательно бывает именно человеком, либо врождённо и частично благоприобретённо оказывается лишь по внешнему образу человеком, хоть и тут уже весьма приблизительно (Бог, как известно, шельму метит, особенно, глазами, мимикой, а не только бородавками, пятнами, сросшимися на ногах пальцами, да мало ли ещё чем, даже и улыбчивостью), а по сути-то вовсе и не человеком, а так, *полу-человеком, недо-человеком*, а то и впрямь *чистым бесом*, но что интересно: существом активным, инициативным, победным, хоть и не всем этим «человекам» светит большая удача, случаются сплошь и рядом и неудачи, вполне и сокрушительные, да вот фартит всё-таки достаточно многим, пусть и до срока, — *легиону*, как известно, и очень большому легиону, можно сказать, бесчисленному!

Высокомерие, алчность, лживость. беспощадность, трусость и... *страх* — вот они, ведущие качества-отмычки, сих нечеловеков в человеческом, весьма, правда, на погляд и сомнительном, образе-параде. А сколько среди таких вот человекообразов умных, талантливых, обаятельных, даже по своему и красивых, но... игроков, игроков!

Бесов!

Легион, он, конечно, легион, хоть и бесчисленный, но всё-таки не бесконечный, а что же миллионы, они же и

миллиарды, землян, не падки ли они на лесть, дармовщину, на милость, соблазны, на сказки и ложь (в особенности правдоподобную), на сносное рабство, на словесную канитель, на зрелища, на веру, надежду и любовь, на призрачно-статистическое счастье, которое вроде ясного неба среди непрерывного громового ненастья, на тот же «мир во всём мире», чтоб «лишь бы не было войны», а главное — на трусливо-блаженное оправдание всего и вся, то бишь самого вселенского зла, хотя, конечно, есть и другие на Земле миллионы, хоть и не миллиарды, а может, и не миллионы вовсе, а так — кое-какие массы, сами что надо и постоять за человека с человечеством могут, да всё как-то без конечно благого результата: стараются, вещают, делают, борются, гибнут, а воз человекообразный всё там же — в болоте псевдочеловеческом!

Тщета, она и есть Тщета, куда от неё?!

Закон!

Неожиданное послание

Странник вдруг получил нарочным тщательно запечатанный, чистый, безо всяких надписей конверт, как оказалось, от главковерха. Вскрывает, вытаскивает записку, читает.

«Прочитал взхлёб вручённую Вами брошюру. И дело тут не в том, что нет пророка, как и попросту большого самостоятельного мыслителя в родном отечестве, а в том, что отечество ни тогда, ни сегодня, ни завтра не в состоянии со своими двусмысленными элитами принять... нет, не очередную утопию (утопию-то оно как раз приняло, уже который раз, и, видно, примет и ещё, если жёсткая рука не пресечёт

это порочное увлечение), а... **идеал**, который Вы как благородный человек и верный гражданин известили Отечеству, хотя считаю, что такой идеал надо не просто иметь в виду, а держать перед собою, проявляя всякие судьбоносные для страны инициативы и принимая рокового характера решения. Теперь лучше понимаю Ваше Иное: иномысль, инопроект, инодействие! Спасибо за Ваш гражданский интеллектуально-духовный подвиг!»

Новое послание от главковерха

Всего лишь с коротким не имеющим простого и точного ответа, вопросом: «А что там вещает нам, NN, Ваше Иное?»

Странник, конечно же, ответил: «Грядут большие перемены, но не те, о которых всюду болтают, отчего надобно ждать, внимая событиям и втягиваясь в смыслы, — как раз в иные! — происходящего. Критерии: реальность в ущерб о ней говоримому; народ первее правления, ибо народ стоит, лишь вибрируя, а правление плавает, не находя себе места; Россия как главный идейно-духовный ориентир, ибо никакого другого для нас попросту нет. Иное непременно даст о чём-то знать, однако внезапно (можно и пропустить); невероятно (такого не может быть никогда!); загадочно (тайное никогда ведь не явное, а явленное всегда, как нам известно, иное, да и опять же, тайное). Восприятие конкретики за Вами, Вы её вообще лучше знаете, за мной лишь посильное пронизывание реально потаённого. Там и там — искусство, причём искусство невозможного: не вляпаться бы, отчего глазомер и расчёт, интуиция и прозорливость! Ну и

выдержка, правда, не сталинская июня 1941 г., замешанная на помрачении, а суворовская — ясная и озорная! С глубоким уважением NN».

БЫЛЬ НА НЕБЫЛЬ

«Тет на тет»

Они долго не виделись, многие годы, а сейчас вдруг встретились — из потребности общения, аккуратно в жуткое ковидное время, но не для обсуждения пандемии и всего с ней связанного, а так — ради самих себя!, и для встречи выбрали кафе под альмаматеровским именованием, что обоих особо и устроило. Сделали заказ, дождались вина с закуской, разговорились.

— За встречу, очень рад тебя видеть!

— Я тоже рада. За встречу!

Соприкасаются бокалами, пригубливают вина — итальянского. Добротного.

— Как давно мы не виделись, сколько воды и времени утекло!

— И жизни тоже! Но я в курсе ваших дел. (Пауза). И писаний тоже. Это, конечно, подвиг! (Пауза). Трудно вообще представить что-то подобное: какой колоссальный труд и какой взлёт!

— Полёт, пожалуй! Не буду отрицать ни того, ни другого, ни третьего: провидение, судьба, да и обстоятельства постарались, ну и поддержка соратников, в особенности героическое участие соратниц.

— Куда ж без нас, без женщин.

— А потому за всех тружениц-соучастниц и за тебя! (Пауза). Тут уж мне действительно повезло, чего бы я достиг без них, причём, знаешь, не только в объёме и разнообразии проделанного, но и в заложенных в тех же писаниях смыслах (Пауза). Кто, кроме женщин, выслушает тебя, поддержит, восхитится. Ах, эти Магдалины с Маргаритами, что мы творцы-де без них, без восприимниц и пособниц, без верных союзниц?!

— Ладно, не преувеличивайте: ручки и глаза, может, и наши, а мозги с руками, творческое перо держащие, всё-таки ваши.

— Да нет, я не преувеличиваю: факт, он и есть факт — «без женщин жить нельзя на свете», но ведь и творить тоже нельзя, точнее (*смеётся*), невозможно, а если и возможно, то по-другому, не так, явно хуже... так что за женщин, разумеется, наших, и, как у нас в коллективе в доковидное время говаривали по случаю застольных слётов, «в хорошем смысле».

Выпивают за женщин «в хорошем смысле», закусывают, молчат.

— Как прошёл ваш юбилей. В позитиве?

Глубокая пауза

— Да-а, неплохо, совсем неплохо, даже хорошо: без помпы, слава Богу, да и душевно. Я и не ожидал такой степени признания, уж очень привык к непониманию и игнорированию, даже и к отрицанию. Были задеты и вполне существенные вещи, как раз «в хорошем смысле», и не одна философия хозяйства, но и моя метафизика, даже мои Иное с софиасофией. Грех не то что жаловаться, но даже и натужно скромничать: признание, пусть и не всеобщее, пусть и по исключительному поводу, состоялось, да ладно бы от своих, что не удивительно, а то ведь и не от своих тоже, — *задумались (акцентирует на слове)*, наконец-то!

— Вот и хорошо! Давайте-ка за ваш юбилей, точнее, за ваши достижения, так или иначе замеченные на юбилейных торжествах!

Тренькают бокалами, выпивают вина, взглядываются друг в друга с нескрываемой симпатией.

— Да... и в самом деле замеченные, особенно не своими. *(Пауза)*. Я тут принёс для тебя последнее своё произведение, как бы итоговое, частью биографическое, частью концептуальное, частью отчётное, в общем — разное, под нестандартным названием «Отшельник, или Вестник не от мира сего». И ещё сборничек очерков в мою, так сказать, честь «Предназначение», сотканный в секрете от меня моими благородными соратниками. Круто, скрывать не буду!

Передаёт книги собеседнице. Та их берёт, сходу рассматривает, немало и поражённая.

— Да, в самом деле круто, особенно это ваше загадочное, как всегда, произведение! Буду читать! Может, и другие ваши вещи за последнюю дюжину лет, как раз после «Реквиема», дадите?

— Разумеется!

— Тогда за ваш словесно-метафизический дар, мало что уникальный и универсальный, но и бесценный!

Бьются оживлённо бокалами, с удовольствием пьют оставшееся вино. Заказывают итальянского вновь.

— Вот видите: и мирской отшельник, и вестник неотмирный, и заядлый мыслитель...

— Но, — перебивая собеседницу, — немало и отверженный!

— Ну уж, — удивлённо парирует она, — пусть не понимаемый и не принимаемый, как это было с той же «Теорией хозяйства», не понятой и не принятой коллегами из тех, кто навеки увяз в марксизме или увидел «свет истины» в экономиксе (это-то как раз объяснимо: так ведь всего проще), но ведь и не отверженный же!

Упругая пауза

— Как сказать, знаешь ли, в глаза, вроде бы, и «вклад», и «школа», и даже «новое течение гуманитарной мысли», а при первой возможности... э-э... не критика, конечно, а умолчание, как будто бы ничего и нет, хотя передо мной, как известно, стался альмаматовский Сергей Булгаков, да и мы

весьма постарались, и ректор это отмечает, правда, только в своих благодарственных грамотах, а вот публично об этом достижении не говорит и почему-то продолжает упорно настаивать, что на гуманитарном универсфронте нет никаких концептуальных прорывов, хотя тут, пардон, не прорыв, о целое цунами, сносящее всё надуманное под точной-де научной крышей: а вот, оказывается, «ничего прорывного нет».

— Потому и не признаёт, что цунами, да и что вы хотите, давно ведь известно, что нет пророка в своём отечестве?!

— Да и в своём времени тоже, — это-то понятно, но хотя бы признать за альма-матер право открытия, а ведь это всё — открытое, поднятое и водружённое — не что-нибудь, а единственное в истории России *совершенно российское достижение в среде гуманитарной мысли*. Единственное! Ничего другого ведь нет, кроме, пожалуй, русской софийной философии, однако всё-таки мысли религиозной, пусть местами, квазирелигиозной, да и достаточно всё-таки ещё рыхлой.

Берёт бокал с прибывшим вином и не без удовольствия отпивает. Молчит.

— Что вы хотите от официоза, Мастер, у него ведь свои задачи: самому уцелеть и дать возможность уцелеть многочисленным другим — не столь мастеровитым? Да и, пожалуй, самое главное, а *вдруг* это кому-то где-то наверху почему-то не понравится и ...

— Всё так, но у официоза есть и другие задачи: марка и честь заведения, которому официоз вроде бы служит,

причём заведения, прямо скажем, не вчера возникшего, уж скоро как 350 лет минет, не то, что наш с тобой факультет, всего лишь 80 лет назад, кстати, в декабре 1941-го, когда немцы-то ещё были под Москвой и очень неохотно от неё отступали, но ведь он — факультет наш — всё равно уже с немалой историей, известной маркой и, само собой, честью.

Пауза

— А чтой-то вы вдруг о факультете заговорили?

— О-о, есть что поведать! Совсем свежая картинка, аккурат конца декабря 2021-го. Торжественное заседание Учёного совета в честь 80-летия факультета с некоторым числом официально приглашённых. Я по случаю ковида (и Провидения, видно, тоже) остался дома и смотрел сие шоу, — дань времени! — онлайн'ом. И вот в один прекрасный момент в рамках основного доклада на большом экране, что на сцене, появляются два слайда с достижениями факультета: сначала перечень научных школ, в котором не нашлось места для моей школы, может, единственной или одной из немногих, имеющих государственную регистрацию, и немалое общественное и даже номенклатурное признание, а главное, с оригинальным, не имеющим аналогов ни в России, ни в мире, смысловым содержанием, а затем на экране появился список факультетских журналов числом в четыре, естественно, без моего 20-летнего детища!

— Что-о, серьёзно?!

— Да, представь себе! Нас как бы и нет! Каково?

— Это ж прямо-таки преступление, причём и против факультета, и против университета, да и вообще науки!

Вздохмаченная пауза

— Хорошо, что меня там не было, как чувствовал! А вот ведь в благодарности ректора к моему юбилею (мы ровесники с факультетом) всё отмечено: и научная школа, и журнал, как и многое другое.

— Вот и выходит, что достижение будто бы есть, а вот *достояния* (*акцент на слове*) как бы и нет! *Сам* же факультет от *своего* же достояния отрёкся! Вот уж, право слово, вспомнишь унтер-офицерскую вдову.

— Зато есть *беззаконие* (*акцент на слове*)! Трудно *такое* (*акцент на слове*) себе представить, но *оно* (*акцент на слове*), увы, свершилось! А ведь юбилей факультета, его славная история — и какое ему оскорбление!

— Да и вам тоже!

— Я-то ко всему подобному привык, что поделать — учёный мир, он ведь совсем не сладкий, но ведь есть известная институция, её история, её судьба! Понять происшедшее в терминах достоинства невозможно, его можно только принять... не принимая: факультет по духу своему был и пока остаётся, пусть уже в высыхающем остатке, фундаментальным, теоретическим, политэкономическим в конце концов, а всего этого как будто бы не было и нет! Так что дело тут не только во мне и в моём размыслизме: цифра берёт верх над словом!

— Так и хочется воскликнуть: «Зачем, ребята, такой грех на душу берёте, зачем?» Бумеранг всё равно прилетит, неизвестно какой и откуда, с какими последствиями! Разве мысль прихлопнешь! (*Пауза*) Не расстраивайтесь, хоть это вовсе и не пустяки. Как они жить-то будут дальше после такого?

Угрюмая пауза

— Как? Э-эх... победителями, разумеется... до поры, конечно, им кажущейся непрерывной и дальней, а бытие-то оно такое... бац!.. и всё вокруг вдруг уже по-другому, да так по-другому, что только ёжится остаётся, пряча голову в колких потёмках от наступившей неожиданно-негаданно новой реальности!

Бряцают бокалами, допивают вино

— Да-а немало интересного вы мне поведали. Неестественный мир, искусственная наука, искусственное образование, неестественные жесты. Жаль!

— Всё тут, что называется, в соответствии. Ну что, линяем?

— Линяем!

Расплачиваются, выходят из заведения. Дышат свежим градским воздухом. Подходят такси. Расстаются, направляясь каждый к своей колеснице, договорившись ещё когда-нибудь встретиться.

«Вот те на, — подумал сходу странник, — задело-таки, да и как тут всё непростенько... **идеал!**... что ж, может, и так, но ведь... *не только!*»

Эсэмэска

«Читаю, поражаюсь, балдею! Сколько всего ценного Вами сказано, да и когда — когда как раз никто ничего

подобного не говорил, вовсе не зная, что говорить, боясь собственной тени! Теперь-то болтают, когда стало вдруг можно, Вас при этом беззастенчиво грабя и нестыдливо повторяя — без ссылок при этом! Интересный вообще-то феномен: Вы есть, все знают, что Вы есть со своими трудами и открытиями, но Вас как бы и нет, и все знают, что Вас КАК БЫ нет: к сожалению это всё или к счастью?! Но я-то точно знаю, не только то, что Вы есть, но и цену Вам знаю. Вот и хочу быть и полезной, и причастной. Обращайтесь!»

Ответ: «Непременно обращайтесь! Спасибо за поддержку! А сожалеть или радоваться, так скорее, принимать как есть, это самое правильное. Главное, оставаться собой и пребывать в потоке, льющемся оттуда — сверху, а ползучий или же скачущий ход вещей сам всё и решит!»

Ещё эсэмэска

«Согласна, но всё равно как-то странно и обидно, мне, по крайней мере, хотя Вы и правы: надо терпеть и прощать, даже тех — с факультета: ход вещей ведь богаче, хоть, увы, и не сильно справедливее. Успехов! P.S. А ведь они Вас там всё-таки ценят — и на факе, и выше!».

Дневниковая запись от 15.01.2022

Вот и прилетел разящий бумеранг в елбасыево логово — не без содействия своих же или как бы своих! Это за русских, прежде всего, изгнанных из «государства», ну и за всех униженных и оскорблённых — уже и «коренных». На

внешние происки, хотя они и есть, всего не спишешь: высокомерие, произвол, алчность, беззаконие, проклятый западнизм, но и ещё не проклятый, но ждущий нового своего рокового часа, пантюркизм... о-о!... тут пролог как раз для всех «бывших союзных», а ныне едва здравствующих «независимых», нам бы самим не вляпаться, ибо Россия вне аналогов, эталонов и графиков, да и бумеранг её поджидает совсем другой... *особенный!*

Никак не поймут свежеиспечённые главари «новых государств» что не быть им ни царями, ни ханами, на шахах, ни тем более императорами, не из того, знаете ли, они теста, да и печь не та, а может, как раз та, как у досточтимого Елбасы! Где Македонский, где Цезарь, где Бонапарт, где Гитлер, разве лишь Сталин, так ведь именно *Сталин*, а не Джугашвили, а ещё и партия, и НКВД, и Россия с Пушкиным! — интересно, не правда ли?!

Брошюра-выстрел, брошюра-залп, брошюра-канонада

Недаром, ох, как недаром, обратил главковерх своё отточенное образованием, служением и неординарностью, включая и нестяжание, острое внимание на «Российскую Реформуляцию», и совсем недаром, ибо уловил главное: вот она — **концепция России**, которую, конечно, не исполнять слепо надо, а которой бы надо зряче руководствоваться.

Ничего подобного он ни у кого не видел, даже и у И. Ильина, ибо родиться сия концепция могла только *после СССР*, перед *дурной неизвестностью* и в момент падения

страны в *тухлую прозападную бездну* (в *антимир*, стало быть!).

В глухие к России 1990-е сия брошюра, писанная в жуткие 1992-1993 гг., аккурат после Беловежского путча обалдевших от свалившейся на них власти и открывшихся перед ними западно-буржуазных перспектив глав «республиканских режимов», сия брошюра прозвучала как вовсе не отчаянный, а вполне уверенный в себе выстрел (не из охотничьего ружья или даже боевой винтовки, а из вполне себе зычно-раскатистой пушки!), услышанный (всё-таки 500 экземпляров как-никак), но не принятый в действенное внимание не то что правящей тогда «рыночной шайкой», но даже и так называемой оппозицией, среди которой не нашлось тогда не то что Ленина со Сталиным, скорее же, Сталина с Лениным, но даже и волевого Столыпина, в общем, никого не нашлось, кто хоть что-нибудь понимал в происходившем в непонимаемой ими стране — родной, кстати, стране!, в которой всё это невообразимое даже не происходило, а безобразнейшим образом творилось. Не было страны ни как субъекта, ни как идеи, ни как матрицы, ни как концепции, не случилось у неё и её — ей родного! — лидера-спасителя!

Катастрофа, она и есть катастрофа!

Так что выстрел тогда состоялся и даже был услышан, но прозвучал он среди хваческого хаоса, экзистентной пустоты, аморальной сквернины... бац!.. и в ответ... *ничего* — НИЧЕГО!, как это у нас вообще принято, никакого тебе в реалиях отклика!

Однако текст не исчез из страновой, вовсе тогда и не российской, тем более, не русской, ноосферы, хотя брошюра не переиздавалась, широко не распространялась, не

вдалбливалась псевдогражданам псевдостраны и никакие программы оппозиционных-де партий не задевала. Текст сам вошёл в эгрегор постепенно опоминавшейся страны, всё более чувствовавшей себя Россией, мало того, снова выстрелил в 2000-е, но уже *громогласным залпом*, услышанным не отдельными персонажами тяжкой эпохи, а самую страну — *Россией!* Разумеется, он реализовывался и жил тогда в других текстах нашего мудреца со товарищи, доходивших до самого верха и на происходившее в стране немало влиявших. Эгрегорный ноосферный текст сочетался с новыми реальными текстами, что и давало свой резонансно-сотворительный эффект: текстовка вытягивала из засевшей было в Нави страны уже явскую Россию, выдавливая из страны гнусный для неё западнизм, впрочем, это последнее без большого успеха, хотя вовсе не так уж и безуспешно.

Опутанная глобалистским западнизмом, страна, как ни странно, оживала и поднималась, и что было ещё страннее, не без поддержки — разумеется, господско-колонизаторской, — «цивилизованного» Запада, рассчитывавшего окончательно приручить страну в роли эксплуатируемого им и им используемого в своих антивосточных интересах вассала. Немало у Запада, точнее у США, тогда получилось. Однако не всё и не до конца, что стало ясно в момент громоподобной Мюнхенской речи российского лидера, одновременно обвинительной в адрес Запада и охранительной в отношении страны, всё более ощущавшей себя Россией.

И разве не сыграли в мюнхенском происшествии, а потом в разных событиях, вроде отпора агрессивной Грузии, возвращения Крыма, поддержки Донбасса, а также в появлении президентских смысловых инъекций, вроде

«консерватизма», «патриотизма, «крупнейшей катастрофы XX века» (это о крушении СССР), как и в повышенном внимании к феномену Великой победы в Великой войне, да мало ли ещё в чём, текстовые залпы «катюшечного» типа, исходившие от странника и его товарищей по интеллектуально-духовной борьбе за страну, за Родину, за Россию?!

О-о, тут нет никакого преувеличения, скорее наоборот, гуляет по отечественной ноосферной арене недооценка — частью стихийная, а частью и осознанная, да вот от реальности никому не уйти — что тем, что этим, как бы те и другие укрыться, а то и удрать от неё ни старались.

Достаточно взглянуть на тексты и на время их появления на свету, чтобы убедиться в том, что не то что «рукописи не горят», а что тексты не только не исчезают, но и всю работу, сначала выстреливая, потом залпируя, а потом, знаете ли, грохоча канонадой, в нашем случае уже в 2010-е и 2020-е гг.

Что, скажите, господа хорошие и товарищи дорогие, не так в этих текстах об Отчизне, о Родине, о России, о той же нынешней Российской Федерации, как и о зёмном мире в целом и по частям, как в позитивном ключе, так и в негативном, а главное — в промыслительно-долженствовательном, — что?!

И вот оказывается... *ничего!* — всё там *так!* — и после такого заключения есть ещё желание учить странника со товарищи прозападной мудрости, точнее, прозападному безумству, которое не просто ныне налицо, а которое всю уже разбушевало в отчаянии от своего бессилия и неумолимо наступающего предсмертия, провоцируя нервность, опасность и страх.

Отсюда и «Ультиматум» Западу, который уже куда как похлеще мюнхенского выпада будет!

И что ж, странник со товарищи тут разве в стороне, и их тексты, начиная с «*Российской Реформации*» (1994 г.) и кончая тем же «*Российским разворотом*» (2021 г.), не имеют никакого значения?

Ошибаетесь, господа хорошие и товарищи дорогие, очень даже ошибаетесь, делая вид, что тут ничего особенного не происходит — так себе, буря в стакане воды, ан нет, ибо за всем этим... *правда*, которой вроде бы в эпоху «постправды» уже и нет, а она, видишь ли... *треклятая*... есть!

Вот уж беда, так беда!

Конспирация

Хорошее это дело — конспирация, нечего сказать, увлекательное, да ладно бы у спецслужб, в разведке там или, наоборот, в контрразведке, в тех же тайных обществах, включая и уголовные, а то ведь повсюду — что личная, что семейная, что общественная, в особенности административная, государственная, вообще управленческая.

Соккрытие фактов, сведений, информации, деяний, ну и намерений, планов, хорошо если у тех же военных организаций. а то ведь у любых. Если подумать хорошенько, то бо́льшая часть бытия человеческого, особенно цивилизационного, да и не только человеческого, проходит в сокрытии, в тени, в темноте, в тайне, за кулисами, в зазеркалье.

Только круглый дурак не верит, убогий, в заговоры, поминая при этом в своё оправдание ловко ему подброшенный «пирожок» в виде пресловутой «теории заговоров», в

которой он, дурак, как раз не без удовлетворения и облегчения и верит.

А что из происходящего вокруг так называемого исторического обходится без того или иного заговора — от безобидного картельного сговора до судьбоносного политического? Может, горбачёвская перестройка не была заговором, причём более глубоким и дальнобойным, чем сами перестроечно-разрушительные события, бывшие на поверхности, да и что можно сказать верного и убедительного об этих самых событиях, не говоря уж об их теневой подноготной? Или тот же Беловежский путч, разве это не заговор? Или восстание Верховного Совета в 1993 г.? Или «победа» Ельцина на выборах 1996 г.? Или же приельцинская авантюра с теми же ГКО 1997 г.? Или тот же «добровольный» уход «всенародно избранного» и «вынужденный»-де приход нового лидера? Или, или, или...

Да, одно дело необходимая или попросту неотъемлемая конспирация, как у ФСБ, у СВР, в ЦСУ, в магазине, на предприятии, в банке, на театре, в спорте, в медицине, в том же вирусотворении, как и в любом управлении (какое-такое управление без закрытости и тайн?), совсем другое дело — увлечение конспирацией, причём не в любовных отношениях. что понятно и извинительно, а в государственных делах, где само собой хватает необходимой конспирации, весьма оттого и оправданной, но вот ежели чрезмерной, тогда, скорее, предотвратительно порицаемой.

От населения (о народе и общественности мы уж тут помолчим) кое-что, может, и надо скрывать (мы не говорим тут об армии, вооружениях, спецслужбах и дипломатии), да вот не всё, а именно: *реальный образ страны*, текущее её и в

ней положение, имеющиеся проблемы, возможные перспективы, вводя население, оно же и «электорат», если не в управление страной. то хотя бы в общую для всех жизнедеятельность.

Есть чему у большевиков и товарища Сталина поучиться!

Вот тут-то у нынешнего, во многом как раз конспиративного, пореформенного режима и главная загвоздка: *нет* между правлением, восходящего вовсе не к обездоленному им народу, а к обездолившим народ владетельным господам, необходимой для полноценного и уверенного существования страны и самого правления прочной конструктивной *сцепки*!

Между правлением и населением лишь обьятый конспирацией бездний разрыв!

Вот она — *величайшая и жгучая проблема режима*, в рамках сего режима, увы, *не разрешимая*!

Да, управлять огромной страной надо с умом, не без тайн, хитростей и даже цинизма, но ежели страна — *единый социум*, внутри, а не вне которого бытует и само правление, а каждый... слышите, *каждый*!.. член социума имеет не только хлеба и зрелища, жилище, авто и путешествия, но и свой... слышите, *свой*!... *экзистенциальный манёвр*, не являясь ни обездоленным бастардом, ни вынужденным холопом, ни подбострастным холуём, как и тупой, обманываемой и обкрадываемой чисто оцифрованной марионеткой, то общегосударственной конспирации, лишь оплодотворяющей функционально-экзистенциальный разрыв между правлением и обществом, должен быть предел!

Нам тут же глубокомысленно заявят трезвомыслящие люди: «Чего захотели! Не было, нет и не будет!»

«Верно, — ответим мы, — однако кое-что подобное всё-таки было, как раз то самое, от чего мы дружно отказались, пусть и не без теневого на то заговора и предательского тому содействия, и о чём, пожалуй, уже немало сожалеем, оказавшись во внезапно и весьма конспиративно нагрянувшем антимире».

Бытие людское на планете, если отвлечься на секунду от пандемии, как будто бы всё блаже — прямо как под дланью антихриста, но при этом оно всё ужаснее и страшнее — тоже аки под сенью антихриста, — факт! — не минует сего благостно-страшного бытия пока и российская сторона.

Какое ныне может быть состояние человека (всё-ещё-человека!)... нет, вовсе не голодающего, не одетого в рубище, не бомжа... а вполне себе сытого, вкусно одетого, не без комфорта обитающего, ещё и мигрирующего туда-сюда по городу на комфортабельной автоколеснице, путешествующего по стране и миру, чуть ли не гражданина мира, при всём этом знающего, что с ним беспрерывно играют втёмную, его старательно обманывают, его морально и ментально теснят, упорно выветривают из него человека, преобразуют в нечеловека, готовят к закланию, пусть пока и не физическому, хотя почему и не физическому, а уж ежели этот человек захотел прогуляться по новой — как раз антимировской — Москве, захваченной нечеловеческой серо-чёрной (крематориальной) архитектурой и назойливо сверкающими искусственными (не райскими вовсе, а вполне себе адскими) огнями, а ежели этот человек ещё и культурно подкован, то что делать ему в таком вот мире и с таким к нему

подходом? — разве удавиться, да что-то ему, уже давно терроризируемому антимиром, антикультурой и антиискусством, как и ложью, дезинформацией, пропагандой, пока удавливаясь почему-то не хочется, — человек сей всё ещё надеется, наивный «неандерталец», на возрождение чего-то человеческого... нет, вовсе не религиозного, а попросту человеческого, хоть и прекрасно понимает, что никакого *такого* возрождения никак, судя по всему, не предвидится!

Надеется, хоть и не верит, не удавливается и добровольно не уходит, хоть от мгновения к мгновению невольно и исчезает, как вынужденно исчезают натура, естественность, вообще человечность... брр!

И что же: никакого шанса?

Разумеется, никакого!

Однако, само собой, шанс всегда есть, ибо есть... *Иное*, которое всегда на стрёме, непрестанно требуя от текущей реальности чего-то *иного*, да вот где, когда и чего — *вопрос*!

У США шанса остаться *как есть* практически уже нет, слишком погрязли они в порождённом ими же антимире: Голливуд сделал своё чёрное дело, да и не так Голливуд, как... *топеу*, да — *денежки*, они самые, сделав Америку великой, они превратили её и в великую антиАмерику, а точнее, в антимироАмерику, отчего Америке остаётся лишь одно — исчезнуть, хоть и оставшись, но уже став постАмерикой, то бишь чем-то другим, как раз *иным*, разделённым, но уже не с новым миру словом, делом, проектом, ибо гигантский и по-своему гениальный масонско-монетарно-маркетинго-миграционно-мессианский (ммммм) проект «Америка» завершается и завершается навсегда.

Европа, если вдруг не опомнится, последует за Америкой, но и опомнившись, что маловероятно, она к себе уже не вернётся: трёхактовое похищение Европы — самой Европой, Америкой и мусульманством — делает своё гнусное дело!

Китай, о-о!, у него всё впереди, ежели продержится и не впадёт во внутренний кризис с катастрофическими, как у СССР, последствиями. Вряд ли вроде бы, но вот у Иного свои расчёты, никому не известные, даже и самому Иному, а против Иного не попрёшь, ежели вовремя и соответственно Иному не измениться, вот и выходит, что всё у Китая и впрямь впереди!

Великобритания, о-о!, эта непременно исчезнет, разлепившись на куски, — хватит!

Мусульманский мир поначалу возвысится, воспользовавшись кризисом, ослаблением и отходом Запада, он даже попытается стать *иным*, но его остановит традиция и погубит мстительная агрессивность, которую он в себе ныне нещадно культивирует.

Иран уйдёт к себе — в Персию, станет *иным*, примкнув к России.

Индия... что Индия?. как была Индией, так ею и останется, у неё тоже всё впереди, как и у Китая, с той лишь разницей, что Китай хочет большего, чем Китай, и очень рискует, а Индия ничего, кроме себя, не хочет, отчего, не рискуя собой, и выживет, и будет даже в меру изменяться, став функционально *иной*, ежели, конечно, мир человеческий на Земле ещё какое-то время побудет.

У Африки сплошная неопределённость, кроме разве драк, исчезновений в никуда и возникновений ниоткуда, как и изощрённого неокOLONиализма, в общем — чехарда!

У американских латинов... э-э... тоже чехарда, только не африканская, а... *своя*, отчего им особенно не легче, — хорошо, ежели «междусобойчик у них удастся, да вот вряд ли!

Австралия, Новая Зеландия, Канада, скандинавы — тут немалый риск самим себя по-антимировски сожрать, — посмотрим!

Япония: эта либо с Россией, либо каюк ей, — не под Китай же!

Все эти геостратегические размышлизмы — не более чем конспирологическая, при этом и метафизическая, бредятина, на которую можно и наплевать, но к которой не вредно всё-таки и прислушаться, — всякое ведь бывает!

Да и что из происходящего в мире не бред, а-а?

Разве лишь «бредовый» ультиматум, предъявленный Россией с ума сходящему Западу с его дистрофичной и подлой НАТО'й, поскольку в нём — в ультиматуме — правда и за ним справедливость, однако всё тут зависит от продолжения — очень и рискованного, — не потерять бы России не только лица!

Ну ещё сбрендившая укроУкраина, да и не одна она в этой адовской очереди, есть ещё кандидаты вроде Польши, прибалтийских себялюбцев, Грузии и прочих любителей ядовитой Кака-Колы.

Россия на пути к России

Да, больше из области пожеланий, чем реалий, но другого варианта для России нет, — и что интересно: шаг за шагом, но идёт Россия к России, ибо тут провиденциальная

необходимость, диктуемая всем бытием-историей — что собственно российским, что мировым.

Хочешь страной быть, страна, — будь Россией!

Наличное преимущество сегодняшней России перед сопоставимыми «коллегами» по планете не так в вооружениях, армии и ресурсах, как в факте пережития страной великой экзистенциальной катастрофы рубежа 1980-1990-х, её падения в бездну, там пребывания и, самое главное, выполнения из неё с шансом обретения новой экзистенциальной перспективы.

За одного битого, да ещё самобитого, десять небитых дают, мало того, одного на выходе из бездны, может, ещё и не полным, десять на входе в бездну, пусть ещё только выходе кажущемся, во что трудно поверить, но неумолимо всё-таки приближающемся.

Россия так или иначе выбирается оттуда — из бездны, направляясь к иной экзистенции, а «коллеги» по планете как раз вползают туда, рискуя там и исчезнуть, хотя, быть может, и не исчезнут, да вот какими же они оттуда выберутся?

Россия уцелела, поднялась, окрепла, стала *иной*, но далеко *не той*, какой надо бы Провидению, то бишь Иному, ибо слишком она ныне прозападная, не вкруговую суверенная, опасно антимировская, не очень-то и российская, при этом вовсе не единая, не собранная, разрозненная, не очень-то праведная, не слишком добрая к своим, немало и фальшивая (в плане, конечно, режима правления и поведения элит), даже и вредоносная, ежели принять во внимание недоброкачественное управление, разгулявшуюся коррупцию, невообразимое неравенство в доходах и житейских возможностях, страшное социальное расслоение, в общем — практически

роковое экзистенциальное неблагополучие: произвольный финансово-административный деспотизм сверху и надсадное неодобрение, гнетущее раздражение и безмолвно-грозное противление снизу!

Серьёзные и фактически фундаментальные перемены внутри страны по курсу достижения *иного* её обустройства, как раз российско-соборного, уже назрели и просятся в повестку дня — и лучше, ежели сии перемены пойдут сверху при одобрении снизу, чем страна дожждётся сначала жёстких требований снизу, а затем и неизвестно каких в своём бесстрашии и безграничии перемен — «бессмысленных и беспощадных»!

Что делать и куда идти не представляет никакого секрета, а ежели есть тут всем хорошо известный «секрет», так это возникший из небытия (вышедший из Бездны да там ещё немало и торчащий) *пореформенный* режим, который как раз и противится потребным — уже *постреформенным* — переменам, а сохранение сего режима чревато... нет, не так восстанием масс,.. как восстанием Иного, которое, как мы уже немало убедились на опыте того же XX века, умеет достигать своих целей и без восстания масс, а так... как-то *само собой*!

Общее экзистенциальное напряжение в мире и в стране ныне велико, очень велико, и особого времени для сохранения и бытия явно порочного строя и раскачки в аспекте его «совершенствования» и «облагораживания» нет (да, собственно, это и невозможно!), отчего потребно действие, действие и ещё раз действие!

Сейчас в стране в приоритете диктатура денег, обмана и фальши, которую необходимо срочно заменить на

диктатуру морали, совести и чести, разумеется, в возможных в человеческом общежитии пределах.

Утопия?

Если в идеале, то, пожалуй, что и утопия, а ежели практически, то никакой утопии тут нет, а есть лишь непомерная трудность реализации потребных перемен, ибо сии перемены есть не что иное, как *выворачивание вывернутого*, конечно же, с новым предметным разрешением.

Вот это и в самом деле задача — задача из задач!

Что-то вроде того, что было проделано Сталиным, которому таки пришлось выворачивать вывернутое и как раз с новым предметным итогом. Но это не означает, что надо, да и возможно, повторять сталинский опыт резких и жёстких преобразований — сейчас другое время, другие реалии, другие и возможности, и другое должно и может быть преобразенческое действо, главное — *действовать!*

Тут уместно вновь обратиться к концептуальному выпадку странника по имени «Российской Реформация», да и к другим последующим его со товарищи концептуальным выпадкам, где всё экспликативно и проективно изложено, разумеется, идеологически, что подтверждает одно важнейшее обстоятельство: никакого отсутствия идеологии и проекта для *иной России* нет, а ежели что в связи с этим и есть, то, с одной стороны, нежелание, смешанное с неуверенностью, что-либо в стране существенно менять в постреформенном направлении, а с другой — инсинуативное стремление «говорун» оправдать бездействие властей якобы отсутствием проекта *иной России* и преобразовательного согласно ему движения.

Всё есть, господа хорошие: и идеология для России есть, и образ *иной России* есть, и путь к ней начертан, а вот чего нет, так это и так ясно, но, заметим, снова и особо: Иное не дремлет и наряду с высвобождением от западно-прозападного гнёта, вроде бы вновь после Мюнхена 2007 г. подтверждённого «ультиматумом» декабря 2021 г., должно идти освобождение России от внутреннего — уже и доморощенного — гнёта: спокойно, без паники, с любовью!

Россия во внешнем пространстве

Странник никогда не сомневался в великодержавии и имперскости России, даже и остаточной от великого СССР страны под названием Российская Федерация, наоборот, всячески отстаивал сию неординарность Отечества, руководствуясь не убеждением, а фактической реальностью: кризис, катастрофа, падение не довод в пользу отрицания великодержавия и имперскости, — и реальность это лишь подтвердила: сегодня уже мало кто сомневается в уникальных параметрах уникальной страны.

То и другое — великодержавие и имперскость — не хорошо для России и не плохо, это её реалии: либо Россия с ними, либо её нет, хотя всё это для России и бремя, и ответственность, и тягло, в чём мы день ото дня и убеждаемся.

Да, Россия — великая держава, имперски внутри себя обустроенная и имеющая имперские функции за своими пределами (заметим, функции, а не колониальные амбиции). Есть Россия, а есть геопропространство... нет, не подчинённое России, а... ею, скажем так, опекаемое, поддерживаемое, при нужде и защищаемое. Почему? Вовсе не из-за чисто

имперских (имперо-колониальных) мотивов, а по причине охранения себя и подопечных ей стран от любого рода враждебных посягательств, не говоря о прямых вторжениях извне. А сейчас есть ещё и мощный постсоветский синдром: какими бы независимыми себя не воспринимали бывшие союзные республики, они нуждаются в покровительстве и защите со стороны более мощной России, а ежели они в покровительстве России не нуждаются, то либо уходят к другому имперскому сюзерену, либо бытуют вроде бы самостоятельно, но, увы, до поры до времени, обращая при нужде свой взор к России, ища поддержки и защиты.

Ареал бывшего СССР — зона безусловных интересов России, хотя бы из-за проживающих в «независимых государствах» и, как правило, там притесняемых и гонимых, русских. Ничего не поделать, такова правда жизни, и Россия обязана стоять, немало и имперски, на страже интересов притесняемых и вытесняемых русских, хотя и делает это пока из рук вон плохо.

Вообще говоря, ни Российская империя, ни СССР никуда из европейской ноосферы не делись и несмотря на желание некоторых из «независимых государств» отделить себя от России с её Москвой и московским Кремлём, взаимное политико-хозяйственное, как и просто международное тяготение друг к другу и к России в частности, всё равно остаётся, а ежели учесть неоднозначное давление на сии государства внешнего контекста, — что западного, что восточного, что южного, — то стремление скучковаться вместе с центром в Москве выглядит более чем естественно (за примерами далеко ходить не надо, они хорошо известны: без совместности и без России во главе и в центре ныне никуда!).

Да, это важнейшая геостратегическая и, само собой, экзистенциальная миссия, вполне по стилю и имперская, однако на условиях независимости, взаимности и взаимовыгодности для всех участников то ли не распавшегося, то ли вновь собирающегося, но в любом случае как-то воспроизводящегося геостратегического, единения, хотя уже и не СССР.

Здесь очень важно обратить внимание на то, что ничего, или почти ничего, или многое из прошлого просто так не уходит в полное забвение и абсолютное небытие: ни древние цивилизации никуда в пустоту насовсем не ухнули, ни Рим с Карфагеном, ни финикийцы со своей торговлей, финансами и вообще экономикой, ни та же Великая французская революция, породившая Бонапарта со своим имперским бонапартизмом, ни Ленин со Сталиным с их революциями, крушениями и победами, ни даже Гитлер с Муссолини и их фашизмами, ни тот же СССР, но не потому что это и многое другое остаётся в людской памяти, а в том, что всё *это* так или иначе... *воспроизводится*, пусть и по-другому, и вовсе не так, как когда-то было, но... *воспроизводится*, — вот и Российская империя с СССР воспроизводятся, хотя и совсем иначе, чем то было в «раньше» времена.

О России как мировой державе и говорить ныне особо не приходится: да, такая-сякая, всё ещё экзистенциально во многом прозападная и антимировская, но... недаром же против неё тот же Запад со своим анитимиром ведёт бытийную войну, пусть и гибридную, и гуманитарную, и экономическую, и санкционную, а всё почему? — разумеется, не из любви к «демократии» или к «правам человека», чего, якобы, нет или не хватает в России, а из-за того, что чует Запад в России мирового масштаба лидера, даже не чует, а знает это,

из-за чего и страшится России, и, провалившись с идеей сделать её своим антивосточным (читай, антикитайским) вассалом-орудием, пустился во все, для себя немало и самоубийственные, тяжкие — лишь бы ослабить и уничтожить подступающего лидера, пусть лишь кандидата в лидеры, да мало что из белорасового и христианского ареалов, так ещё и во все не чуждого *всему* планетарному экзистенциальному пространству.

Сама по себе Россия вовсе не жаждет мирового лидерства, на что её как будто выводят Провидение и Иное, а потому воспринимает сию каверзу как невольно необходимую повинность перед Великой Неизвестностью и даже самим Господом Богом.

Россия велика, разнообразна и самодостаточна, она сама целый мир, отчего ей вовсе не нужно никакое личное мировое доминирование, а с учётом миромасштабного опыта СССР, попытавшегося руководить половиной мира и на том надорвавшимся, попросту и противопоказано: тут лишь одно при отсутствии метропольной корысти разорение. Да и глядя на нарастающие предкончинные конвульсии нынешних США, попытавшихся после краха СССР единолично управлять всем миром, хоть при этом и грабя его, Россия должна хорошо понимать не только тщетность такого правления, но и его для мирового правителя самоубийственную суть.

Так что если речь идёт о всемирном лидерском значении России, то не как о возможном единоличном правителе мира, а как о всего лишь великой стране, способной к самостоянию и эффективному участию в коллективных разрешениях мировых проблем, а уж ежели припрёт, то и предпринять мирового значения деяния.

Если выйти на метафизический уровень, то для планетарного мира вполне достаточно наличия сильной, самостоятельной и эффективной России, а никак не российского кем-либо, даже и соседями, руководства.

«Pro» или «Contra»?

Одно дело противостоять бойцовскому натиску извне, тому же новому «Дранг нах Остен», — тут всё понятно и более или менее ясно, что делать; совсем другое — противостоять упорно и исподтишка окружающей страну враждебной «анаконде» из «не любящих» тебя стран-соседей, военных баз, воинских подразделений, ракетных установок, тайных биолaborаторий; а ещё другое — противостоять то нахрапистому, то ползучему проникновению в страну чуждых ей и для неё токсичных реалий, в особенности встречающих одобрение «внутренней эмиграции», не исключая и из властей предержажших.

Последнее тут самое трудное, в особенности в нынешнем — открытом-де всем идейно-ментально-поведенческим ветрам, поветриям и эпидемиям — мире. На первое место в сопротивлении сим напастям выходят традиции, культура, просвещение, воспитание, ну и «контр», чуть было не сказал «пропаганда»... нет, не пропаганда как таковая, а идеологическая взвесь, наполняющая живительным духом житейскую в стране атмосферу, хотя и не без малой толики самой что ни на есть, разумеется, умной и привлекательной пропаганды.

Тут же у нас встаёт вопрос о цензуре: нужна, не нужна, какая, от кого, как, с санкциями, без санкций и т. д.?

А для чего, вообще говоря, у нас в стране «море» депутатов, как и разного рода общественников и доброхотов, тот же Народный фронт, хотя он никакой не фронт и никакой не народный, наконец, для чего деятели науки и культуры со званиями и степенями, известностью, авторитетом, немалой и славой, как и те же литераторы, учителя, профессора, не говоря уже о гражданах вообще, как бы и с гражданской перед обществом и людьми ответственностью?

Цензура, кстати, может быть разной: запретительной, ориентирной, разъяснительной, воспитательной, вовсе не обязательно репрессивной, хоть и куда без них, без репрессий, ведь не хотят, не понимают, сопротивляются, борются, смердят.

Эх, высокая сознательность высококультурного человека, где она?!

Однако что-то делать всё равно надо, в противном случае — беснование, разложение, гниль, падение, а ведь хоть разложены элиты и массы уже предостаточно, как и пали они уже ниже плинтуса, осталась лишь погибель — уже и окончательная!

Как не хочется обо всём этом говорить: этом расплодившемся гнусом, о ему вынужденном противостоянии и противодействии, о нежелании властей и бессилии гражданского общества что-либо изменить в позитивную сторону.

Бесы, бесы, ребята, вокруг: на сцене, на подиумах, на панелях, в эфире, на экранах, в книгах, в интернете — повсюду!, да мало что бесы, так ещё и успешные бесы, богатенькие, элитненькие, модненькие, красивенькие, всюю молодящиеся, энтузиазменные!

А людство пустеет головами и мельчает сознанием, опускается, катит к столь уважаемому наукой дарвиновскому обезьянству, — а может, всё так и надо?

Их уже там — на Западе, собезьянили, теперь вот за россиян взялись: образование извратили, гражданское воспитание оболгали и порушили, успешно культивируют киборгианство (точнее, антикультивируют), втаскивают людей в удушливый онлайн, ковидную пандемию лелеют, в общем, вершится научно и идейно обоснованное обезьянивание, хоть сами дикие обезьяны тут и ни при чём.

Однако всё-таки кое-что тут при чём, а именно правда, причём по вине всё того же человека разумного, отчего для убедительности тут уместен один рассказик, как раз про человека разумного и про, якобы, неразумную обезьяну, конечно же, в дарвиновском для одного и другого персонажа обличье.

Рассказ

В Париже, когда избавлялись на рубеже 1970-1980-х гг. от знаменитого «Чрева Парижа» (старинного продуктового рынка в центре города), соорудили торгово-метровский комплекс, внутри которого прямо по пути к станции метро, сподобились сваять на стене аллегорическое мозаичное панно по близкой нам теме «История человечества: от обезьяны к обезьяне», на котором было показано, как сначала обезьяна превратилась-де в человека, потом человек прогрессировал как вроде бы человек, дойдя в своём развитии до некоего апогея, представленного на панно тремя рассыпчатыми, но узнаваемыми ликами: Виктора Гюго, что понятно — француз

как-никак, великий писатель и мыслитель, ещё и розенкрейцер вдобавок; Альберта Эйнштейна, что тоже понятно — гений от науки, вполне современный и своевременный; ну и... не поверите... Льва Толстого, что, согласитесь, хоть понятно и верно, но всё-таки весьма странно — было отдано предпочтение русскому гению от литературы и мысли (хоть это и странно, но зато для русского сердца видеть это было очень приятно), а далее, уже после сих ликов, на панно следовало... да, правильно!... инволюция *homo sapiens* в обезьяну.

Говорящее, прямо скажем, панно, вполне и метафизического свойства, при этом, заметим, что пик развития человека в момент создания панно уже был как бы позади — далее от сего момента в реалиях-де шла лишь одна деградация! Но самое интересное в связи с этим панно оказалось не так даже его содержание, — чего на свете не бывает, каких только нет фантазий, может, и попросту ради хохмы (вроде хохм пресловутого журнальчика «Шарли Эбдо»)! — а вот в том факте, что панно сие всё-таки через десяток-полтора годов таки исчезло: то ли подступающий электронно-оцифрованный чек-киборг всё-таки не обезьяна и авторы панно крупно просчитались, то ли наоборот — вполне себе обезьяна и авторы попали прямо в точку, а вот блюстители подступающего нового мира (читай — антимира!) постарались убрать с глаз долой острый на «нового человека» (читай — постчеловека) компромат.

И так можно понимать панновскую аллегория, и этак, как и, разумеется, творящуюся в мире и в России реальность: кому в радость, а кому в негодование, а кому и в страх!

Тут нам откуда-то из-за поднебесных туч является призрак... нет, не коммунизма и не отца Гамлета... а...

Сталина — аккурат по причине его цензурно-инквизиторской борьбы за высокого пошиба культуру, литературу, искусство, житейскую мораль, даже и стиль поведения. Странно, конечно, даже и кошмарно, но факт: жестокий уса-тый «тараканище» и его жёсткая борьба за высокий «штиль»!

А что, можно ли тут обходиться сначала, то бишь с младенчества, без кое-какого, пусть и мягкого, и лёгкого, даже и вежливого, но всё-таки насилия, разумеется, воспитательного, а потом, быть может, и куда более выразительного насилия вплоть до жестокого, коли человека (или некоего существа в образе человека) тянет к хамству, зверству, бесовщине, в общем к тому или иному нелюдству? И ежели сегодня наблюдается буквальный разгул буквального нелюдства, что остаётся делать, да и кому: гражданам, обществу, власти, полиции, прокуратуре... кому? Судам что ли с их адвокатами? А может, в делах той же культуры потребна всё-таки цензура?

И самое интересное: дойдёт ли дело до моральной диктатуры, до ясно выраженного насилия, до откровенных репрессий?

Отвечаю как метафизик, погруженный в созерцание Этого и Иного: *дойдёт!*

Всему в мироздании есть *мера*, как и многому, пусть всего лишь и малому, есть *безмерие*, которое нередко возникает из меры в поиске новой меры, — и за всем этим мероизведением, включая безмеродопущение, «присматривает», по меньшей мере, Иное, которое не проходит мимо ни меры, ни безмерия, как оно не прошло мимо сталинской меры, навязав её взбаламученной революцией и гражданской войной стране, так и не прошло мимо попущенного им горбачёво-

ельцинского безмерия, однако не пройдёт и мимо новой, уже постантимировской меры, а сия новая мера просто так не возникнет — только через насилие, которое само придёт и будет вчистую оправдано борьбой с антимиром, ведущем человека в обезьянство. Станется ли эта борьба или нет, даже не вопрос — *станется!*, да вот какая и с какими же итогами, — вот это и в самом деле вопрос!

Иное о себе и не только **(Инозис)**

1. Меня обычно не замечают, а я везде, всегда и всегда здесь!

2. Иное — не Это, но и не То, ибо Иное — Ничто, однако и Нечто, но лишь как нечто иное!

3. Иного, строго говоря, нет, хотя оно и есть, но лишь как Иное, то бишь как не Это и не То — иное ведь!

4. Меня обычно не принимают во внимание, а зря, ибо вокруг кроме меня ничего нет, хотя и есть меня прикрытие в виде Этого, но ведь и оно иное, не Это.

5. Я не ищу встречи и согласия с Сознанием, которое само нечто иное, это пусть Сознание алкает встречи и согласия со мной, ибо я — Иное!

6. Для чего? Для иного видения Этого, самого себя и всего происходящего, сплошь ведь *иных!*

7. Быть *иным* означает не более чем... быть *иным!*

8. Что значит быть *иным*... э-э... нет, не никаким во-все, хотя это и так, а именно *иным* — не этим и не тем, и кто ж знает *каким?*

9. В том-то и дело, что быть не неизвестным, хоть это и так, а либо известным неизвестным, либо неизвестным известным — мне всё равно!, хотя я предпочитаю простое в сложности и сложное в простом — так и этак, но... *иным!*

10. Я ничего из того или другого не хочу, алкая перемен, я хочу лишь *иного*, причём не этого и не того, а исключительно того самого — *иного!*

11. Я не полоню всё и вся, ни к чему, кроме *иного*, не понуждая, я даже и к иному не понуждаю, ибо оно само является — как раз как *иное!*

12. Я дружу с Навью, которая меня ценит и «терпеть ненавижу» Явь, которая меня заносчиво отвергает: вот я и не даю покоя Яви, опутывая её собою, не давая ей быть Явью. Да и вообще какая-такая Явь, ежели она... Иное?!

13. А почему Иное? Да чтобы жизнь была, а не мертвечина, не твердь, не пустота! Без меня нет жизни, да и разве сама жизнь не Иное?

14. Быть с Иным — знать, что всё в реалиях не так, как есть, что за бытующим «есть» непременно торчит ещё и другое «есть», как и «неесть» тоже, а оно, это *неест*ь — не только есть, а в самом же есть оно и есть; знать, что впереди не то, что есть, а что ещё не есть, но уже есть — в потенции, а потому потенциальное, которого вроде бы нет, а оно уже есть, сильнее того, что вроде бы есть; бытующее есть не отменит потенциального, а лишь себе навредит, сопротивляясь; уметь надо идти навстречу потенциальному — как исходящему из того, что есть, но через его отрицание, так и идущему от Великой Неизвестности — через мучительное полагание неизвестного, для чего в приоритете не так знание и

интуиция, хоть они и хороши, как... *откровение*, дающееся лишь признающему Иное и идущему ему навстречу.

15. Великие деяние — воля Иного, сопрягающаяся с волей признающего Иное и в нём — в Ином — таинственно растворённого субъекта — *иносубъекта*!

16. Иное объективное волево совпадает с субъективным иным, а в итоге — *инособытия, иноперемены, инобытие!*

17. Иное не морально, оно просто *иное* и всё, а то, что выходит по его и иносубъекта волям — дело уже реальности, конечно же, не той и не этой, а опять же *иной*!

18. Когда Господь творил софийно мир из ничего в окоёмах Бездны и с участием Преисподней, то он, поставив в исходе мира Великую Неизвестность, выделил из ничто дух и материю, соединив их в творческом прорывном содружестве, однако под неусыпным контролем и с непрерывным участием Иного, восходящего к Великой Неизвестности и пронизывающего мирозданческую реальность, включая природу, жизнь, Землю, человека, сознание, а также бытие человека, его жизнеотправление, его хозяйство, труд и творчество, его демиургию, как и его историю с их телеологией, эсхатологией и апокалиптикой.

19. Иное — порученец от Бога!

20. Иное — не враг человеку, но и не друг, это всего лишь его нарочито-необходимый сопроводитель, он же и крест!

Россия как Иное и Иное как Россия (*неясно о неясном*)

1. Россия *не от мира сего*, она от *иномирья*, она — *Иное*, отчего и не улавливается, не понимается, всюду отрицается и немало ненавидится.

2. Этакая белая ворона среди чёрного воронья, как и, что тоже не исключено, чёрный лебедь среди стаи белых лебедей, во всяком случае — *иное*, не такое, как всё подобное вокруг, вовсе и не сплошь хорошее, хотя и не сплошь плохое, а так — какое есть, главное — *иное*, но настолько и так *иное*, что извнешний (зарубежный), — что чёрный, что белый, — контекст почему-то всегда навязчиво тягостен и тяготеет сейчас к неординарному *иному*, причём более всего с целью либо им выгодно для себя воспользоваться, на него опершись, а то и ненароком пограбить, либо надёжно покорить, сделав рабской колонией, либо вообще убрать с глаз долой, устранить, убить, — и всё это, надо заметить, имело вследствие природной, стратегической и духовно-поведенческой открытости страны, её экзистенциальной уязвимости не единожды кое-какой успех, — иной раз и немалый! — но всегда в итоге безуспешный: Россия всегда находила возможность вывернуться, отпрянуть, оборониться, сохраниться, победить, мало того, самой воздействовать на контекст, причём никогда корыстно, ибо она... *Иное*!

3. Да, Россия — *Иное*, она оттуда — от изначалья, а потому она всегда по-над вселенской Бездной и бок о бок со вселенской Преисподней, что не значит ни хорошо, ни плохо, а просто как есть, но что всё-таки значит, что Россия не для обывательского благополучия, что и она сама тоже бездна и

тоже преисподняя, однако не та бездна и не та преисподняя, а *иная* бездна и *иная* преисподняя — **экзистенциальные!**

4. Трудная, тяжкая, страдная и страшная страна, замешанная вовсе не на рабской, а более всего на адской закваске, однако... однако какие только «райские» и «благополучные», «передовые» и чуть ли не «образцовые» народы и людские пространства она не выручила, сохранив им и на них мало что жизнь, но по преимуществу их собственную, им свойственную — свою — жизнь. Не без издержек, конечно, но всё-таки!

5. Главное тут не путать глубинную Россию с существовавшими в ней режимами, далеко не всегда не то что не русскими, но даже и не российскими, и это не всё — заметно и антироссийскими, даже и немало антирусскими!

6. Почему же всё так, почему же нет, — и, заметим, давно нет, — достаточной и бесспорной органики между глубинной Россией и в ней (или даже над ней) проходящими режимами, включая и идеологические «таинства», усердно России навязываемые?

{Мнение, что Россия пошла-де как Россия (она же Русь и Рось) с момента и по причине утверждения в ней византийского, — не путать с собственно христианским, — вероисповедания — не более чем частное, пусть и распространённое, мнение, ни к коренной, ни к когда-либо бывшей, ни к текущей России в качестве исходной историогенезной и вообще основной экзистенциальной установки никак не подходит, к тому же почему-то закрывающее глаза на тот очевидный факт, что на Руси утвердилось вовсе не ортодоксальное христианство, даже и не византийское, а... *православное*, то

бишь нашенское, своё, что означает, что Рось оказалась не слабее сымпортированной в страну и не без насилия внед-рённой идеологии, а нашла возможность с ним приемлемого для себя компромисса, — не более того! Вообще же Россия в непосредственном идейно-экзистенциальном плане — синтез ведизма (никакого не язычества), православного христианства и светского европеизма, пока включающего даже и марксизм, не говоря об атеизме и всё ещё сохраняющемся советизме (сталинизме), а в широком плане это целая матрица, в составе которой помимо вышеперечисленного ещё и ислам, иудаизм, буддизм, шаманизм, то же католичество и немало, надо полагать кое-чего другого, о чём говорить здесь совсем и не обязательно!}.

И отвечая на выше приведённый вопрос, нужно, видно, заметить, что режимы, возникавшие и бывшие в Руси-России, всегда ставили цель, пусть и вынужденно и даже по-своему оправданно, переделать страну, оторвав её, того не сознавая, от Иного и вытравив из неё её коренное *иное*, что вроде бы даже удавалось сделать, а в итоге-то — нет!, ибо Иное с *иным* на то и Иное с *иным*, чтобы, с одной стороны, не отдавать предпочтения ничему не своему, ну, пусть и до срока, не отдавая при этом предпочтения и ничему своему тоже.

Ответ тут не полный и не ясный, но какой же ещё, ежели тут Иное с *иным* в фундаментальном приоритете: хоть над режимами, хоть над их создателями и властителями, исключая, да и то с оговорками и на короткий срок, разве лишь Сталина, пошедшего навстречу Иному, создавшего *иную цивилизацию*, даже и Иное на срок покорившего, хотя, надо

заметить, разочарование кое-какое всё-таки испытывшего — против природы человеческой, совсем иной, чем это утверждается религиями и светским просвещением, не попрёшь (думал, что переделал «чека», а всего лишь дал возможность, прижав на срок нелюдство, людям стать людьми).

7. Обретение Россией своей, соответствующей её фундаментальному *инообразу*, цивилизационно-режимной формы либо впереди, либо этого никогда не случится, ибо Господом сие, видно, не предусмотрено: Россия должна оставаться Россией, меняющей неорганичные ей формы, ради не обретения адекватной для себя формы, а ради лишь к ней стремления (стремление тут — всё, обретение — ничто! — не худо, правда?).

8. И вот тут особенно интересно, что не только сама Россия *ина*, но и Иное тоже, ибо выходит, что не только Россия *как Иное*, но и... само Иное... *как Россия!* Ничего себе! О-о, между Иным и Россией двусторонняя органика: Иное делает Россию *иной*, а Россия, полномочно представляя на Земле Иное, делает это самое Иное... *Россией*, — не слабо, кажется!

9. Из всего этого следует, что ни Иное не поймать и не приручить, хоть на момент оно и может кому-то вдруг покориться, как тому же Петру I или тому же Сталину, особенно последнему, ни Россию не поймать и не приручить, хоть и можно её на время покорить, даже и в историческом измерении весьма надолго (от норманнских Рюриковичей до онемеченных Романовых с Чингизидами промеж ними), но всё равно наступает момент сброса покоряющей формы покорной-де страны — бурно, злобно, весело!

10. Править Россией, думая, что она переделана и от неё остаётся одно название, что сидеть, пардон, на паровом котле, вроде бы мирно посапывающем и время от времени добродушно пофыркивающим, а потом вдруг внезапно либо намертво затухающем, источая гробовую нежизнь, либо бодро взрывающемся, источая уже грозовую нежить.

11. Вроде бы по обыкновению спящая, огромная, сложная и разная, а главное — *инаковая*, Россия, тем не менее, нуждается в укрощении, даже и в узде, что практически издавна понимается её правлениями весьма по-простому — как *крепостничество*, включая и идейно-духовное, и правления этим усиленно занимаются, что не так уж для страны бывает и плохо, однако почему-то забывают, как правило, о *воле*, в которой иная Россия тоже нуждается, отчего и главный российский парадокс: согласная в целом на крепостничество страна требует и немалой воли, а потому баланс между крепостничеством и волей — основная, как и, разумеется, давно проклятая, нужда и тщета страны, как и забота и тщета её правлений; если баланс сей иной раз и удавался, то ненадолго и не для всех насельников и насильников земли российской, да и посредством другого парадокса: сочетания одного зла-добра — крепостничества, тягла, долга, вообще послушания, с другим добром-злом — праздником, расслабухой, разнузданностью, буйством, а ещё и с участием совсем уж парадоксальных сочетаний: порядка, закона, гражданства, патриотизма, с одной стороны, и стихии, беззакония, уголовщины, предательства — с другой, как и житейских восторгов и радостей с горем, плачем и дерзостью.

12. Россия — Великая Тайна, она же и Великая Тщета, а парадокс в ней — Великий Знаменатель! {На возражения,

что, мол, если не повсюду, но во многих локалиях творится то же или почти то же самое, ответим, что то же, да вот не то же, ибо творящееся в стране нашей, включая и её (или в ней) правление, не особенно страдает ни рацией, ни логикой, ни устройением происходящего и делаемого: утвердительное сравнение с сегодняшним разлагающимся и умирающим Западом тут не в счёт, ибо в России *так* есть *всегда*, иное дело, что по-разному, в разной степени проявлений и с разными последствиями, а как же? — да вот всего лишь не без выручающей дури и спасительного авось, а жизнь народная идёт себе при этом и идёт — как раз *изобретательно по-иному!* }.

13. Великая Тщета сочетается в России, привязанной к Иному и Иное в себе держащей, с Великой Экзистенцией, ибо Иное превращает Россию в потаённую *саму-себе-страну*, принимающую те же деспотическое правление и крепостничество, зато втихомолку, а иной раз и громоподобно, им сопротивляясь, но существуя при этом и вне навязываемых ей строя и правления, реализуя потому ещё один странный парадокс — невероятного сочетания нечеловеческого, нелюдского, злого, безумного с человеческим, людским, добрым, разумным. *Экзистенция вопреки* — тоже ведь от Иного и в Ином, но зато не прозябание, пусть и благоустроенное, а *Великая Экзистенция*, вполне себе и российская, русская, евразийская, многоконфессиональная и многоэтническая, в общем — Бог знает какая!, да мало что Господь не знает, так ещё и, видно, не торопится узнать и что-либо изменить, что-то *этакое* ожидая от России и из неё выдавливая.

14. Страна не так мыслимых противоречий, хотя их в ней и предостаточно, как немыслимых парадоксов, которых у неё в избытке!

Глаза в глаза

Они, как и собирались, снова встретились, немного прогулялись по парку, зашли в ресторан, заказали вина и еды, разговорились, что называется глаза в глаза — доверительно, начистоту, без обиняков

— Как вам, — заговорила первой женщина, — работается в эти тягуче неморозные крещенские дни?

— Да не очень, знаешь ли, я вдруг ударно ощутил, что смыслы куда-то утекли, да ладно бы из моей буйной головушки, а то ведь из самой реальности, точнее, её пошлой имитации. (Пауза). Ещё на Новый год что-то в голове роилось, хотя бы как нагнетание смыслов в обесмысливавшуюся реальность, а сегодня, пардон, как раз под Татьянин день, что-то вдруг смысловое враз и исчезло. (Пауза). Моё любимое Иное (смеётся) добило-таки меня, не говоря о реальности, навязав расставание с последними иллюзиями: теперь вокруг один лишь смертоносный карнавал, да и только!

— Прямо как в сумасшедшем доме!

— Если уже не на погосте... э-э... той же лишённой смыслов реальности, её сетеобразного скелета. (Пауза). О-о, а вот и винцо с закусочкой!

Пауза гастрономического ожидания

-
- За встречу, дорогая принцесса-старательница!
— За встречу, дорогой король-смыслодобытчик!

Пригубливают вина, охотно закусывают

— Был добытчик, был их нагнетатель, а теперь вот лишь свидетель их убытия и отсутствия, уже и не их адвокат, и не обвинитель бессмыслицы, и тем более не судья всему бессмысленно происходящему. (*Пауза*). Теперь всё вокруг аки игра в игру, как тот же футбол, как покер, даже и как шахматы. Движуха есть, ноги, руки и даже вертящиеся туда-сюда головы есть, чемоданы на колёсиках, всё есть, а вот смыслов нет... кроме разве смысла самой игры. Жить не по смыслам, а так — играючи.

— А суперудача в Казахстане — подавление мятежа бог знает кого с одновременным подавлением елбасы вкупе с его олигархической бандой, а то же представление нашего «ультиматума» американцам с их натовскими и иными прихвостнями?

— Бывшими нашими... но тогда-то не прихвостнями всё же, а чуть ли не собратями, в общем «друзьями», скажем так, в кавычках. (*Пауза*). Но тут ведь тоже игры, за которыми скрывается не что иное, как стремление... э-э... успешных и богатеньких сохранить себя и всё своё нажитое, имитируя перемены в реалиях, не трогая сути. Те ещё вериги на руках и ногах, а в головах лишь по преимуществу химеры! (*Пауза*). И заметь, это-то и есть первая из бессмыслиц, гуляющих сегодня по нашему скорбному свету — удержать непристойное! Тут ведь явный тупик, особенно значимый своей

тупиковостью под негласным, но громко звенящим покровом лукавого антимира.

— Тогда за что же?

— Наверное, за нас, за всё ещё человеков! Что ещё остаётся, как не гордиться званием всё-ещё-человека, пусть и уходящего в небытие под хриплый перестук надтреснувших бокалов. Каково сказано, а-а?!

— Да уж!

Выпивают вина, молча едят

— Да, — прервала молчание дама, — только за это и остаётся пить, а не за здоровье, любовь, дружбу, что хоть и надо делать, но как-то уже... э-э... не без ощущения при этом какой-то унылой фальши. (*Пауза*). Любопытная свалилась на нас «жисть», какая-то ненатуральная, фиктивная, пустая!

— И вовсю фарсовая! Причём фарс тут — не только погубитель жизни, но и её спаситель, хоть уже и не полнокровной жизни, а более всего её имитации, за которой, собственно, не так уже жизнь прячется, как нежить.

*Задумчивая пауза, сопровождаемая
сдержанным винопитием*

— Ну вот, — заговорила опять первой дама, — хорошо сидим, говорим, едим, пьём, а вы всё про нежить да нежить, может, не так всё и плохо... э-э... с жизнью-то?

— Разумеется, жизнь как жизнь продолжается, для кого-то весьма и бурная, и даже содержательная, но, во-первых, жизнь ли, а не всё-таки нежить, а во-вторых, если и

жизнь, то не просто рядом с нежитью, даже не вопреки нежити, а, пусть и не в бросающейся в глаза, но в борьбе с уже туго захватившей жизнь нежитью. Что человеку от такой жизни, кроме разочарований, печали и мольбы?!

— Но молодь-то вряд ли это чувствует, для неё вся эта игровая движуха и есть жизнь.

— Да-а, но не для всей молодежи, есть молодь, для которой куда как страшнее соприкоснуться с нежитью, чем нам, уже пожившим, ибо у них ведь надежды, намерения, планы, оттого и протестные события — повсюду, как раз молодёжного порядка: всё у молодежи есть, а полноценной жизни, увы, нет! (*Пауза*). Тут-то как раз и сидит разгадка молодёжных протестов, причём всё равно какой молодёжи, по какому поводу и насколько глубоко ею осмысленных.

— Схватка тут мира с антимиром, согласно вашему учению.

— Не учению, конечно... хотя почему и не учению, а ежели это и в самом деле так... скорее, согласно моим представлениям о происходящем в мире и в стране... чуть было не сказал... нашей, нет, конечно, уже опять не нашей, не совсем нашей, по крайней мере. (*Пауза*). О-о, винца уже и нет, как, повторим?

— Повторим, хорошо сидим и говорим сносно, может, на что-то и *иное* (*акцент на слове*) набредём... очень хотелось бы!

Заказывают ещё вина с сырной закуской

— Иное, как ты понимаешь, не дремлет, особенно, ежели потребны крупные перемены. Это как раз Иное не даёт

покая нынешним правителям, да и массам тоже, хотя никто об этом не догадывается. (*Пауза*). А вот и вино с превосходным, надеюсь, сыром! Выпьем за Иное, оно этого заслуживает!

Пьют вино, закусывая превосходным сыром

— Да-а, — продолжил, размышляя, говорить мэтр, — с Иным шутить нельзя, как и с Космосом, не говоря уже о Господе Боге или той же Софии.

— Вы утверждаете, что лишь такие, как Пётр I и Сталин совладали с Иным, но оба ведь были безжалостными диктаторами, тогда что же, без диктатуры никак?

— Э-э... диктатура всегда и везде по всему свету, иное дело, какая диктатура и с какой целью? Вот те же Пётр Великий с не менее, если не более великим Сталиным, оба жуткие диктаторы, однако один гнал Русь от себя взащей, лихорадочно европеизируя страну, а другой, как это не странно, опёрся на Россию, хотя и строил новую, как раз трудо-творческую, даже и соборную, цивилизацию, правда, увы, не давший России потребного ей свободного дыхания, а её, наоборот, закрепостивший, однако в отличие от Петра, закрепостивший этатически, не допуская частного владения трудовладельственным доходным потенциалом.

— Оба, выходит, крепостили, каждый по-своему, закладывая главное условие гибели ими же сотворённого.

— Так оно и было, так оно и есть: Россия — страна жестоких чуд и печалей, а её безмолвие — лишь надёжный залог краха ей силой или обманом навязываемого.

— А что она — Россия — сама-то хочет... или хотела бы?

Настырная пауза

— Она хочет *иного*, как раз того, чего быть не может — *сказочного*!

— И всё это от её иномирности?

— От неё, родимой, от неё! Все страны и народы так или иначе устраиваются, а вот Россия с русскими — нет!

— Отсюда и устроительное насилие, и обман?

— Разумеется!

— И что же? Что из всего этого?

Пауза с глотком вина

— В нынешней аномальной России, а фактически-то снова в не-России, нет надёжных идейно-духовных скреп, кроме самовоспроизводящихся житейских, а в меру и историко-экзистенциальных традиций: диктатура денег и деньгодержателей — не скрепа! (*Пауза*). Деньги, точнее, стремление к деньгам, их безудержному накоплению, то бишь разнузданный экономизм, *эту* Россию-не-Россию доконают, а субъективный фактор лишь в этом поучаствует: либо сверху, либо снизу, как и, само собой, сбоку. (*Пауза*). Ни имитация перемен, ни охранка, ни посулы и подачки тут не помогут: от тягостного ожидания потребных перемен до искрящегося разухабистого «поехали» — один внеисторический миг, просто никто не знает, какой из мигов и когда: всё самое-самое

в истории, благодаря Иному, конечно, творится само, причём непостижимо невероятно и необъяснимо внезапно.

— Да уж, о чём только давно уже происшедшем до сих пор не спорят.

— И о происшедшем совсем недавно, прямо на наших и всех спорщиков глазах, при нашем и их свидетельстве, даже и с нашим и их участием.

Отхлебнув вина и пожевав сыра странник продолжил

— Управление повсюду и в России сейчас вроде бы есть, как есть и плохое управление, даже и неуправление, которое, правда, бывает, получше собственно управления, тоже есть, оно, кстати, и превалирует нынче, — и вся реальность катится как бы *сама-по-себе*... э-э... вроде полноводной реки, и всё по этой реке плывёт, что-то уходит под воду, что-то и навсегда, что-то вдруг выныривает, изменившись, и никто целостно всю картину сей всемирной, да и российской, течи не видит, как и худо понимает, что всё самое важное происходит *само собой*, без видимых причин и прогнозируемых следствий.

Многозначительная пауза

— Значит, куда само и вывезет? Но ведь та же цифровизация делается сознательно, а она очень всё меняет?

— Да-а... сознательно, но при этом никто не знает ни того, что есть на самом деле цифровизация и к чему она на самом деле приведёт. Прём туда к ней и с ней вслепую! И ничего, кроме фашиствующей цифровизации, которая в

общем-то уже пришла и пришла, заметь, сама, как и сама в общем-то реализуется, человек придумать не может, разве лишь экономическую безопасность, так и это ведь природа за человека придумала — от отчаяния! (*Пауза*). Тотальная цифровизация, она же шифровизация, тоже ведь от отчаяния, — своих мозгов уже не хватает, да они ныне им страшны и не нужны. (*Пауза*). Однако меня более занимает другое: под цифровизацию уже явился новый человекообразный, чувствуешь, *новый*, не бывший ранее, но *уже* явившийся. (*Пауза*). Он даже физиологически другой: мужчина теперь subtilный, а женщина кукловидна, и оба поведенчески и умственно что-то вроде механических органчиков, как раз и соответствующих компьютеру и всеильной цифре.

— Эпоха человек, выходит, заканчивается, если не закончилась...

— Зато будет всеобщая масонская благодать, правда, уже по преимуществу на погосте.

— Так значит, Страшного Суда не будет?

— Почему не будет? Это и есть Страшный Суд, лишь вершимый электронной механикой. Великий отбор всюю уже идёт, правда, наоборотный, когда благочестивых — в небытие, а цифрочестивых — в Космос.

— Похоже, что так, хоть верить в это очень не хочется!

— Вот именно, что верить, а не знать, одна ведь всюду путаница — что в онтосе, что в гнозисе.

— Тогда что же, так вот с закрытыми глазами и спутанными умами прямо туда — в бездну?

— Зачем же в бездну, лучше в Космос, который, правда, тоже бездна, так что да... в бездну!.. правда, уж кому в какую!

Тягостная пауза

— Видишь ли, всё мною уже давно сказано, но ничего из сущего правленцами не услышано, хоть и знают, и даже поверхностно под свои интересы на что-то реагируют, имитируя, но не более того, так что дело теперь за ходом вещей и за ходом неизвестности, стало быть, за ходом Иного. Так было всегда, так будет и теперь! С той разве разницей, что в судьбу человечества ныне вмешался *искусственный разум* (*акцент на словах*) — как уже возникший человеческий, так и возникающий технический (*Острая пауза*). Надоело говорить, открывать глаза, убеждать! Великая, знаешь ли, мудрецовская, она же и, уж извини, мудаческая, тщета!

— Понимаю, но что поделать, правда ведь никому не нужна, так что...

— Лучше допьём наше замечательное вино, да и двинем куда подальше, а-а?

— Согласна!

Допивают остатки вина, расплачиваются за угощение и обслуживание, выходят на улицу.

— О-о, как снег-то валит! Какая чудесная зима ноне в столице!

— Да, кто бы мог подумать, прямо Карпаты какие-то: снежно, не морозно, мягко!

— Без солнца, правда, но всё равно хорошо, хоть и тягомотненько

— Ладно, ладно, Господь нас явно не бросает и не бросит!

— Смеем надеяться!

Тут является такси, собеседники прощаются, дама садится в машину, и автоколесница мчит её по заснеженному городу, а странник... что странник, он отправился восвояси пешком, слегка, как гвардеец на посту, покачиваясь, то ли от выпитого вина, то ли от снежного воздуха, то ли просто от старости, впрочем, может, и от дум, а может, и от возможности ни о чём не думать, это уж как ему тогда пришлось — Иное ведь никогда не дремлет!

Он как есть!

Почему это вдруг с восклицательным знаком? Есть и есть, что из того?

Однако не всё тут так уж просто: как-никак, а большая жизнь, длинная экзистентная дорога, личностная самодостаточность, гигантский труд, уникальные творческие достижения, размыслительные плоды, не имеющие аналогов, уйма шикарных, неподражаемых, загадочных, им самим не повторяемых, текстов, включая и необычную многоплановую поэзию, сонм открытий, прозрений и откровений и, как венец, — **иное мировоззрение**, да не так в его компонентах, которые есть и у других, как в особой, вполне себе и искрящейся смысловой игрой, *иначе* страктованных и *по-иному* скомпонованных в *иную* матрицу, компонентов, что как раз и даёт то самое «мета», уже и *иное* «мета», которого нет у других, а главное, которое меняет представление о всеобщем мировом внешнем и особенном человеческом внутреннем, как и их между собой таинственным взаимодействии.

Хозяйство Бога, мир как хозяйство, а также бездное хозяйство (лоно мира), преисподненское хозяйство (фабрика мира), хозяйство Великой Неизвестности (трансцендентное хозяйство), хозяйство Иного (иное хозяйство), как и, разумеется (вслед за С. Булгаковым), хозяйство софийное (божеское) и антисофийное (противобожеское), — разве это не *Весть*, разве не *Иная весть*, разве... нет, никакой не переворот... а всего лишь разворот — от всюю бытующего вокруг гнозиса к *иному гнозису*, однако в тесной его привязке к бытующему вокруг *онтосу*, который оказывается тоже *иной*, вовсе и не такой, каким его представляют бытующая вокруг просвещенчески обустроенная людская мысль, прежде всего научная, физическая, исследовательская.

Никто из людей не знает, что есть Истина, но теперь человек хоть знает, что Истина *ина*, мало того, имеет теперь о ней кое-какое *иное* представление, — не так уж и плохо, не так ли?

Так почему же не поставить хоть здесь, в конце предыдущего абзаца, как и там — в заглавии сего текста, да и в конце этого абзаца тоже, восклицательного знака. а-а?, тем более, что понято, признано, поддержано, пусть пока и немногими, но всё-таки понято, признано, поддержано и... *работает*, пусть пока и латентно, ограниченно, конспиративно, чуть ли не заговорщически, но *работает*!

Опять же оригинальное, не имеющее аналогов, воззрение на Россию, мало что как на *мир*, но ещё и **неотмирный мир**, то самое воззрение, которое позволяет узреть совершенно *иную Россию*, не просто восходящую корнями к *иномырию*, так ещё и имеющую необъяснимую просто так судьбу, но и это не всё — имеющую какое-то *иное*

предназначение, никому, даже самой России в первую очередь, не известное, то бишь какое-то трансцендентно-экзистентное, вовсе и не российское, точнее, не только российское, пусть и имперское, даже и мондиальное, но *по-иному* имперское, пусть и не совсем по-доброму, но ведь и не пограбительно-злостному, скорее всего, по-людски спасительному, правда, после и по итогам свершения постреформенного преобразовательного разворота, аккурат на 180 градусов, — разворота прежде всего к самой России!

И что, не ставить и тут восклицательного знака?

О какой же потребной Иному России толкует непрестанно наш мудрый странник? Да о *соборной России*, а не о демократической (фиктиократической), капиталистической (монетарократической) или даже социалистической (фальшекратической), а именно о *соборной* — *целостной в разнообразии*, не чуждой ни иерархии, ни сети, ни центровости, ни локальности, ни управления, ни самоуправления, ни гражданственности, ни служения, ни свободы с открытостью, ни ответственности с узаконенной упорядоченностью, ни частных инициатив, ни общих долженствований, ни воли, ни дисциплины, но зато приверженной общности, совместности, солидарности, разумеется, нетерпимой к анархии, уголовщине, разгильдяйству, паразитизму, мошенству, как и вообще ко всему античеловеческому, включая и угрожающий человеческому сознанию чародейный «искусственный разум».

Однако не всё так уж гладко и привлекательно в гуманитарных исканиях и суждениях, как и экзистенциальных прозрениях нашего странника. Мало того, что для него, перифразируя великого поэта-мыслителя, «Тьма горьких

истин, вполне и низких, всего ему дороже, а вовсе не прельщением любы́м брызжащий обман», так он же ещё не отрицает ни благодатных-де насилия, надзора, диктата, даже и армейщины, вовсе не останавливается на диктате закона и права, но зато не проходит мимо диктата антимира и лжи, его осуждая, отстаивает диктат правды и совести, не отрицая при этом ни конспирации, на зазеркалья, ни даже хитрости — во спасение, утверждение, вообще бытование человека, народа, России, мира в целом!

Ох, как тут всё в людской реальности не просто, сколько в ней алчности и беды, иллюзий и тщеты, бессилия и маеты, сколько безумия, да ладно бы сошедших с ума, а то ведь, — вот уж великое открытие странника! — вполне себе в уме — *умного безумия!*, — с которым страннику и поделаться ничего нельзя, что как раз убедительно доказал сталинизм своей конечно тщетой и ловко показал горбачевизм-ельцинизм своим сначала шикарным иллюзионизмом, а затем и совершенно бессовестным утилитаризмом.

Умное безумие — вот за какое открытие надо бы давать нобелевку, причём сразу по науке и литературе, да и по самой нобелевке тоже!

А ежели учесть, что среди умных безумцев хватает пара-, квази- и вполне себе заядлых безумцев, то чему вообще удивляться, обозревая в меру и не в меру безумный трепет бытия-истории, особенно научно-технически подкованной!

Осуждает ли странник умных безумцев, как таковых, лишь за то, что они умные безумцы? Нет, конечно, они ни в чём тут не виноваты, ведя невольно свой род от Каина (это ежели по писанию) и бросая свой незаурядный ум вместе с

возбуждённым сознанием и укромным бессознанием в бытийно-историческое пекло — вполне и преисподненское! Иное дело их — этих умников — деяния и последствия их деяний: тут уж как придётся — кого приветствовать, кого высудить, а кого и с пьедестала долой (зачем, скажите, известному во всём мире физиологу, нобелевцу, надо было резать собак, чтобы убедиться, что они живые и умные?!).

А вот относит ли себя наш странник к умным безумцам? Безусловно, да! Мало того, ещё и к безумным дуракам себя относит, ибо какой вообще здравомыслящий, да ещё и университетски образованный, человек станет ловить «золотую рыбку» за пределами общепризнанной и вполне здравомыслящей гуманитарной науки, уходя в неопределённое, во все не безобидное и крайне рискованное плавание по метафизическим, давно уже наукой осуждённым и приговорённым к забвению, весям, замечая там «золотых рыбок», даже и при случае их лова, но для чего и для кого, коли разум человеческий, бытующий вокруг в мегаполисах и не только, уже надёжно обыскуствен экономикой, юриспруденцией, бюрократией, наукой, техникой, электричеством с электроникой, новейшим искусством, склочной литературой, унылой школой, масонским университетом. беспардонными медиа и ни в каких «золотых рыбках» из метафизических «ёмов» не нуждается, мало того, гонит от себя этих безрассудных ловцов «золотых рыбок» вкупе со своей драгоценной добычей взашей, подвергая заслуженному осмеянию, поруганию и... уж кому как из сих безумцев повезёт... а то и, знаете ли... э-э... если повежливее... обнулению.

Да, странник наш не меньший безумец, чем любой... нет, не любознатец и не искатель новизны и приключений,

нет... а любой, кого тянет почему-то... к истине, запрятанной в реальности, в данном случае, в гуманитарной, где, разумеется, никакой истины нет и быть не может, что гуманитарный безумец узнаёт позже — как единственную истинную там истину, но, — и это самое главное! — он перестаёт быть заблудшим в не свой огород и им, этим огородом, приманутым... э-э... козлом, а, сбросив с себя козлиный образ, сам становится, но уже не огородником, а садовником, возвращая *свой*, пусть никому особенно и не нужный, но зато нужный ему самому, вовсе и не прекрасный, немало и безобразный, но Сад, который, собственно, и оказывается искомой им *Истиной* — *его* и *её* — реальности — Истиной!

Что же это за истина такая: во-первых, какая-то «неистинная истина», во-вторых, не точечная, а матричная (Сад в целом), в-третьих, никак отчётливо не выраженная (вроде садового духа, что корреспондентно каким-нибудь Лешему с Кикиморой, тому же Домовому, а то и самой нечистой силе, в общем, чего явно нет, но что неявно всё-таки есть (вроде «теории заговора»)?

Да-а, тут уж тоже ничего не поделать, ибо любая гуманитарная истина — *без-умная*, она же и просто *безумная*, — и никакой другой она быть не может, отчего не иметь её надо и можно, а всего лишь трансцендентно полагать — как *Иное*, у которого одно истинное достояние, оно же и достоинство, как раз то, что оно... *иное* — не это и не то, однако в гуманитарных, да и не только в гуманитарных, в естественных тоже, реалиях бытующее, ещё и там вовсю и по-своему работающее.

Чертовщина какая-то, если не просто белиберда, да вот что вокруг не чертовщина и не белиберда, кроме, конечно,

Неизвестности, которая, собственно, одна и есть неоспоримая истина?

Истинно всё, что неизвестно, как и известно всё, что не истинно!

Хорошее итожащее сальдо для странника, который знает хорошо, что он *иной* и что сам для себя *неизвестность*, как и хорошо знает, что он, ничего достоверно *не* зная, знает сразу *всё* — как раз из *неизвестного*!

Не бывает, конечно, так, да вот случается!

Сон

И приснился удручённому страннику вещий сон, будто он где-то в сложно пересечённом пространстве. заполонутым какими-то подвижными в очертаниях горами с извивающимися среди них лабиринтными ущельями, а где-то за ним, за странником, раздаётся, мощно нарастая, глухой топот казачьей конницы, а горы с их тёмными лабиринтами почему-то раздвигаются, уступая место коннице, а за горами, как раз там, куда устремлена казачья с шашками наголо лава, открывается зарнистый недосыгаемый горизонт, а чей-то раскати-стый зычный голос говорит откуда-то сверху: «Ну вот и пошло-поехало, наконец-то!».

По прихоти Иного

Они, сомыслители, один — создатель философии хозяйства, отец софиасофии и автор «Отшельника», он же NN, другой — один из героев сего произведения, даже и его соавторов, как и автор фолианта под названием «Софиасофия», он же NB, наконец-то встретились, невзирая на ещё

не утихшую пандемию, разговорились под коньячок и лёгкую закуску

— Да-а, — заговорил первым после глотка коньяка тот, который соавтор, — задали вы перцу своим «Отшельником». Я прочитал это несравненное произведение дважды, сделал выписки, набросал и свои мысли по ходу чтения. (*Пауза*). Да-а... это мог сделать только **отшельник** (*акцентирует на слове*), да не назвавший себя кокетливо отшельником модный писатель, даже и не всезнающий учёный, а углублённый в себя и в реальность их — себя и реальности — *считчик*, а лучше бы сказать — *открыватель*, если не *вскрывать* (*акцент на словах*), что реально возможно не так в физическом и даже не в ментальном, а, я бы сказал, *мирозданческом* (*акцент*), даже и в *бездном* (*акцент*) уединении, когда всё видится *иным* (*акцент*), вовсе не таким, как это вокруг принято у образованщиков, да мало что иным, а *совсем иным* (*акцент*)... э-э... не побоюсь заявить... **новомирозданческим** (*мощный акцент на слове*). (*Пауза*). Вы долго к этому шли, NN, создавая свой мировидение, а теперь оно есть не просто как ваша личная познавательно-размышлительная версия, а как *трансцендентный* факт, вполне и *софийный* (*акцентирует на словах*).

Совместная задумчивая пауза

— Я нисколько не преувеличиваю: это уже не новое воззрение на мир, даже не новое открытие мира, а это явление в людском сознании **иного мира** (*сильный акцент*), делающее всё ранее сказанное о мире, включая наговоренное о Боге и человеке, не то чтобы неверным, а попросту

ненужным, хотя оно и есть, и будет, и просто так не обнулится... ещё будет и будет заслонять собою мир от новочеловеческого его осознания, разумеется, его — этот мир — посильно искажая. А мир-то страшен!

Новая совместная пауза

— Да-а, — продолжил свою речь собеседник, — Бездна, Хаос, Преисподняя, Великая Неизвестность, Иное, Безумие, — куда теперь от них, уже и некуда! (*Пауза*). Как вас замечательно во всё это угораздило, NN! Весь мир, человек, все их формы и образы, все так называемые исторические личности, все их деяния, все события, все происшествия — всё это, как и многое другое, *иное* — ИНОЕ! (*говорит с нажимом*)... и нет уже не то что гуманитарной науки, так ведь и философии уже нет, хоть остаются университеты с их философскими факультетами, профессорами и профессоршами, даже и богословия нет в привычном понимании, хоть и остаются религии как религии, церкви как церкви, храмы как храмы, обряды как обряды... э-э... всё перевернулось в земно-космическом, осознаниенном Богом и человеком доме!

Автор «Отшельника» молча протягивает свой бокал к бокалу говорившего, собеседники чокаются, выпивают по глотку бодрящего ароматного напитка, закусывают. Теперь заговорил главный виновник ментальной мистерии.

— Видите ли, NB, трудно не то что напрямую со сказанным вами не согласиться, а... э-э... не признать хотя бы

права на существование *принципиально иного* (*акцентирует на словах*) мировоззрения, не прежнего, не «ихнего». (*Пауза*). Как угораздило? (*Пауза*). Во-первых, шёл к этому, вгрызаясь ментально в реальность, не довольствуясь нажитым человечеством о ней представлением, видя, что в реальности всё не так, не такое, не это, да и сами реальности не очень-то и реальные реальности в привычном понимании, а во-вторых, на этот раз размышлял и писал *для себя* (*акцент*), а не для читателя, вовсе не рассчитывая не то что кого-то в чём-то убедить или, не дай Бог, переубедить, а попросту что-то для себя понять и лишь до единиц вроде вас донести. (*Пауза*). Вообще, знаете ли, вышел из того порочного круга, в котором сплелось воедино, в один бессмысленный клубок, всё сказанное, известное, общепринятое — это с одной стороны, а также читатель, его мнение, отклик, понимание, убеждение — с другой. (*Пауза*). Только «Я» (*акцентирует*) и **Реальность** (*акцентирует*), причём «Я» аки отшельник, а Реальность тоже аки отшельница, один на один, правда, (*усмехается*) — один на одну, что сути не меняет.

— И вы, скажу я вам, одержали победу!

— Над собой, конечно, над собой: дураком образованным перестал быть окончательно и бесповоротно, а это и в самом деле кое-чего сто́ит! (*Пауза*). В наших так называемых «народных сказках», а по сути-то в волхво-ведических сказаниях, куда больше смыслов и правды, чем во всём на нас обрушившемся зарубежном, считай, для нас вторичном, знании, причём всё равно каком и откуда явившемся (*Пауза*). Коренная Россия вся там — в той ещё мудрости — волхво-ведической, хоть и не только — Она «глубже» и этого, ибо... от Бога!

— О-о, что что, а уж Россия вам удалась!

— Это как раз третье обстоятельство, позволившее мне избавиться от ментально-знаниевых наваждений и набрести на первоисток в аспекте адекватных представлений о мире, поскольку, во-первых, Россия не поддаётся расшифровке бытующим вокруг знанием, а только им заслоняется, это в лучшем случае, или же попросту, уже в худшем варианте, искажается, да так, что не то что от России ничего не остаётся, так ещё и возникает зияющая пустой чернотой смрадная дыра.

— Это уж точно!

— А во-вторых, — продолжает своё речение назвавший себя отшельником, — Россия, как вам уже хорошо известно, *не от мира сего (акцентирует)*...

— И ваш «вестник» тоже... тоже ведь *не от мира сего*.

— Да-а, но это всё-таки не главное, главное тут в другом — в погружении в смысловой сингуляр по имени Россия, то бишь не в страну, не в цивилизацию, не в культуру, даже не в народ, а именно в *сингуляр (акцент на слове)*, в смысловую завязь, в трансцендентную *изначаль*, в метасмысловой узел, — и когда, замечу особо, туда погружаешься, в это в общем-то *Ничто (акцент)*, то всё наносное, закрывающее, затемняющее, ну и, само собой, искажающее, отпадает, как засохшие листья с осеннего древа... э-э... чуть было не выразился покрепче!

— Понимаю вас и отдаю должное вашей прозорливости, явно даденной сверху!

— Да не в том вовсе дело, может, и сверху, кто знает, а попросту *родиной* — РОДИНОЙ! Чуете: отнесись к России как к отцу, к матери, к предкам, в конце концов как к себе,

точнее, увидь себя в России, стань Россией, а Россию вбери в себя, причём не ориентируясь на ту же великую русскую, а во многом-то попросту антирусскую, литературу, а ей вопреки, как, собственно, вопреки и якобы русской официальной истории, даже и вопреки так называемой русской философии, которая либо отрывка спекулятивной западной, либо пленница путанного византийства.

— Верно!, — горячо замечает собеседник, — так оно и есть! У нас даже давно потребного россияеведения нет.

— Россия как идея, как концепт, как парадигма в конце концов, даже не подлежит никакому у нас рассмотрению, это только страна, пространство, государство, население, ну ещё неполноценная цивилизация с уродливой, тоже неполноценной, историей, причём почему-то исключительно православная либо попросту многоконфессиональная, как будто весь народ русский, как и любой другой, не от земли с космосом и от самого себя произошёл, а исключительно от привнесённой извне и насильно внедрённой религии. Хоть бы обратили внимание на древность русского языка, который чуть ли не постарше пресловутого санскрита будет!

— Да-а, евро- или тот же византоцентризм, ну ещё с добавкой исламизма с буддизмом да шаманизмом, а истоковой русскости как бы и нет.

— Всё за дураков нас держат!

Напряжённая пауза, сопровождаемая обращением к благородному напитку, да и то без всякого энтузиазма.

— Даже Ломоносова за такого держат, а его велико-
лепной истории, посвящённой как раз истокам русского
народа, как будто и нет... профессионалы хреновы!

— Да-а... это даже не убожество, а так... уродство ка-
кое-то!

— Можно подумать, NB, что дикие племена восточно-
славянские вдруг собрались на очередной конгресс и решили
Рюрика пригласить собою править, как и занемогший Влади-
мир только и делал, что религию для Руси подходящую вы-
бирал. Враньё, оно и есть враньё!

— Всё тогда шло по той же модели, что и сейчас: пре-
дательство верхушки с одной стороны — нашенской, и коло-
низация нашего бытия другой верхушкой — уже «ихней».
Вот и всё!

— Новомодная «эпоха послеправды», попросту «эпоха
неправды», вовсе не сегодня родилась: так было всегда, есть
сейчас и, увы, будет и дальше...

— До момента Страшного Суда!

— Да-а, совпадающего, надо думать, и со Страшным
Концом!

— Причём вовсе не обязательно и с армагеддонным.

— Совсем не обязательно: цифровизация и без Арма-
геддона сделает своё чёрное дело... даже никакой Гитлер не
нужен... всё само гакнется, испарится, исчезнет.

— Как уходит из нынешнего Запада, особенно из ста-
рушенции Европы.

— Ну да, из Штатов-то уже утекло, там уже давно не
жизнь, а лишь некий скелет от жизни. Прямо из масонского
шкафа: Град на Холме построен, однако вдруг в скелет пре-
вратился, ещё и в призрачный. США, как и весь Запад —

Призрак (акцент на слове), большой такой ПРИЗРАК! Сам был там, видел, знаю. У Европы ещё были шансы за счёт Традиции и Культуры свернуть с пути на земно-космический погост, на, увы... сама себя и усердно похищает, тоже превращаясь в Призрак.

— Призрак Запада бродит по планете и порхает в космосе...

— Уже, пожалуй, не так бродит, как попросту торчит!

— Но опасно торчит!

— Это уж точно. (*Пауза*). Отчего и война с Россией, хоть и заболевшей очередной раз Западом, но запытавшейся выздороветь.

— Под воздействием Иного, надо полагать.

— Разумеется! Бес западный Россию очередной раз попутал, а София через Иное Россию вырывает!

— Давайте по глоточку за Софию, за Иное, за Россию!

— Почему нет, добрая мысль!

Соприкоснувшись бокалами, отпивают по глотку бодрящего напитка. Что-то жуют. Молчат.

— Вот и опять, как говорится, двадцать пять! — прерывает молчание NB, — опять война Запада с Россией, хоть и гибридная, да вот не без войсковых операций, причём вполне себе и горячих.

Тяжкая пауза

— В том-то и дело, что мир вроде бы меняется, становясь внешне другим, а вот внутри-то он всё такой же: как был

натиск Запада на Восток с Россией в авангарде сему натиску сопротивления, так и остаётся, хоть и Запад вроде бы другой, и Восток другой, а вот направление всё то же. (*Пауза*). И обратите внимание: христианский, пусть уже давно и псевдохристианский, даже и постхристианский, Запад прёт и прёт на Восток, по большей части как раз нехристианский, а ежели и внешне христианский, как та же Россия, то всё-таки другой христианский, а для Запада всё равно преступно восточный

— Э-э... иное на иное, так выходит.

— Да-а, так, именно так, только одно иное непосредственно от этого мира, а другое иное — от мира иного...

— И этим двум иным мирам никогда не сойтись меж собой ни в этом мире, ни в каком-то третьем ином.

— Выходит, что так!

— Тогда понятно: и инаковские миры, и вековая война меж ними — **война миров** (*акцентирует на словах*).

Тягомотнёвская пауза

— Выходит, кто кого (*акцент на словах*)!

Повисшее безмолвие

— Выходит, — произносит в конце концов отшельник, — что так..!

— Но победа любого из миров ведь не решит *Великой экзистенциальной проблемы человечества* (*акцент на словах*)?!

— Нет, не решит..!

— И дальше опять нескончаемое сражение.

— Опять... если, конечно, будет кому и за что сражаться.

— И тогда вопрос: что же есть человек, зачем он, чем закончит?

Новая тягостная пауза

— Кто ж *это* (акцент на слове) на Земле, да и в ближайшем Космосе, знает, — **никто** (сильный акцент на слове)!

— И Господь не знает.

— Может, и знает, хотя и не факт, как и не факт, что всё творимое человеком входит в Его первозамысел о человеке... Хотя... а, может, и что-то этакое всё-таки туда входит... одно можно сказать, что сейчас, видно, кульминация: проект либо завершается согласно самому проекту, либо проект сам себя исчерпывает... так что драка меж зёмными мирами идёт и будет идти.

— Но не ради светлого будущего, а ради приемлемого конца, пусть и оттянутого во времени... а *время-то заканчивается* (акцентирует на словах), причём не как долгота, а как... э-э... феномен мироздания... для человечества, разумеется.

— Человечеству уготована почётная вечность.

— Что-то вроде того. Однако в каких координатах, не в двумерных ли?

— Жуть!

— А что, разве разговоры про Страшный Суд идут просто так, что ли?

— Да-а, помните, NN, как вы ясномысленно высказались о явлении Христа и Его конце в муках на кресте как о покаянии Бога перед своим неудачным творением — человеком, с целью его просветления и исправления, а уж Страшный Суд будет не просто страшным, как раз с помещением человека в двумерное заключение — самое страшное из страшных тюремного образца наказаний.

— Немного осталось, ибо из человека стремительно выветривается всё божественное, софийное, собственно человеческое, человек сам стремительно превращается в двумерное ничто, творя сам над собой Страшный Суд, не дожидаясь Второго пришествия Христа — уже в образе Страшного Судии, а не незадачливого проповедника общечеловеческой любви!

— И шанса, похоже, нет.

— Какого и для кого? Ежели для человека, то пока ещё есть, но для этого потребно *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ! (*акцентирует на слове*), да вот кто на это пойдёт, да и какое, собственно, преобразование — в кого или во что?

— Значит, выхода нет?

— Кто ж из смертных, да и бессмертных тоже, знает, есть он или нет, опять же для кого и куда: вокруг ведь Великая Неизвестность со своим назойливым Иным. Ежели спасутся, то немногие, однако кто же?

Колкая пауза

— А что Россия, она же неотмирна?

Затяжное молчание

— На большую перспективу, — прервал молчание отшельник, — тут нечего сказать, а вот на малую... э-э... России надо выбираться к самой себе, отрицая и подавляя охватывающий её и весь земный мир *апокалиптический антимир* (*акцент на словах*), так что впереди если не преобразование России во что-то невозможное, а хотя бы её *преобразование в саму себя* (*акцент*). (*Пауза*). Да, это так, ничего другого не остаётся, причём ничего для России не выдумывая, просто раскрепостив её как идею, концепт, проект, что хоть никому и неизвестно, но что, однако, есть и ждёт своего часа.

— И софиасофия с философией, — точнее, метасофией, — хозяйства тут как тут...

— Пожалуй, только аки ноосферный феномен, не более того! Это ведь осознанно никак не воспримут, хоть и невольно действовать в этом направлении в общем-то могут, даже и будут, ибо иного пути попросту нет: или Россия с жизнью, или погибель без погоста!

— (*Удивлённо*). Что это значит: без погоста?

— А то и значит, что без всякого следа в Мироздании... э-э... разумеется, вместе со всем окончательно обезумевшим человечеством.

Острая пауза

— А Восток с Китаем во главе?

— Э-э... а что такое Китай без России, ответьте мне?

— Неожиданная постановка, тут надо подумать!

— Китай хорош, но он... э-э... *неживой* (*акцент на слове*). Тот же Запад с Европой и США, может, и наглец, но он... ещё *живой* (*акцент на слове*), с ним даже договориться

можно, пусть и ненадолго, а с Китаем, знаете ли, не договоришься, ибо он... *Китай* — КИТАЙ! (*акцент на слове*), сам по себе, уж никак не для других, как та же Россия или даже, пусть и корыстно, тот же Запад. (*Пауза*). Западу мир земный нужен хотя бы ради его эксплуатации и развития, пусть и развития для самого в первую очередь Запада, кстати очень рискованного для Запада и мира развития, а Россия нужна земному миру ради хотя бы окорота и коррекции Запада, а потому и самосохранения мира и себя, а Китай... э-э... разве лишь для того мир Китаю нужен, чтобы окончательно дожрать его и незаметно для себя из мироздания исчезнуть.

Напряжённая пауза

— Россия или земный мир, так выходит?

— Примерно так!

— Отсюда, выходит, и нынешняя война Запада с Россией на Украине, — чуть ли не для расчистки планеты для Китая. Не парадоксально ли?

— Парадоксально, конечно, но лишь на первоповерхностный взгляд, а вот ежели подумать, то... для отрезвления, а лучше сказать — выздоровления России и, как я уже сказал, для окорота Запада, его ненаигранного безумства, ну и для недопущения к земной кормушке того же Китая, о чём пока меньше всего думают.

Разящая пауза

— А ведь так и есть! Всё мировое на Украине и решается!

— *Смысло-стратегическое*, конечно, — утвердительно проговаривает отшельник, — но можно сказать, что *земно-космо-экзистенциальное (акцентирует на словах)*, это уже давно ожидаемый прорыв — как раз в новое *смысло-концептуальное пространство (акцент на словах)*.

— Евроцентрическая парадигма ёкнулась.

— Да, только это не значит, что на смену приходит наша с вами парадигма, хотя сказать, что она не имеет шанса в конце концов прийти, пусть и в ином — обывательском — облике, мы тоже не можем.

— По-моему, всё к тому идёт!

— Не исключено, но, сами видите, через кровь, через кровь... о-о... как безумен человек, правда, *этот человек — передовой (акцент на словах)*, а китайское холодное благоразумие как раз очень тут кстати.

— Чтоб нам не заиграться!

— Да, чтобы не потерять насовсем голову.

Острая пауза

— А есть ли они эти головы, себя не теряющие?

— Вы это хорошо знаете, NB: как ни странно, но зато вполне логично есть, особенно среди военных, да-да, среди военных, не утративших, как говаривают злые языки, «казарменного»-де, а на самом-то деле вполне себе *экзистенциально-проективного (акцент на словах)* благоразумия. (*Пауза*). Они-то всё и решат: без тотальной войны, без плутократии и без фашизма, хотя и небездиктатурно. (*Пауза*). Вы сами об этом писали — о диктатуре армейского образца!

— Да-а, я хорошо запомнил вашего, — именно вашего, а не булгаковского, Афрания, не из «Мастера и Маргариты», а из вашего «Реквиема»! Да-а, снова приходит время военных, но действующих уже не столько на поле боя, сколько на зёмном поле вообще — вовсе не ради смерти, а как раз ради жизни!

Глубокомысленная пауза

— Верно, так оно и есть: или военные спасут планету и спасут не войной, а миром, причём миром *ответственным* (*акцент на слове*), либо политиканы-комики доведут земный мир до полной катастрофы. (*Пауза*). Меня армейство не страшит и даже не смущает: сами армейцы уже больше технократы и сами себе управленцы, вполне и высококлассные, чем попросту «вояки», это, во-первых, а во-вторых, они очень хорошо, в отличие от гражданских гуманитариев, воспринимают близкие нам с вами мировоззренческие, включая и эсхатологические, послы. Военные вообще куда как открытее и понятливее для *иномирья* (*акцент на слове*), чем невоенные. Проверено (*улыбается*), мин нет!

— Согласен с вами, NN, и предлагаю по глоточку за армейцев, разумеется, современного образца, за их искусственный разум!

— Хоп!

Соприкасаются бокалами, выпивают по глотку оставшегося в бокалах ароматного напитка

— Хорошо посидели, всласть и поговорили, кое до чего, кажись, и договорились!

— Да уж!

— Мир земный трещит, NB, как весенний лёд, а теперь вот через посредство Украины вовсю и ломается...

— А Россия взрывает ледяные заторы?

— Так точно, товарищ! А после ледохода мир, как и полая вода, станет *иным* (*акцентирует на слове*). Во всяком случае, уже не американским, как и, будем надеяться, ещё и не китайским.

— Как и, слава Богу, не российским, а просто *иным*! Да сбудется!

Сполошные измылизмы

29.12.2021

1. «Всё суета сует!» — верно сказано, и никакой технотронный мозг этого не только не одолеет, а, наоборот, ещё более засуетит, спотыкаясь о самого себя. Суета — экзистенциальная великая данность, без которой жизнь ведь и не жизнь, а всего лишь сначала нежизнь (прозябание), а потом и ещё проще — сама и смерть! А суета, которая даёт жизни жизнь, как раз и есть чудотворная живая нежизнь, а то и смерть, всего лишь принимаемые за обычную живую жизнь. Вот и живи, чек, каждый миг умирая, а непрерывно умирая — живи!

2. Стиши я начал писать в Париже, в 33 года, от великой, при этом и насыщенной деяниями, эмоциями и переживаниями, личной свободы, которая стала вдруг доступной в

роли, пусть и не именитого, но гостя Парижа, Парижем принимаемого и окормляемого. Хороши были или плохи мои стиши, не так уж было важно, но зато когда мне стало на родине всамделишно худо от непризнания моих творческих порывов, аккурат в сорокалетнем возрасте, и безысходного карьерного тупика, в который меня тогда загнали, мои стиши, которые я вдруг решил однажды перечитать, буквально меня спасли... нет, не от петли, конечно, а вот от уныния — точно, как и сейчас, уже на склоне лет, когда всё мною для себя и для мира сказано, да ещё как сказано!, меня выручают, правда, уже не от уныния, а от старостной унылости, мои чуждые тексты — причём на любой наобум открытой странице... бац!... и получаешь пригожий ответ, — вот она — магия *Слова Своего*!

3. С эпохораздельного для страны, называвшейся СССР и ныне называемой Российской Федерацией, как и для ряда других осколочных от СССР «независимых стран», незабвенного 1991 г. вдруг стало ясно, что значило было жить в *соседстве* с бездной, адом, преисподней, бытовавших внутри социализма, но всё-таки с примерным людством внутри него, среди людей, и что зазначило жить, а по сути-то уже и не жить, а так — переживать, а то и просто «нежить», *внутри* бездны, ада, преисподней, ещё и с нелюдством и среди нелюдей в приоритете. Две тут больше разницы: жизнь в небезуспешной борьбе с нежитью и жизнь аки нежизнь под нежитью, лишь ей небезнадёжно, быть может, но явно беспобедно, сопротивляясь!

4. Славные и бесподобные (*бесу-подобные*), они же революционные, вольные, хаосные, лихие, пакостные, гадкие 1990-е, оказались годами, сотрясшими до глубины

моральное, гражданское и онаученное сознание, как и годами примечательных открытий: стало ясно вдруг, что не только бездна, ад, преисподняя прямо здесь, на Земле, среди людей, в социуме, в цивилизации, что они эти — бездна, ад, преисподняя — не просто всегда вместе с человеком, социумом, цивилизацией, с той же церковью, так ещё они могут вдруг возвыситься, объяв собою человека, социум, цивилизацию, ту же церковь, да так объяв, что сама жизнь, тесно сомкнувшись с погибелью, смертью и небытием, перестаёт быть собственно жизнью, а переходит в разряд нежизни, а приоритетный субъект сей нежизни, её актор, оказывается не человеком вовсе, а каким-то иным существом, лишь носящим внешне человеческий образ — таким *иносуществом*!

5. Однако самое поразительное открытие состояло благодаря 1990-м годам в том, что человек *от роду своего* вовсе не то существо, за которое стал себя успешно выдавать посредством мифологии, философии и религий, а в особенности в век просвещения, гуманизма и атеизма, а весьма, если не совсем, *иное существо*: животное, звериное, бесовское, хоть и самим же собою окультуренное, обыскуственное, очеловеченное, да вот очеловеченное не до конца, не на всю глубину, не вполне, — как засели в тайниках людских душ бездна, ад и преисподняя, так там и сидят, а при случае, которого они — бездна, ад, преисподняя — не только терпеливо поджидают, но и неустанно нагнетают (вроде войн, набегов, нашествий, агрессий, революций, бунтов, восстаний, воровства, разбоя, но и хамства, ссор, скандалов, споров, стычек, драк и т.п. вещей и вестей), эти бездна, ад и преисподняя вдруг поднимаются, расширяются, растут, захватывая витально-экзистенциальное пространство,

главенствуют, переводя бытие в небытие, лишая всё позитивное человеческое шанса быть и выводя наперёд аномальную небыть!

6. Да... бездна, ад, преисподняя — всё это в мироздании, в природе, на Земле, но ещё и в человеке, в его сознании-бессознании, в разуме-безумии, в ноосфере-инферносфере, в текущих состояниях и вершащихся поведеньях человекообразных существ, — и это бесспорный факт! Иллюзия о человеке и человечестве как носителях божественного, софийного, сакрального начал безнадёжно рухнула, а штилевое денежно-материальное благополучие суперновейшего разряда лишь закрыло дорогу к возврату сей лженамеренной иллюзии: неблагополучный человек (как и страна, народ) бывает страшен, но нет ничего омерзительнее благополучного или неистово стремящегося к благополучию человекообраза, народобраза, странобраза!

7. Данте писал об аде как о каком-то внешнем относительно зёмного человеческого мира заведении — вроде приюта для сумасшедших или тюрьмы для арестантов, куда Данте старательно отправлял по адовским округам разного рода грешников, почитая почему-то свой тяжкий судебно-инквизиторский удел за «божественную комедию» (не без, видно, веских на то оснований), однако ад не где-то там за пределами земно-человеческого мира, на каком-нибудь спутнике Марса или Сатурна, а здесь, на Земле, посреди мира человеческого, и находятся в этом аду вовсе не так великие грешники, того заслуживающие, а и самые что ни на есть позитивные особи, а ежели по чесноку, то великие грешники по преимуществу не в аду, который они сами устраивают и которым управляют, да и какими-то там грешниками себя вовсе

не считая, как и не получая по обыкновению за свою адовскую миссию причитающегося им возмездия, а вот настоящие люди, пусть и не без грехов, как раз в земно-мировом аду и бытуют, ибо ад устраивается на Земле и в человеческом мире аккурат для них, а не для дантовского пошиба великих грешников. Коли ты позитивный и настоящий, борись с адским миром и самим собой, тоже ведь адским, зарабатывая себе вовсе не на рай, который как раз где-то там, а не более чем на райский погост!

8. Что ни говори, а вокруг всё *иное*, вовсе не такое, кем, чем и как людям кажется. *Иное!* Реальность — не более чем реальная кажимость! Вокруг лишь бескрайнее владение *Великой Неизвестности* и полный тайны заповедник *Иного*, а это Иное — не более чем *иное*, — вот и всё! Вроде бы приличный напогляд человек, а на самом-то деле — бес (бесовек), как и наоборот — будто бы бес, а на поверку чуть ли не приличный человек. Ху тут is ху? Чтобы разглядеть в человеке беса иной раз мгновения достаёт, а вот, чтобы в человеке разглядеть просто достойного человека и целой жизни частенько не хватает. А потому кругом по преимуществу «как бы» да «как бы»: «как бы человек» и «как бы бес», а кто и что на самом деле, кто ж это знает? Тогда что же выходит: не знать, не думать, не гадать? Совсем нет: и думать, и гадать, хоть при этом и не знать, зато можно догадываться и... ошибаться, но не без того, чтобы кое-что всё-таки и знать (Бог, как известно, шельму метит, как и не шельму тоже — лишь по-другому).

9. Почему ныне развелось так много (легионы!) всякого рода знатоков, экспертов, консультантов, советчиков, гадалок, знахарей ну и, само собой, пророков? А всё потому,

что все они, кроме разве удачливых гадалок, ничего о реальности достоверно не зная и ни за что из ими проговариваемого головой своей не отвечая, несут всё, что им угодно, ибо реальность одновременно и такая, и этакая, и разэтакая, а главное — всегда *иная*, отчего и нести о ней можно всё, что ни попадя, — всё равно будет не так, как сказано, а иной раз вдруг и так, отчего тогда и гешефт! Попробуй-ка, разоблачи таких вот говорунов, не попав под суд за клевету и не получив тебе вдруг запричитавшегося, ибо там — в судах — такие же! А потому мы уж без имён, без адресатов, ну и, само собой, без разоблачений!

10. Гуманитарная реальность вроде бы вокруг есть, но её как будто и нет, поскольку она — реальность — *ина*, да так *ина*, что не раз, не два и не три *ина*, а бесконечно ина — *и́нои́на́!*, отчего вокруг пресловутое зазеркалье со своей «теорией заговора» не за реальностью, не вне реальности, а прямо в ней самой: реальность как раз и есть *зазеркалье!*

11. Гуманитарная реальность — игра *Иного* под началом, опекой и приглядом *Великого Неизвестного*, отчего ни схватить сию реальность за ейный вертлявый хвост, ни усадить в догматическую клеть, ни покорить её раз и навсегда, — с реальностью можно только *играть*: операционально-фактологически, ментально-рассужденчески, безумно-откровенчески, причём не рассчитывая на прочный и долгий выигрыш: за мимолётным и нестойким, как правило, выигрышем непременно стоит или же назойливо следует неминуемый проигрыш. Интересно всё это, занятно, даже забавно, но при этом и весьма рискованно, да так, что и костей иной раз не соберёшь, не то что мыслей, суждений,

оценок, картинок. Всякий взявшийся за истинное-де познание гуманитарной реальности — дурак, простаки и безумец!

12. Что есть истина? Да всё, что угодно: обывателю, эксперту, правителю, суду, церкви, лишь бы работало, принося удовлетворение, пользу, вред или даже ничего не принося, кроме видимости и суеты, что, надо заметить, всего более и истинно!

13. Вот говорят, что революции делаются *бесами* (это по Достоевскому) и правильно говорят, да вот не только бесами, да и по большей части не бесами вовсе, даже и не безумцами всех мастей, хоть и не без этого, а совершенно, знаете ли, благонамеренными, вполне и позитивными людьми: правителями, сановниками, жандармами, генералами, не говоря уж о философах, поэтах, писателях, театральщиках, журналюгах, бардах, скоморохах и любых иных гражданах, да вот мало кто из них готовит и творит революцию осознанно, по большей же части совсем и нет, однако есть категория вполне сознательных революционеров, вовсе не обязательно и бесов с безумцами, хоть и не без кое-какого бесовского безумства, — речь тут о тех представителях рода человеческого, которых обычно называют если не *праведниками*, то уж правдолюбцами, борцами за справедливость, пусть никому толком и неизвестную, а также речь идёт о тех персонажах, которых можно обобщённо называть *бастардами*, разумеется, социальными, а не по рождению, хоть и не без этого тоже, как раз тех, кто *не имеет*, но претендует на то, чтобы *иметь*, а именно — свободу, возможности, положение, авторитет, власть, деньги, богатство, которых отличаются помимо амбиций и агрессивности, эгоцентрической страстности, так же и незаурядный ум, нестандартная

изобретательность, заметная творческая жилка, немалая хитрость и рисковость, которых не сильно гложет совесть и не сильно пугает страх, в общем — не просто куда-то и к чему-то слепо стремящихся, а осознанно и расчётливо желающих того, что не даёт им существующее социальное устройство, которое следует либо радикально изменить, либо под корень вырубить и насадить на его месте что-то совсем уж другое, как раз им — бастардам — потребное. Из этих вот бастардов и выходят главные революционеры — главари революций!

14. Революции подталкиваются и делаются агентурой из-за рубежа с участием своих (отечественных) ставленников иных стран и сил, секретных служб, генштабов, в революциях участвуют в момент их разгара массы населения из недовольных существующим строем бытия, им — этим строем — униженные и оскорблённые, как и не проходит мимо революционных безумий разнообразный уголовный, включая и бандитский, элемент, однако самым главным, менее всего замечаемым и понимаемым свойством революций является то обстоятельство, что революции во многом, если не в решающей степени, вызревают, вспыхивают и катятся по своей дорожке... *сами по себе*, оказываясь по сути и в целом *самими-себе-революциями*.

15. Тут виновато прежде всего бытующее подспудно в глубинах реальности *Иное*, которое, не давая покоя никакой, даже и самой напогляд устойчивой реальности, всё время заряжено на *иное*, не на то, что есть, а что будет, а что будет-то само это *Иное* не знает... и знать не должно, ибо это прерогатива самой реальности, которая и решает, что будет и не будет никогда, и что интересно в случае с революциями: да, они совершаются — невероятно и внезапно, — имеют какие-

то свои ближние цели и решая текущие задачи, но никогда не достигают того, ради чего они на перспективу затеваются и происходят. Сначала вырыв свободы, стихии, хаоса и безобразия, а затем неизбежный тупик, из которого ищет выхода если не прямо *контрреволюция*, то уж *антиреволюция* — точно! И тут виновато оно — Иное, которое не может ничем удовлетвориться и всё время тянет к переменам, побуждая в итоге сначала к революции, а затем к её преодолению, однако уже в ином — не в прошлом дореволюционном и не в собственно революционном варианте бытия, а как раз в постреволюционном, не исключено, что и в худшем, чем то было до революции.

16. *Парадоксы революции!* Сначала вдруг случается, чтобы под приемлемо-прельстительным лозунгом (даже и программкой, даже и поддержанной какой-нибудь «вечно живой» теорией) перевернуть ситуацию, захватить власть, разрушить бытующее, перетрясти «людской материал», двинуться вперёд по намеченной или желаемой дорожке, чтобы убедившись в несостоятельности движения по той дорожке, лишь заведшей в тупик, выйти затем, изрядно передравшись, поуничтожившись, вновь окропившись кровью, приступить к воссозданию жизнеспособного бытия, зачерпывая что-то из прошлого, вводя что-то новое, а в итоге получив ни то, ни другое, даже и не третье, а... *иное*, — вот тогда-то и достигает революция реальной цели, да вот не своей заповедной, а совсем иной, которую уже достигает не революция, а сама текущая бытийно-историческая реальность, пусть и достигает прерывно, колебательно, вариативно, импульсивно, даже и конвульсивно.

17. *Парадоксы революции!* Но не только: тут и парадоксы самого Бытия-Истории, и существа под шифром «ЧЕЛОВЕК», и даже самого Мироздания, в общем — парадоксы тут от самого Его Величества Парадокса, а потому и *сами-себе-парадоксы*, которые вольготно бытуют посреди бесконечной и безраздельной Неизвестности!

18. *Сами-себе-революции*, как и, заметим, *сами-себе-войны*, вообще много ещё чего, что происходит в бытии-истории при участии людей, по их вроде бы желанию и под их водительством, да вот происходит мало что не так, не совсем так, а то и вовсе не так, но происходит, что в общем-то нетрудно заметить, как-то *само собой*, но это не всё — происходит вообще не столько по воли (волям) людей, как по воле *самого Бытия-Истории*, но и это не всё — по воле и какой-то совершенно *неведомой силы*, прямо восходящей к неизвестности — как раз *Великой Неизвестности!* Так было раньше, так есть и сейчас!

Аки эпидемии: *сами* возникают, *сами* идут, *сами* исчезают, хотя всё это и не без участия людей и не без влияния каких-то известных людям обстоятельств.

19. Это-то «САМО», как раз *сáмо* и *самó* — важнейший момент-принцип бытия-истории, да не только земно-человеческого, но и космо-мирозданческого, а всё почему? — да потому что иначе и быть не может! Ну и ответ! Да-да, именно такой ответ, в котором или через который всё и сказано: работают энергии-информации, бродят по пространству-времени, сходятся, расходятся, сталкиваются, накапливаются, образуют в бытийно-исторической или той же космо-мирозданческой ткани узлы, холмы, горы, впадины, воронки, дыры, где-то вдруг взрываются — как раз войнами

и революциями, что означает, что эти последние есть не что иное, как те или иные *состояния* всего сразу *сущего* вперемешку со всем сразу *несущим* (не существующим-де, но примыкающим ко всему существующему, участвующим в нём, а иной раз и определяющим).

20. Вот поди-ка и пойми, что в реалиях реально есть, почему есть, отчего *самó* есть, а человек, — что человек?! — он всего лишь в потоке всего сущего, хоть и сам он сущий, и влияет на внешний сущий поток, им даже до некоторых пределов и пор управляет, да вот и сам он сим «сущим» потоком управляется, отчего те же революции и войны хоть и готовятся, и разжигаются, и ведутся человеком, да вот на основе, по интенциям и в пределах этого самодвижущегося всеобщего сущего, а у кого тут бывает приоритет — у всеобщего сущего или особенного человеческого — решается всеми сразу конкретно в каждом конкретном случае.

21. *Сущее* — хорошо сказано, ибо это не только всё существующее, но, скажем нейтрально, и *экзистенцирующее*, то бишь о себе конкретном как-то заботящееся: сохраняясь, изменяясь, передвигаясь, приспособливаясь, отступая, наступая, дробясь, соединяясь в целое, то бишь вообще-то говоря по-нашему... *хозяйствуя* — вплоть до угасания и исчезновения, уже в другом, — подобном или нет, — сущем.

22. Хорошо сказать, что всё сущее есть *энергия-информация*, да вот не всё при этом сказать, причём не сказать главного, как раз того, что всё сущее ещё и... *ум* — УМ!, — да да, именно так: УМ! Нет, конечно, не Божий и не человеческий ум, у каждого сущего, заметим особо, свой ум, свой аттрактор (замысел), своя бытийная программа, ну и свой механизм себя поддержания (гомеостаз), включая и механизм

каких-то потребных сущему перемен (строенческой, качественной, поведенческой динамики).

23. Об уме камня, понятное дело, говорить как бы неумно, а вот о тех же горах вполне уже допустимо, не говоря уже о живой природе, да ещё и не вегетативной, а анимальной: кто откажет в уме ладно бы волкам, собакам и лошадям, ладно бы уж воронам, гусям и воробьям, даже и пчёлам а то ведь и тараканам с мухами не откажешь. Ум, он и есть УМ, куда от него? Что, разве болота, реки, моря не ум-ные, а сама планета Земля, а Солнце с Луной, а весь Космос, а всё Мироздание? Да, можно запретить говорить об уме (умах) всего сущего, но разве от этого оно перестанет быть ум-ным?

24. Лучше всего говорить о человеке: чего-чего, а ум у него есть, да вот каков он — сам-то человек — в аспекте реализации своего ума: умный или не очень, а то вдруг и попросту... безумный?! Не будем говорить об уме-безумии какого-нибудь вулкана или того же слона, как, впрочем, и самой Земли-матушки вкупе с угнездившейся на ней Природой, а лучше уж о человеке: не то «венце творения», не то «венце природы», не то «сыне Божиим», не то... э-э... «продукте Мироздания», в общем — владельце и носителе *ума*, хотя никто из умных сам по себе ум никогда не видел и что это такое на самом деле нисколько не знает, а всё потому, что это — *ничто*, лишь кажущееся нечем, или же нечто, исходящее из *ничта*, — это уж кому как нравится.

25. Однако УМ в понимании человека это как раз то, что... *решает*, прибегая к *разуму* и не избегая *безумия*. Сойдёмся на этом, хотя опять... ничего досконально не знаем, несмотря на наличие *сознания*, то бишь отвлечённого ото всего сущего обо всём сущем сущего знания, выраженного в

абстрактных смысловых символах — словах и речи, цифрах и числах, однако непременно сочетающегося с *бессознанием* (прерыванием сознания, его временным отсутствием).

26. Если учесть, что не только человек, как особь, как индивид, как субъект имеет УМ, но и человечество как целое (неважно какого размера и конкретной выраженности — семьи, рода, общины, общества, всего зёмного населения), то бытие-история мало что тоже располагает своим УМ'ом, но и тоже им всю пользуется, принимая решения, будучи как раз аналогом того, что принято в науке принимать за так называемые стихийно-объективные процессы, и хотя это по видимости так и есть, но что при этом вовсе не исключает возможности трактовать это как именно решения, пусть вроде бы и не субъектные, да что из того?

27. *Войны и революции* — вполне себе сущие, а потому и *умственные*, события, со своим умом, своим разумом и своим же безумием, ну пусть квазиумом и квазиразумом, но зато уж безумием, так уж безумием, без всякого «квази», как и теми же квазисознанием и вполне себе уже не «квази» бессознанием. Что, разве не так? А приглядишься гражданин, господин, товарищ, повнимательнее к такого рода событиям и вдруг увидишь, точнее, незримо обнаружишь... э-э... УМ, да-да, тот самый УМ, который повсюду, а ещё, уже и не вдруг, осознаешь, что в этих событиях и умах участвуют и другие умы, да мало что человеческие, что понятно (вояки, боевики, революционеры, герои, мыслители, художники, репортёры, проходимцы, мошенники, спекулянты, ворюги, бандиты, беспризорные... надо ли продолжать?), а то ведь ещё и такие таинственные умы, они же и квазиумы, они же и неумы, как ум-неум Бытия-Истории при соучастии «ума»

Иного и даже «ума» Великой Неизвестности тоже (о Боге Творце с Его Софией мы уж тут лучше помолчим, как, собственно, и о сатане, дьяволе, шайтане, — с нас вполне хватает и выше, до скобок, упомянутого).

28. Какой же из умов («умов», неумов) более всего решает быть или не быть войне или революции, какими им быть, к чему привести? Вроде бы тут всё решает ум человеческий, без которого как будто бы ничего не обходится: ни начала события, ни его хода, ни его завершения, ни даже от него последствий, хотя тут — в последствиях — куда как в меньшей степени, чем во всём предыдущем, — да, это всё так, но, по размышлении, и не совсем так, а то и вовсе не так, что тоже ведь бывает. Говорят же, по тому же Чижевскому, что волнения, бунты, революции и войны зависят-де от активности Солнца, а у астрологов от положения и межсоотношений планет, от движения и пролётов комет, от взрывов в Космосе, хоть дело тут вовсе не в этом или не так уж в этом, однако говорят, ибо чувствуют, что дело тут не в одних человеческих головах, а кое в чём ещё, что как раз за пределами человеческих голов, а ежели что и в пределах, то не слишком носителями голов осознаваемо. А всё почему? Да из-за включённости ума человеческого в другие умы, вовсе не или не такие уж человеческие: Бытия-Истории, Иного, Великой Неизвестности, отчего и вопросная неизвестность, почти что и безответная: «Какой же из умов («умов», неумов) более всего и решает в войно-революционных событиях?».

29. Чтобы не запутаться, ответим так: «Все тут решают и каждый по своей мере, а вот кто по какой мере, так кто ж из смертных это знает?». Ясно, что та же Великая российская революция 1917 г. с мощным антироссийским (дважды

прозападным: сначала либерально-буржуазным, а затем диктатуро-... э-э... вовсе и не пролетарским, а так... якобы, мирово-социалистическим) мотивом готовилась долго, даже и предпринималась в 1905 году, а случилась она внезапно после знаменитого демарша генералов, отказавших действовавшему царю в доверии и желавших всего лишь перехода престола к его брату — боевому комдиву, а всё пошло не так, брат от престола отказался, в дело вошли тогдашние политики-думцы, принявшие на себя власть, ну а дальше пошло-поехало, когда революция сама стала за себя думать, доведя дело до оголтелых большевиков, их переворота, а потом и всего остального — ужасного и неостановимого, включая конфискации, экспроприации, террор, братоубийственную, — а вовсе и не какую-то там «гражданскую», — войну!

30. Да, Великая российская революция долго готовилась, аж с рубежа XVIII — XIX веков, и готовилась не только «людьми», но и самим Бытием-Историей (не только собственно российскими, а и той же Европой с её Просвещением, Великой французской революцией, Наполеоном Бонапартом, капитализмом и промышленной революцией, плутократическим либерализмом в сочетании с колониальным империализмом тоже; готовилась сия революция и Иным, то глухо, то громко призывавшим Российскую Империю, родившуюся от Петра I, к фундаментальным переменам, на которые она хоть и пошла, да вот непоследовательно, не вполне, лишь разжигая уже давно тлевшую в стране и поджидавшую сполоха революционную страсть; сию революцию поджидала и Великая Неизвестность, как раз и шанда-рахнувшая вдруг генеральской дланью по несчастному престолодержателю, от которого тогда отпрянула вся или почти

вся, ну пусть лишь многая, Россия: всякая власть ведь ради постоянного управленческого дела, своевременных и нужных перемен, а не ради просто власти, её удержания, а ежели чего-то такого нет или просто не хватает, то приходит она — революция, причём приходит при всём её всеми ожидании для всех же внезапно., а главное — в самом невероятном образе и исполнении, а ещё круче — в невообразимом *безобразии!*

31. Поначалу в революции участвуют помимо заранее заточенных на неё профессиональных революционеров — бешов, бастардов и правдолюбцев, по большей части «честняки» и наивняки, пусть даже и малость бесноватые и немало на тот момент обезумленные, вовсе и не все непременно лично обездоленные, но по мере развёртывания рокового события, как обычно, весьма неоднозначного, в него втягиваются массами все чем-либо недовольные — устройством ли жизни, правящим ли режимом, реализующейся ли у каждого экзистенцией, как и приходит туда же и уголовно-деклассированный элемент, а в итоге плодами революции пользуются... а кто в самом деле пользуется плодами революции?.. нет, вовсе не только и не столько отпетые негодяи, сколько публика особого — очень даже деловитого, так сказать, — рода, вовсе не обязательно, повторяем, и негодяйского, а умеющего как рыбку в мутной воде словить, так и синичку в туманной атмосфере поймать. не говоря уже о крупных рыбах и ширококрылых журавлях. О совести и её угрызениях тут особо не помышляют, как и не сильно стеноют по жертвам пертурбационных процессов, хоть потом и вирши слагают пламенные о благородстве, мужестве и бескорыстии что сгинувших революционеров, что революционных

бенефициаров, и песни бодрые о революции и её героях и жертвах хорами распевают. Всякие особи и особы оказываются в составе конечных победителей по итогам революции, разные — по всей гуманитарно-экзистентной шкале, но в чём им не откажешь, так это в деловой хватке, ловкости и упорстве, ну и, само собой, в нюхе, что похлеще и собачьего, будет: пройти через горнило революции, в ней вовсю участвуя, уцелеть, да ещё и победить, — не хухры-мухры, прямо скажем!

32. Всё так тогда и было, начиная с 1917 г. и длясь, как минимум, до... Э-э... чуть ли не до энского года: добрая революция ведь не сводится к государственному перевороту, народному восстанию, захвату власти, даже и к фронтальной гражданской войне, она может длиться долго, очень долго, избилуя хаосом, борьбой, туда-сюда деяниями, насилием, героизмом, подлостью, ложью, преследованиями, репрессиями, приговорами, обильным кровопусканием. А как же иначе: революция на то и революция, чтобы разрушив бывшее (может, ещё и не дряхлое, даже не устаревшее), создать что-то новое — *иное*, а при его — этого нового — создании уже передрались между самими революционерами — за власть, за путь, за жизнь, за добро (в смысле владения), а также подавить сопротивленцев, закабалить по-новому работное население, расправиться с любым чуждым элементом, отбиться и от внешнего врага как тоже ведь претендента на добро. Вот и наша Великая революция, когда же она всё-таки завершилась: в 1922 г. (НЭП, СССР), в 1929 г. («Великий перелом»), в 1936 г. («строительство социализма в основном»), новая конституция СССР), в 1940 г. (конец массовым репрессиям, индустриализация, коллективизация,

культурная революция), в 1953 г. (смерть вождя народов И.В. Сталина и конец политическим репрессиям), в 1964 г. (избавление страны от последнего р-революционера Н.С. Хрущёва), в общем никто не знает и когда? — там, где-то там — в песочных часах исторического времени!

33. Да, именно так и было, а что же было? А всё что угодно, кроме того, что жаждала увидеть революция. А что она жаждала увидеть? Сначала (по итогам Февраля) либеральную в России Европу, потом же (по итогам Октября и великой гражданской бойни) Европу социалистическую, правда, лишь в Европе придуманную, но там не осуществлённую, где были реально осуществлены лишь мягкий *социал-демократизм* и жёсткий *социал-фашизм*. Жажда-то жаждала, да вот что реально получила Великая российская (вовсе не русская!) революция 1917 г.? Известно что — *сталинизм*, то бишь не то что либерализм с капиталом, но даже и не собственно (как он был в Европе придуман) социализм, а ежели и социализм, то лишь как *социал-сталинизм* (не социал-демократизм с его союзом с капиталом и не социал-фашизм как некий корпоративизм в союзе с тем же капиталом, тем более уж не национал-фашизм, а некий социал-интерэтатизм, где «интер» означало единение российских народов в рамках единого, как оказалось, вполне и имперского, государства).

34. Вот и вышло, что революция революцией, а реальность реальностью, причём там и там след от Иного, сначала в виде взрыва текущей реальности, её обезумления, а потом в виде её — реальности — восстановления, но при успехе революции в плане невозврата к прошлому (предотвращение контрреволюции), восстановления реальности в новом виде,

причём в таком новом виде, к чему сама революция в содержательном плане уже имела мало отношения, а то и вообще не имела, зато к нему имело отношение возрождавшееся, пусть и частично, прошлое. Иное тут на Иное, отчего выходило сначала выворачивание реальности, а затем новое выворачивание уже вывернутой реальности с частичным возвратом к прошлому.

35. Тогда в чём же истинная, а на надуманная, цель революции? А вот в чём: перетрясти существующее, вывернув его наизнанку, вытрясти затем из потрясённого полу существующего какое-то новое существующее, проделав выворачивание вывернутого и обрета какой-то синтез нового со старым, а в итоге получить что-то *иное*, не то, что было, это понятно, но и не то, что чаялось революцией, что не столь, быть может, понятно, но как раз и реально. Вот и выходит, что революция всегда *ина*, она не такая, какой её представляют её провозвестники, а её итог и вовсе не такой, каким мог сим глашатаям представляться. Так надо или не надо учитывать Иное?

36. Большие войны вроде больших долгоиграющих революций, как, собственно, и глубокие затяжные кризисы, всё равно какие — социальные, политические, экономические: везде хаос, потрясения, анархия, неразбериха, жертвы, как и насилия, чрезвычайки и диктатуры, скорые расправы и суды, козни и казни. Не ровно, совсем не ровно течёт бытие-история, а как-то коряво, прерывисто, дискретно, импульсивно, конвульсивно, волнообразно, чересполосно, турбулентно, возвратно, в общем — *нелинейно*, мало того — «дуже погано»! Да ладно бы от одной тряски и тёрки с трудностями и потерями к другой тряске и тёрке с трудностями и потерями

через стабильность и процветание, а то ведь через ту или иную схватку не на жизнь, а на смерть меж «людьми» с массовыми людскими и материальными потерями, с миллионными жертвами, с обильным, так сказать, кровопусканием. Человек (особь, семья, сообщество, общество, народ, государство, цивилизация) никак не удовлетворится либо своим бытием, либо бытием других (обычно соседей, но не только), либо попросту самим собою, и выпускает своё фундаментальное неудовлетворение, будучи вполне себе умным животным, осознанным зверем, изобретательным хищником, на других, громя их, грабя, насилая, убивая, подчиняя себе, эксплуатируя, как и устраивая вдруг разносы своего собственного бытия, стремясь избавиться от одного его образа (устройства), чтобы перейти к другому — как бы и к лучшему (до следующего разносного захода), но не преминув подрасть и поуничтожиться уже по итогам бурных коллизий, уже и среди своих же; но что особенно интересно: и *само бытие* оказывается вдруг недовольным как самим собою, так и реализующим его человеком (человечеством), и... уже оно само восстаёт против самого себя и своего же хомо-исполнителя, либо просто саморазрушаясь, либо ища при этом выход в *ином* образе (устройстве) себя и в обретении *иного* для себя хомо-исполнителя, что тоже сопровождается немалыми разрушениями и бедами. *Бес-покоен* он — человек, *бес-покойно* оно — бытие, *без(с)-образна* она — история!

37. Да, конечно, мораль-де виновата, не та-де религия, не та культура, не та цивилизация, ну и, само собой, экономизм с его деньгами и капиталами, как и чуть ли не врождённые алчность, корысть, захребетничество, паразитство, опять

же животность, звериность, хищность, в общем — *нелюдство*, сидящее в человеке всему виною, а может, и сам человек, прочно засевающий в нелюдстве, однако, кто и что не были бы тут виноваты, факт остаётся фактом: *жизнь, не-жизнь* и *смерть* вместе, скопом, в единении, выдавая на гора все отмеченные выше бытийно-исторические безобразия, да не просто выдавая, а без сей выдачи *никак* (!) и не обходясь! Сожалеть о давно де минувшем легендарном «Золотом веке» или же мечтать о будущем — тоже в общем-то легендарном — «Золотом веке», конечно, можно, но человек со своим бытием-историей, или же бытие-история со своим человеком, демонстрируют пока более всего не «Золотой век», а непрестанную «Золотую лихорадку», проявляемую и так, и этак, как и невообразимо как: не «ндравится» человеку быть *человеком* — ЧЕЛОВЕКОМ!, ох, как не «ндравится», а нравится почему-то... э-э... не быть человеком... впрочем, может, как раз *человеком* — ЧЕЛОВЕКОМ!-то и быть! «Человек — это звучит гордо!», разумеется, в устах самого же человека, да и перед самим же собой — аки перед зеркалом!

38. Удивляться бытийно-историческим безобразиям вроде войн, революций и кризисов вообще-то не приходится, — и ежели тут чему-то удивляться, то не столько интенционным деяниям великого безобразника — человека (чуть ли не сосланного на Землю откуда-то из космоса неисправимого каторжника, наделённого сознанием, разумом, когнитивом, как и их вполне себе действенными противоположностями), сколько безобразиям самой бытийно-исторической реальности, непременно лояльной к Иному и услужливо считающейся с Великой Неизвестностью.

39. Да-а... Великая Неизвестность, Иное, «Мета», «Транс» (трансцендентность), ну и «Сáмо» (или «Авто»), то бишь что-то, отчего-то, зачем-то вдруг *самó*, хоть и при участии человека, в бытии-истории и происходит: среди и под влиянием Неизвестности, в столкновении Этого и Иного, не слишком угадываемое и слишком неотвратимое, весьма невероятное и очень внезапное, а главное — с совершенно непрогнозируемым результатом. Объективное умное тут непременно переигрывает умное субъективное, хотя умному субъективному и кажется, что оно чуть ли не владеет объективным умным, хотя это последнее весьма владеет субъективным умным и без всякого «чуть ли». Это Ленин ли делал революцию или революция сделала Ленина, да и кто тут кем владел: Ленин революцией или революция Лениным? А тот же Гитлер, который вроде бы развязал войну в Европе, попереv сначала на Францию с Англией, а потом и на СССР, или же война, порождённая, надо заметить, всем, что называется, миром — дружно, хором, слаженно, сделала Гитлера, им владела, его вела от Франции до СССР, не считая разных иных, уже не столь значимых, геосубъектов?

40. Опять же, что более всего сказалось в подготовке этой воистину великой войны: объективное бытийное, субъективное событийное или же неведомое неизвестное? О-о, какая же тут велась геостратегическая, она же и роко-эксценциальная, игра, причём всех сразу достойных её умов и воль, не исключая и воли и безволия обстоятельств, ситуаций, случайностей, пустот! Готовили и развязывали сию войну *все* её доброхоты и *всё* бытийное сразу, иное дело, что в ней, как водится, кто-то со временем потерпел сокрушительное поражение, а кто-то одержал несомненную победу,

хотя и не факт, что сложившие знамёна навсегда проиграли, а водрузившие победные знамёна столь же навсегда выиграли, а что касается самого Бытия-Истории, которое тоже участвовало в подготовке, ведении и завершении войны, то оно, как водится, оказалось в нейтральном положении, когда главной ставкой и главным призом оказывается не что-нибудь из текущего, а... Иное! — *иной заход* (мотив) и *иной исход* (результат), а в итоге — *иной на Земле мир!*

41. Кто-то вроде бы готовит большие события типа войн и революций, как и тех же кризисов, кто-то их провоцирует, кто-то реализует, кто-то проигрывает, терпя поражения, убытки, крахи, попадая в разряд виновников происшествия, оказываясь, не без оснований, политическим и уголовным перед миром преступником, кто-то же, наоборот, выигрывает, одерживая победы, обогащаясь, уже не без обоснования, усиливаясь, надевая на себя тогу благородных судей и отпетых моральных авторитетов, а кто-то и насовсем исчезает, среди которых и миллионы ни в чём не повинных, но невольно попавших в беспощадные жернова коварных событий, землян. Однако повторимся: всё это происходит на фоне и по причине имманентных человеческому миру глубинных интенций, по воле и при участии самого Этого, пусть и подверженного влиянию Иного, мира: хотя у всех такого рода больших событий есть свои субъекты-верховоды, но сии события в главном обусловлены всё-таки миром, его движением, они творятся в мире и миром, хотя и творятся в решающей степени и *сами по себе*, что всего труднее понять, однако без учёта чего всё происходящее выглядит не то что неясным, а и попросту неправдоподобным.

42. *Сталинская цивилизация* — победительница в Революции (по её — революции — итогам), в строительстве самой себя, в Великой войне, в отстаивании самой себя (первоклассная армия, классная оборонка, высококласное ядерное оружие), в развитии самой себя (первосортные образование, наука, техника, инфраструктура, транспорт, строительство, здравоохранение, искусство, спорт), в уникальной для того времени социальности, в вырыве первой в мире в Космос, наконец, в международном авторитете с распространением своего влияния, включая и идейно-проективное, на полмира, в общем — крутая по всем параметрам победительница, однако, увы, не могшая долго продолжаться без существенных себя перемен, способных перевести её с армейского типа государственнического бытия в гражданский соборный, и не получив под нудной сенью фактически противного ей геронтоправления необходимых перемен, стала хиреть, разлагаться, терять историческую перспективу, даже и блуждать вдруг в возникших перед ней экзистенциальных потёмках, а потому, попав в руки уже настоящих своих противников, как-то легко, почти и не сопротивляясь, обречённо рухнула вместе с КПСС, СССР, соцлагерем, международным коммунистическим движением, ну и с бытийно-исторической парадигмальной альтернативой, которую чуть ли не реально представляла собой на потребу всему земному миру по итогам сталинского разворота от «мировой революции» к мирового значения *иной*, чем прежде, бытийности.

43. Да, то была победа — ПОБЕДА!, но, увы, во-первых, слишком тяжкая то была победа, затратная, кровавая; во-вторых, не увенчавшаяся возникновением достаточно жизнеспособного строя и не столь уж принудительного

бытия; в-третьих, изрядно поддавившая, скажем так, обывательско-животно-хищнические инстинкты, свойственные человеку от природы и неустанно в нём воспроизводящиеся, но их вчистую не одолевшая, обеспечив тем самым вызревание противного себе внутреннего фронта; в-четвёртых, не на шутку испугавшая своего отрицательного прародителя — Запад (в лице прежде всего англосаксов), вольно и невольно сделав те же США с Великобританией горячими своими противниками, развязавшими против сталинского СССР беспрецедентную и беспрекословную «холодную войну» — войну на медленное уничтожение!; в-пятых, несмотря на обращение к коренной России и на неё опору, победный сталинизм, страшась этой же самой России, не стал ей — коренной — органичным, оказавшись всего лишь неорганичным (пусть полу-органичным), а потому и не слишком жизнеспособным, навершием; в-шестых, коварно головокружительной в международном плане оказалась сия победа, бросившая СССР в утопическое перестроение по сталинскому (пусть и квази-или даже псевдо-сталинскому) образцу весь зёмный мир, обеспечив возможность надрыва и истощения материальных, духовных и вообще экзистенциальных сил, причём не так СССР, как закрепощённой им России.

44. Победа сталинская была великой, но и заплатить за неё пришлось великим... нет, пожалуй, не поражением, тут было что-то всё-таки другое, скорее... **великим ниспровержением**, пусть и коварным, и предательским, даже по-своему и легкомысленным: мало что отказались от победоносного сталинизма, его не перестроив и не превратив во что-то более реалистичное и жизнеспособное, обеспечив ему гибель, так ведь ещё и кинулись напрямик ... э-э... на Запад (!)

(«Дранг нах Вестен!») с вассально-подобострастным приглашением Запада к себе в бывший СССР, в Российскую-де-Федерацию, на Евровосток, то бишь с оживлением уже было навсегда загнившего «Дранг нах Остен!»! Каково, а-а?! Вот уж *переворот с выворотом* так уж *переворот с выворотом* — великий такой ПЕРЕВОРОТ!, мало что антисталинский, что более или менее понятно, так ведь ещё и антидержавный, антисубъектный, антироссийский, в общем — сам чёрт даже не знает какой! Одно ясно: прозападный, проглобалический, проколониально-экономизменный, прокапитало-финансовый! Но почему же произошло именно ЭТО?!

45. В том-то и дело, что в Бытии-Истории, которое все не просто человеческое бытие-история, а включённое в Мироздание Нечто, ведущее себя не только и не столько в соответствии с человеческим умом, как и не только и не столько со своим собственным бытийно-историческим умом, как с неизвестно каким — *иным!* — умом, что не означает, что никто из фигурантов ПЕРЕВОРОТА за него не ответствен (что натворили творцы, то уж натворили!), но что означает, что сей ПЕРЕВОРОТ *не мог не произойти* (!), но не по этим — этих фигурантов — соображениям, а по соображениям, уж извините за настырность, *Иного!*

46. Одно дело — победоносная сталинская цивилизация, совсем другое — её продолжение, вот тут-то и выявилось, что продолжать-то её без насилия практически невозможно, когда и само насилие, исчерпавшись, уже стало невозможным, и переделать в ненасильственное бытие оказалось невозможным, в общем — образовался сталинский, ну пусть постсталинский, тупик, и тогда последовал... *срыв* — СРЫВ!, причём прямо туда — к бездне, в преисподнюю, во

ад, скрашенные, правда, улыбчивым Западом и услужливым западнизмом: Иное, само того, быть может, не желая, сработало именно так — наотмашь по сталинизму, уже по его остаткам, если не по останкам, и, — чтобы, надо полагать, не провалиться стране России навсегда в Небытие, — сработало на сцепку с Западом, пусть и на унижительную для России сцепку, однако, как вообще ни странно и как это было ни вопреки отчаянным трансформаторщикам, обеспечившую России, пусть и подспудное, но уцелевание, однако при сохранении, может, и невольном, кое-каких важных резервов, нетленно заложенных сталинизмом и бескорыстно выручивших павшую-де страну в сей потрясающе невообразимый для страны и даже всего мира критический, да что критический — *катастрофический*! — момент. Вот такая тут заспиралилась бытийно-историческая загогулина: падение сталинизма с опорой на... сталинское наследие (та же ядерная бомба), как и его — этого наследия — жадное, разорительное, подлейшее и пошлейшее присвоение и проедание, а также с опорой на зацеп за сталинского врага — за Запад, причём с явной изменой Сталину и с не менее явной сдачей уже бывшей сталинской страны Западу! Поди-ка, всезнающий интеллект, разберись!

47. Почему же всё случилось так, а не иначе? Сталинские безжалостные, во многом не обоснованные и уж вовсе не сильно справедливые, репрессии сделали, помимо как бы «святого дела» подъёма, обновления и укрепления станы, ещё и вполне себе чёрное дело, нагнав органического страху, причём не только тогда, в период разгульных репрессий, но, что ещё страшнее, и на вроде бы уже нерепрессивное будущее тоже: ни сталинское поколение, признавшее главенство

вождя и вытаскившее на себе победный сталинизм, ни тем более идущее на смену сталинцам новое поколение, не решились вовремя и всерьёз тронуть сталинизм, как принимая его тогдашние достоинства (в Космос ведь вырвались!), так и обоснованно опасаясь новых массовых (венгерское восстание 1954 г., новочеркасский расстрел 1961 г., чехословацкие события 1968 г.) репрессий, а для своих вполне и беспощадных (привычка, знаете ли, хотя бы с 9 января 1905 г.), отчего и весьма деликатная попытка что-то изменить, — после увода от власти ярого сталинского разоблачителя и последнего его политического и идейного невольника, ещё и троцкистского толка, — что-то изменить посредством «косыгинской реформы» быстро сошла на нет, а потому и пошло, — осознаваемо или нет, скорее, всё-таки нет, — выжидание... э-э... откуда-то вдруг могущих взяться радикальных перемен, ну и перемены эти вдруг пришли, однако уже на геронтогенном спаде, породившем только одно: отрицание со смехом бывшего тогда бытия, то бишь самое страшное из отрицаний, не требовавшее ни восстаний, ни борьбы, ни жертв, ни подвига, но зато какое в итоге эффективное! Сталинизм оттого просто сам и сошёл на нет!

48. Вот тогда-то перед политически оцепенелым поколением вдруг явился во всей красе воистину великолепный Запад (который уже раз перед Отчизной!), причём не как дальний и недостижимый призрак, а как близкий и вполне себе достижимый блестящий образец, как вполне уже воспринимаемая данность, ну а субъективный движок на Запад уже был подготовлен (разумеется, никак не по «теории заговора», а так, «сам собой» — это для дураков!), более того, этот движок уже был наверху, во власти — ещё ведь по сути-то

сталинской, то бишь безоговорочной, и пошло-поехало: так вот страна и ринулась с надеждой на Запад, так вот Запад и въехал триумфатором в страну, так вот жестокий и беспощадный, хоть и временно конструктивно-победоносный, сталинизм сам себя и похоронил, дав при этом возможность не только похоронить КПСС, КГБ (НКВД), СССР, МРД (международной рабочее движение), МСС (мировую социалистическую систему), ДНС (движение неприсоединившихся стран), ДН (дружбу народов), как и «вечно живое» учение тоже, но ещё и чуть ли не похоронить самую Россию, немедленно по итогам прозападного переворота 1991 — 1993 гг. укрывшуюся в Нави (не в нави, чёрт возьми, а именно в Нави) и, надо заметить, из неё вполне до сих пор до конца и не выбравшейся... нет, даже не высунувшись... а лишь оттуда выглянув — словно девица-красавица из теремного (если не тюремного, кто его знает?!) зарешечённого оконца.

49. На Запад-то на Запад, да ещё и с наглейшим «Западом» у себя внутри, но да вот вряд ли кто из отечественников думал, что окажется под одной крышей с западными и своими-де прозападными-де господами, да не просто с господами, а с владельцами земли... э-э... российской, уж и не русской! Вот-те на! Ни бурной тебе революции, ни буйной гражданской бойни, ни лавинообразного вражеского нашествия, ни грубой военной оккупации, а... *революция*-то вдруг налицо, а жалкое ей сопротивление не то что подавлено, а так... выдавлено аки чирий, а страна-то скоропостижно расколота, а её осколок, называемый ныне РФ, поспешно прихвачен и уродливо вестернизирован, а диктатура и рабство никуда не делись, а брошенное на произвол судьбы население, лукаво превращённое в электорат, бросилось

приспосабливаться к новому для него беспорядку, ища себе удачи, не исключая ни торговой («челночество», торговлишка на вдруг возникших повсюду улично-площадных рынках), ни воровской, ни бандитской, ни мошенской (ОПГ — «Организованные преступные группы», — додуматься же было надо!), ни бегловской (за границу), а что было делать честному народу, коли на сакральном-де верху было куда как веселее — там уж воровали, грабили, прихватывали по-крупному, по-акульи, аж и не проглатывая схваченное, давились, да и друг друга охотно давили. Не война вроде бы, а ведь не хуже войны всех против всех получилось, куда даже и страшнее! Падение! Вполне и тотальное, всестороннее! Выворот! Без правил, эффектно и эффективно! И жертвы были обильные, почти как в ту войну — отечественную — миллионные, — что прямо на тот свет, что на свету — ограбленные и униженные, да не в наказание никакое, а в долгожданное торжество-де долгожданной свободы! Есть он, как выяснилось, есть, причём в изобилии — бес, злодей, враг, супостат, подлец, пошляк, в общем — *нелюдь*, — да не вообще нелюдь, чего всегда хватает в звании отродья, что не так уж и интересно, а как герой, причём прямо-таки в образе *героя нашего времени* (какового ни Пушкину с Лермонтовым, ни Гоголю с Салтыковым и Чеховым даже не снилось!).

50. Свой у нас получился «Запад», *свой*, как раз близкий к тому — вестерному, захватническому, пиратскому, колониальному, только вот *свой* и у *себя*, близкий, кстати, к раннему рюриковскому, как и к лихорадочному петровскому, да и к ажиотажному большевистскому тоже — это по части захватов, разорений, расправ, репрессий, жертв. И всё-

таки почему же такой вдруг случился свал вниз, в бездну, в преисподнюю, во ад, откуда вроде бы Сталин уже вытащил было страну за волосы... э-эх... да вот то ли не дотащил, то ли, вытащив, сразу же придавил выжимным камнем, как квашенную капусту, то ли вкупе с тяжелой войной, великой победой в ней и другими великими победами силовó и экзистенциально истощил, не дав шанса долгой жизни всему тому, что созидал, к чему стремился, чего добивался, чему столько жертв принёс, не минуя и самого себя, как и посмертных ему похоронных жертв на Трубной, да и последующих, пусть уже и не массовых, но всё-таки жертв. *Жертвы, жертвы, жертвы!* Ну и непременно за них воздаяние, однако мало что тоже жертвенное, а прямо-таки... *в наоборот* — с чем боролся, не очень-то тщаься о справедливости, на то и напоролся — через невообразимо причудливое сальто-мортале, прямо в угоду, как уж давненько повелось на Руси, да и вокруг в челосечестве, чудищу окаянному — *алчности человеческой!*

51. АЛЧНОСТЬ! О-о, величайшее достояние человеческое — животное, звериное, плоское! Сколь ни осуждай его, сколь ни борись с ним, а оно всегда, как только возникает или же создаётся возможность, тут как тут, даже и прикрытое образованностью, «культуркой», манерами, той же стильностью. Уже азартные игры с казино о многом говорят, как и разделы потомками оставшихся от мертвецов имуществ, то же мошенничество, хоть это и сущие мелочи в сравнении с алчностью завоевателей, колонизаторов, предпринимателей, банкиров, прихвизаторов, ну и властителей тож, не исключая и ныне пребывающих в моде и на взлёте «эффективных менеджеров». Чем не страдал товарищ Сталин, так это

алчностью, он её ненавидел и с ней боролся, да вот не доборолся, мало того, ужаснулся, увидев в 1945-м размеры тех же генеральско-маршальских трофеев, осознав, наверное, неистребимость сего замечательного людского свойства, это во-первых, а во-вторых, убедившись в тщетности своей попытки создать трудо-творческую цивилизацию, лишённую этой самой алчности. Судя по последнему, немало уже и больному, Сталину, его раздражённой не то реплике, не то возгласу: «Чему аплодируете?!» (на последнем для вождя партийном съезде), как и по нежеланию ежегодно широко праздновать День Победы, непременно проводя и проводя Парад Победы, вождь народов и креатор новой цивилизации вряд ли был уверен в долгой жизнеспособности всего им содеянного и предложенного человечеству, — как, наверное, по причине пролитой за всё это то ли винной, что возможно, а попросту и невинной, что вполне себе явно, но обильной крови, так и из-за неисправимой природы человека, вовсе и не грехопадеиной, как любят в утешение греховедам говаривать те же греховоды, а попросту вот такой и всё, о чём товарищу Сталину, вовсе не агнцу, а скорее... э-э... *тому самому*, о ком принято помалкивать, было очень даже хорошо известно: чего-чего, но вот тут Сталин никаких иллюзий не питал, хоть на инквизицию иллюзорно и надеялся, да вот, выходит, зря, точнее, в короткую, может, и не зря, а вот в долгую, увы, не то что зря, а так — вхолостую!

52. Ослабление и истощение сталинизма как идеи и как строя трудо-коллективистского бытия, его фактически уже клиническая смерть с момента ухода звёздного старца-генсека, не только создали условия для окончательного демонтажа сталинского детища руками его завязых врагов

(частично оправданными, скажем так, необоснованными репрессиями со стороны сталинского режима, а в основном-то нет, попросту противников всего, что мешало эгоизму, алчности, обогащению, присвоению, паразитизму, антигражданской безответственности, непатриотизму, безразличию к общественной жизни, поведенческой разнузданности, как и тому же уродскому антиискусству, ну и, разумеется, разнообразному мошенству, не исключая законное-де экономо-финансовое), а враги эти, пусть, может, и не сразу, но оказались-таки у власти, наверху, у руля, у штурвала, и воспользовавшись возникшим аки космическая дыра, строевым и идейным *безвременьем* — БЕЗВРЕМЕНЬЕМ! (строй и идеи по факту вроде бы ещё были, но по присущему им сакральному делу их уже фактически не было, отчего и *безвременье* — аки дыра в мозгах, когнитиве, сознании, ноосфере), так вот эти-то враги проделали большую противосталински разрушительную, но при этом и новую антисталински поделочную, работу, опираясь, как было выше замечено, на сталинское наследие, причём вовсе не только на материально-индустриально-инфраструктурное, но и на идейно-гражданское в аспекте неукоснительного признания со стороны населения любой действующей в стране власти и к ней достаточного для власти гражданского, пусть и псевдогражданского, доверия, а также зацепившись за как бы помогавший сему перестроению и бывший сему перестроению образчиком на перспективу, даже и с возможностью с ним полного слияния, Запад.

53. Примем во внимание и совокупим воедино, как в магическом кристалле, ряд исходных и крайне судьбоносных на тот момент факторов, обстоятельств, ситуаций: 1)

тягостное оцепенение позднего сталинизма, пусть либерально подправленного, но животворно не переделанного, его клиническую смерть, неумолимо подкраившуюся к нему кому; 2) привод в ещё попахивавшую позднесталинским душком верховную власть сначала скрытых, а затем и открытых врагов сталинизма во всех его идейно-строевых проявлениях, однако врагов по преимуществу с «того берега»... да ладно бы лишь с реально западного или Западу симпатизантного... а то ведь... э-э... алчно-присвоительно-грабительского, точнее даже, не с «берега», а из собственной для страны «мусорной ямы», откуда и повыскакивали на свет особого рода людишки, которые оказались, как метко заметил где-то в 1992 г. один из бывших высокопоставленных спецслужбистов, «хуже бандитов, — с бандитами хоть договориться можно!»; 3) сцепку новых властей предержащих с Западом как с образчиком, прикрытием и споспешником хаотизменного (в хаосе), но целеустремлённого переделывания страны; 4) уже утвердившееся в умах правящих элит неприятие СССР как имперского, угрожавшего тому же вожделенному Западу, геополитического образования с его анахроническим-де постулатом «дружбы народов», а на самом-то деле созревшее за поздний сталинизм стремление правящих элит и поднявших голову «алчников» к ликвидации СССР как СССР; 5) обязанную жёсткому, диктатному, репрессивному ещё и гарантировавшему сносное — безопасное, трудо-творческое, товарищеское — бытие сталинизму политическая инертность и индифферентность не только масс, но и элит (испуг и страх как несмыаемые с людских душ невидимые, но очень чувствительные, родимые пятна); 6) экзистенциальную усталость населения, в особенности элит, от

геронтократического правления, дефицитократического потребления и лимитократического (полукрепостнического) существования: 7) усталость и истощенность СССР в его роли лидера, опекуна и защитника альтернативного Западу «прогрессивного»-де полумира — утопического, искусственного, призрачного, для СССР во многом изживенческого, нагрузочного, затратного, хотя и казавшегося реальным и даже действенным, однако мгновенно с уходом СССР и соцпроекта развалившегося и исчезнувшего; 8) неоднозначную роль в реализации и судьбе послесталинской страны действовавших в СССР высших парторганов и спецслужб («Pro et Contra»), как и отстранённость от внутренней жизни страны армейских структур, изрядно к тому же деморализованных поспешным уходом, хоть и не бегством, из Афганистана и ГДР; 9) шаг за шагом усиливавшееся не без скрытой поддержки «структур» протестное (молодёжное, интеллигентское, культурабельное) движение, получившее именование диссидентского, как и протестно-трансформационные политические движения и эксцессы в странах-сателлитах (Венгрия, Чехословакия, Польша), разъедавшие всё сталинское наследие, а вместе с этим и готовившие прыжок в сторону Запада; 10) упорную подрывную работу против всего сталинского наследия со стороны Запада, ведшего «холодную войну» с СССР и его сателлитами, как сейчас бы сказали — гибридно-гуманитарную, столь же, кстати, настырную и последовательную, что и сейчас, заимевшую место уже в XXI в.; 11) выведение на высшие руководящие позиции — в лидеры страны — персонажей, соответствовавших задаче ликвидации не только самого по себе сталинизма (строя, идеологии, практики), но и вообще социализма-

советизма-коммунизма вместе с существовавшим тогда СССР, а затем, если повезёт, и задаче дерусификации с перекодированием страны, с забвением её исторических истоков, перетрактованием её истории, стиранием этно-экзистенциальных печатей, вестернизацией бытия и «культурной (антикультурной) революцией», что и было при участии своих и западных спецслужб, тайных организаций и зарубежных правительств проделано, — во главе страны таки оказались потребные для сих деяний акторы; 12) активное участие Запада, включая и папский Рим, в заговоре (именно в *заговоре!*) против не только антизападного образа бытия страны, но и против самой страны, как и участие Запада непосредственно в перестроечно-ликвидационных и новостроечных процессах в СССР и в Российской Федерации.

54. Внимательно, не без волнительного трепета и толики невольного ужаса всмотревшись в полученный нами магический кристалл, не сильно трудно осознать, что стране нашей было тогда не миновать *катастрофы* — КАТАСТРОФЫ!, и эта, как оказалось, весьма желанная многими внутри и вне страны, катастрофа таки разразилась: страна нырнула-таки в Бездну, в Хаос, в Преисподнюю, во Ад! Превеличение? Нисколько! Обманутая, растерянная, помрачённая, прельщённая, пленённая, но при этом и оболганная, обгаженная, униженная, оскорблённая, с брошенным на произвол судьбы народом, воровски обчищенная, бесподобно разграбленная, лукаво прихваченная и алчно присвоенная! Что, разве не так? И глядя на всё это, разве не бездна, не хаос, не преисподняя, не ад, — а-а, господа хорошие и товарищи дорогие? И то была, пусть на тот момент и кризисная, и больная, и ослабленная, даже и заблудшая, но великая страна с

великой историей, великими победами и великими достижениями, с великим ещё, пусть уже и отходившим на задний план, поколением людей-созидателей, и однако ловко самозабвенно пущенная жестокосердно, трусливо и глупо её же «вождями» в расход — коварный, пошлый, жалкий!

55. Но что же воистину волнует любого порядочного, патриотично и человеколюбиво настроенного обозревателя (и даже свидетеля!) того потрясающего любое воображение бытийно-исторического происшествия-события-деяния, а в общем-то — *преступления*, да-да — ПРЕСТУПЛЕНИЯ!? Неужели нельзя было сделать как-нибудь по-другому, полюдски, по-благому? Смешной вопрос, но он вольно или невольно приходит на ум и тревожит, тревожит, тревожит, а ещё более тревожит, точнее... *убивает*... на него ответ: иначе, чем произошло, могло произойти, но не намного иначе, ибо у страны, не говоря о её «вождях», была уже утрачена *воля* — ВОЛЯ! — к своему бытию и своей истории, — и наступившее иное — ИНОЕ! — не могло не стать *таким* или примерно таким, каким и стало. Неутешительный вывод, но что делать: чего было не миновать, того и не миновалось! С победных высот, да в *яму* — ЯМУ! — полную грязной, отвратительной, мертвящей жижи, однако Россия на то и Россия, чтобы, нырнув в зловонную яму, в ней не утонуть, а, как бы это было ни чудовищно тяжело, вынырнуть, уже, разумеется, *иной Россией*, может, и на погляд, и не Россией даже, но тем не менее... всё-таки Россией, пусть и помятой, поруганной и истерзанной, однако кем или чем же ещё?

56. Невероятно, гнусно, подло! И страшно обидно! За что, за какие прегрешения, за какие преступления? В чём был виноват народ-труженик, народ-герой, в чём провинилась

страна-чудесница, страна-страдалица, почему же *такое* (!) над ней издевательство? Недаром же известная диссидентка, жена ещё более известного диссидента, отсидевшая свой срок на нарах не то в Коми, не то на Колыме, хорошо знакомая с выразительной тюремной лексикой, выкрикнула по ТВ прямо из Парижа: «Суки, суки, козлы вонючие!», — это о, казалось бы, близких ей по отрицанию сталинизма тогдашних «преобразователях» страны — «борцах» с СССР, социализмом-коммунизмом-советизмом, а на деле всего лишь алчных прихватизаторах-мошенниках, которые даже «хуже бандитов». Да-а, Провидение бросило под давлением Иного на страну грифоподобных стервятников, её жадно клевавших и рвавших на куски, да не только её сочное тело, но и её благодатную душу, мало что разрывая страну на куски и жадно присваивая задарма доставшиеся им богатства. но и понося страну «идейно», да ладно уж за сталинизм с КПСС и КГБ, а то ведь и за Россию с русским и другими её народами, за то, что она, видите ли, дика со своими столь же дикими сыновьями и дочерьми, не цивилизованна, не европейна, не американиста. И кто судил, кто приговаривал, кто казнил: человеки или всего лишь человекообразы? А ведь, знаете ли, образованные, эрудированные, речистые! Вот уж насмешка так насмешка над сакральным проектом «Человек», над Просвещением, над Гуманизмом и над знаменитым «Любите ближнего!» (церкви наши, кстати, оказались, извлекая для себя блага, как-то незаметно на стороне... э-э... подлого режима, им — церквам — заметим, активно и потворствовавшего, — любопытно, не правда ли?!).

57. Нет, не в обличении кого-либо из антигероев того, а в меру и нынешнего, времени, наша задача, тем более

людей воспитанных, что называется, культурных, даже по-своему и приятных (нет, не троглодиты вовсе занимались «реформой» и «прихвятизацией», разорением и покорением страны, присвоением понаделанного трудовым народом богатства, безмерным и беспримерным личным обогащением, выделяванием из себя олигархов, магнатов, богачей, в общем — стоящих дорого и крепко-де стоящих на не столь уж крепких ногах «агнцев», которые совсем, совсем не троглодиты, — что их вообще обличать!), тут дело в другом: почему же всё произошло именно так, как произошло, почему. помимо, конечно, вполне понятного исходного от природы безудержного стремления людей к благополучию, включая и безмерное, ну и к высшему положению, к материальной, духовной и политической власти, к господству? Да, всех *этих* «людей» понять можно, труднее понять, почему это вдруг *им* стало *это* позволено, причём не только по общечеловеческому присвоительному рефлексу, даже и круто рваческому, как и не только по причине несопротивления народа всему, что обычно творит в стране деспотическая по обыкновению власть, а сие перестроечно-перепрограммивочное безобразие творила тогда именно обернувшаяся сизым оборотнем власть, как и не только по причине великого обмана с той же ваучеризацией, сотворённого всё той же властью, как и не из-за блаженных ожиданий населения от проводимого благогоде переустройства бытия, нет, конечно, тут дело круче, загадочнее и острее, а для порядочных людей, верящих в Бога, Христа, человечность, порядочность, ещё и больше!

58. Каждый чек сам вроде бы выбирает свой путь, вершит свою судьбу, идя или не идя на ту же сделку с совестью, а то и с самим дьяволом, наша задача — разумеется,

совершенно добровольно на себя взятая, — разобраться в происшедшем со страной на рубеже 1980 — 1990-х и далее годов странным и страшным превращением, вмонтировав сие безобразное происшествие в общий и душный бытийно-исторический контекст, используя не малые, а большие верификационные метры, отчего и потребно обратить своё внимание на истоки, да и не самого этого безобразного происшествия, а на истоки его *вообще возможности*. Где они — эти истоки? Не заглядывая слишком далеко вглубь истории, воздадим должное для начала Петру Великому с его ломкой через колено матушки России, тогда более Руси, чем России, а потом вершителям Великой революции 1917 г.: что, разве, петровская ломка не должна была отзываться другой ломкой, уже в 1917 г., и тоже через колено, предназначенной уже не для переделки России, как было у Петра, а для её полного уничтожения, да вот Сталин со своим тоже ломообразным сталинизмом вдруг помешал насовсем и навсегда отменить Россию, хоть и оседлал её, творя на месте, да и вместо, России, её при этом нещадно эксплуатируя, свой СССР, — и что, разве все эти ломки не могли привести к новой очередной ломке — вроде бы антисталинской, что, конечно, и так, но ведь более всего-то опять же *антироссийской!*, причём, что самое неприятное, да и попросту отвратное, как очередное *возмездие*, да вот не за грехи вовсе, не за победы, да не за угрозу кому-то и чему-то, а... Sic!.. *за предшествовавшие ломки!*

59. Любопытнейшая получается вещь, она же и весть: тысячелетняя борьба России (протоРуси, Руси, России) с не покидающей её и никак насовсем ею не одолеваемой *анти-Россией*: то ли Россия из России никак не вылупится, то ли у

России миссия «така» (она же и бремя, и беда, и тщета) — быть и не быть Россией, а ежели стать-таки самою собою, то уж, видно, в конце времён, чуть ли не по итогам Страшного Суда, что как раз и подтверждает неотмирность Руси-России, не вполне полное приятие ею этого мира и острейшую неприязнь этого мира к России, конечно же, как к сокрытой экстраординарной (альтернативной этому миру) идее, уникальному экзистенциальному проекту, телеолого-эсхатологическому замыслу, а может, и замысленному где-то там орудю того же Страшного Суда, — кто знает? Подправляет же Россия, немало жертвуя собой, терпя те же издевательские над собой ломки и при этом одерживая победы, мировое бытие (и не только в евроатлантической, а ещё и в азиатской интерпретации, включая и мировые войны, среди которых не только паневропейские, но и, к примеру, та же паназиатская чингисхановская), разве не так? Выходит, что не так для себя бытует Россия, как для всего планетарного мира, будучи ему невятным противовесом, хоть и находясь в нём, но ему всецело не принадлежа, отчего и острый у мира зуд на Россию, и страх от неё великий, и ненависть большая к ней, сочетаемая всегда с последней на неё надеждой, а вовсе не только с жадной зарью на её пространства и ресурсы. Любопытно, что любая победа России не выгодна никому, даже самой России, зато поражение России выгодно всем, кроме, конечно, самой России.

60. АнтиРоссия — что внешняя, что внутренняя — это, заметим, постоянная претензия этого — зёмного — мира на переделывание иномирной России, столь же несбывающаяся, как и внутреннее из глубины веков стремление (или просто потенция) России стать собственно Россией, да не как-то

наполовину, а то и того меньше, всего лишь поверхностно-феноменально, нет, вполне себе глубинно-ноуменально. Россия всегда ведь полу-Россия, а то и недо-Россия, — вот что надо бы всем нам уразуметь! И где ж она более всего? Как раз там — в исходе, в изначалье, в ином мире, а здесь она менее всего, и то более всего в преданиях да в душах людских, чем в государственной феноменальности. Мало кого из русских вполне удовлетворяет Россия, но мало кто из русских с ней расstaётся, зато много кто из русских встаёт за Россию, её обороняя и идя вместе с нею, коли надо, в поход на супостата, врываясь в его не только окоёмы, но и в столицы, а победив супостата, уходя обратно, к себе, в странную российскую иномирь. Россия сопротивляется антиРоссии, время от времени её от себя отбрасывая или под себя подминая (русифицируя), но, не терпя ворога-захватчика, терпит почему-то, немало и вынужденно, внутреннего противника-отвергателя-передельщика, может, не давая себе морфического покоя, бдя себя, а бдя, изменяясь, как и приспосабливая себя к этому — во всю меняющемуся — миру. И вот в силу тяжкой двойственности: быть сразу Россией *этой* (этого мира) и Россией *иной* (иного мира), отчего и быть Россией и антиРоссией, да мало что в двух противоречащих друг другу ипостасях, так ещё и в противоборствующих, что совсем для страны не редкость, не на жизнь, а на смерть!

61. Отсюда и внутренние, перемешивающиеся с внешними вкраплениями, выпадами и вторжениями, тёрки — как раз между антиРоссией и Россией, да что тёрки — самые что ни на есть войны, пусть и представлявшиеся обычно в официальных историях смутами, бунтами, восстаниями, реформами, обновлениями, преобразованиями, но зато какими же

эти происшествия бывали разломными, затратными, утратами, жертвенными, кровососными. Аж жуть! И что в те же 1990-е: случилась ли тогда очередная война меж антиРоссией и Россией аль нет? Ответ: случилась, конечно же, не такая как при Петре I или по итогам 1917 г., а более, так сказать, деликатная, хотя атака на Россию со стороны антиРоссии была не менее содержательно отменной, чем прежде — от разрушения соборно-государственнических начал, характерных для российского жизнестроя, до гнусно-гадкой русофобии. И что тут по-своему интересно: сия война, приняв, быть может, более завуалированные и эластичные формы, и по сей день на ходу! Российская сторонка усиленно вестернизируется на американский манер, а цепкая русскость хоть открыто и не отвергается, но на деле и не очень-то приветствуется. Тут вообще примечательно, что за борьбой де со сталинизмом скрывается куда более значимая для нынешних хозяев страны борьба — борьба с Россией — как идеей, замыслом, проектом, как образом бытия, как животворным духом, даже и когнитивом, образом мыслей, мировоззрением.

62. Хошь не хошь, а приходится сие прискорбие не без скорби констатировать. И дело тут не так даже в прямом преследовании русскости, как это имеет место в тех же латвиях с украинцами, и не в тишайшем вытеснении русских из бывших «братских республик», а ныне «независимых государств», как и не в глухом непринимании вытесняемых (гонимых!) русских в самой Российской-де Федерации, как дело тут попросту в тотальном замещении русского мира на мир нерусский, — вот, собственно, и всё! И не тут ли таится главный коварный смысл так называемых «социальных реформ», проведённых и удерживаемых нынешней властью: реформ

образования, здравоохранения, науки (гуманитарной, прежде всего), нарушивших характерный как раз для русскости, с чем считался и сам товарищ Сталин, образ реализации и ведущий к потрясающе вредным результатам — формализации, выхолащиванию, умиранию?! Что уж говорить о разворачивающейся электронизации-цифровизации гуманитарного бытия и упорно подступающем замещении уже денационализированного и почти уже обыскуственного людского разума вполне уже искусственным техническим разумом, — какая уж тут коренная русскость?!

63. Ясно, что осуществить в мгновение ока внезапный на 180 градусов социо-хозяйственный переворот можно было лишь бросив огромную развитую страну с её ничего такого не подозревающим населением в затхлую бездну, в перемалывающую всё и вся преисподнюю, в аморально-криминальный ад, что как раз и было ловко проделано (насколько субъективно осознанно или нет, значения не имеет — камешек злой был брошен на краю обрыва и лавина каменного зла, пошла, поехала, понеслась вниз, как раз туда — в бездну, в преисподнюю, во ад, — ничего тут такого уж удивительного!), однако было проделано и другое — созидание из разбросанных камней «Иного Храма», причём не менее деспотического, чем сталинский, только по-другому деспотического — в пользу не государства, не народа, не развития даже, а в угоду захватившего и оккупировавшего страну ловкого, — как раз того самого, с которым «не договориться» — алчного, безудержного, беспардонного, — меньшинства, охотно сдавшегося примерному для себя западному опекуну, а заодно и сдавшего сему доброму-де злодею и великую страну с Россией в сердцеvine.

64. И опять, и опять, и опять: Россия будто бы пала, но не исчезла; погрузилась вроде бы в Навь, но там не сгинула; накрылась мертвящей тенью, но в ней не растворилась, — и что, как всегда, поразительно: мало что осталась в Яви, что выжила, не покидая преданных ей русских душ, а стала вновь, как и прежде, подниматься — как вопреки новому «сооружению» на российской земле, так и в кое-каком соглашении с ним, точнее, в его — этого сооружения — с ней — Россией — согласии, ибо скоренько «преобразователям» стало ясно, что без России им и их «Новому Храму» ни хода, ни жизни нет, разве лишь полностью покориться двуличному зверю-опекуну, служа ему вассальной подпоркой, имея, конечно, в руках своих немалые богатства, однако и делясь ими униженно со зверем-хозяином, не только не будучи при этом с ним «на одной ноге», но даже не будучи допущенным далее его «Кощеевой прихожей», отчего пришлось новому режиму с его новым правлением сначала не очень гласно, а потом всё более заметно разворачиваться к России, разумеется, в меру, ровно настолько, чтобы на Россию, как когда-то Сталин, лишь опереться, но не дать России превосходства над охватившей её антиРоссией. И вновь Россия, как это бывало с испокон веку, никуда насовсем не делась, она вновь в действии, но в действии, как обычно, вспомоществовательном, оставаясь в противоположении с антиРоссией, сопротивляясь ей, даже с нею и борясь, но, увы, и обеспечивая ей — антиРоссии — немало и паразитарное выживание. Парадокс, конечно, но что на свете не парадокс, — да, может, здесь и парадокс, да вот всё-таки необходимый, ибо кто знает, что более нужно сейчас России — она сама или её борьба с антиРоссией, за которой ведь не что иное, а мирового масштаба

Кошечевский *антимир* — АНТИМИР!, с которым нынче судьбоносная тяжба не одной лишь глубинной и функциональной России, но и всего всё-ещё-человеческого мира, — вот как!

65. Обретение Россией самой себя — дело, видно, будущего, если, конечно, будущее будет что у России, что у антиРоссии, что у всего человеческого мира, ибо общемировое дело идёт, всё более убыстряясь, словно санки на спуске с ледяной горы, уже к *большой трансгрессивной перемене*, за которой всё, что угодно, кроме мира человеческого, на крайний случай — уже лишь *постчеловеческого*, который настолько утратит людские, не говоря о божественных, качества, что вряд ли вообще вспомнит о своём человеческом прошлом. Это, разумеется, большая, хотя и не такая уж долгая, перспектива, ежели учесть как быстро и мощно надвигается на планету *антимир* — АНТИМИР!, сводящий человечество с ума, или же как быстро и мощно сходит с ума человечество, допуская и насаждая на планете *антимир* — АНТИМИР!, который непременно обрадует человечество любезной взаимностью — если не *Армагеддоном*, то уж *постчеловеческой трансгрессией* — точно! А что же Россия? А что Россия, пленённая антиРоссией с адекватным ей на сегодня антимиром, их — антиРоссию и засевший в ней антимир — на себе выносящая, обеспечивая возможность пока лишь квазисуверенного выживания перед хищным рылом западного партнёра-врага бытующего в стране пореформенного социо-хозяйственного строя. Эта самая Россия, выстояв, выжив и окрепнув, обозначает сегодня, в 2022 г., не противодействие сему строю с его антиРоссией и антимиром, а самый что ни на есть со всем этим *конфликт* —

КОНФЛИКТ!, пока лишь требуя существенных *перемен* — ПЕРЕМЕН!, ещё возможных сверху и без очередной «гражданки», как в те же 1990-е, а в случае оставления её под востерно-азиатическим экономо-административным гнётом, столь сладостно реализуемым действующим в стране режимом, инициатива вдруг может перейти... нет, пожалуй, не к низу... а к Иному, а вот какой же выйдет в реальности из инойных вариантов, это уж покажет реальная история, — какая де для последней России разница — сокровищница выйдет или сукровинница?!

Итог:

Или Россия, или Ничто! Причём мало что здесь, в стране, но и в мире тоже, причём Россия как Россия, так ведь ещё и Россия имперская, соборная, единая... чуть было не вырвалось... сталинская!.. нет, вовсе не сталинская, а... **российская**, однако субъектная. великодержавная, деятельная, вовсе не толерантно-инертная, не покойно-тёплая, не сонно-распростёртая, а соборная, бодрая, занозистая, горячая! Сбудется ли? Кто ж знает? Но почему же нет, коли время и бремя у нас такие: крайние, колючие, тяжкие?! Вот и Украина подроспела в роли тревожащего Россию пропитанного ядом и разогретого докрасна трезубого наконечника западного(евроамериканского) копья. Факт, да ещё какой!

25.01.2022

Ободрение СЛОВА СВОЕГО

Эпилог КАК АПОЛОГ

Книга под, как кому-то может показаться, претенциозным названием *«Обнажение. Исповедь учёного странника»* сделана и представлена читателю, который никакого особого обнажения с исповедью в книге и не увидит, а скорее сочтёт сей интеллект-продукт за итогово-рекламно-затвердительное полубеллетриальное, в меру или не в меру даже вычурное, произведение, в котором что-то обнаженческо-исповедальное вроде бы есть, а вот настоящего обнажения с настоящей исповедью явно нет, хотя есть кое-какие характерные для автора мировоззренческие и путеводческие суждения с заходом на его личную творческую стезю.

Да, это всё, может, и так, оспаривать сие вполне законное мнение не будем, а лишь заметим, предвидя подобное суждение, что цель книги, конечно, не в самих по себе обнажении и исповеди вроде публичного сбрасывания одежд и душераздирающего рассказа-вопля о тяжелой доле искателя упорно ускользающей от него истины, — нет, конечно, тут цель совсем иная: открыто заявить о наличии в России текущей актуальной отечественной гуманитарной мысли, возникающей и бытующей не без творческого контакта с зарубежной мыслью, прежде всего западной, но вполне себе оригинальной и немало от «зарубежки» отличающейся, даже заметно с нею и расходящейся, что даёт основание отечественной мысли занимать вполне самостоятельное место в мировой «гуманитарщине», не нуждаясь ни в какой судейской

оценке, кроме как от самой гуманитарной реальности — как отечественной, так и мировой.

Здесь нет намерения ни высокомерно отбрасывать зарубежную мысль, ни навязывать ей какую-то нарочитую конкуренцию: с нас достаточно ободрения **Своего Слова** и доказательства, что отечественная гуманитарная мысль сегодня *есть* и что она *сама* в состоянии разобраться в критическом диалоге с реальностью в своей смыло-провиденциальной значимости.

Не отвечая за всю отечественную гуманитарную мысль, автор сосредоточил внимание в вышеприведённой книге на том течении мысли, с которым ему самому довелось по ходу рабоче-творческой жизни напрочь сойтись и которое ему самому довелось... нет, не разрабатывать — этого мало, да и не очень-то верно... а, скажем так, *эманировать*, находясь в свободном от фланирующей вокруг догматики творческом контакте с реальностью, отчего и вытаскивая на гора не имеющую аналогов мысль не так даже из себя, как из этой самой головокружительной на сегодня реальности.

Уместно заметить, что автора всегда возмущало и продолжает возмущать укоренившееся в «интеллектуальных кругах» страны пренебрежительное отношение к собственно отечественной гуманитарной мысли, как и весьма раздражает распространённое в стране убеждение, что у нас, кроме никому ныне не нужной «русской религиозной философии», ничего достойного вообще нет, в особенности нет сегодня, когда Россия ринулась, мол, на Запад и должна лишь с ученической жадностью черпать оттуда актуальную, а главное — эффективную-де мысль, что, кстати, армия преданных

мифическому Западу местных новомодных компиляторов с нескрываемым энтузиазмом и делает.

Не ставя перед собой цели что-либо доказывать сим ярым поклонникам «закордонщины», автор счёл для себя необходимым и возможным не только указать на присутствие в Отечестве *своей*, то бишь исходно *отечественной*, гуманитарной мысли, вполне и оригинальной, и современной, и работоспособной, но и раскрыть в меру допустимого в такого рода трудах, каким является выше представленный опус, её — этой мысли — абстрактно-воззренческие и конкретно-практические «кейсы».

Речь здесь идёт о новом и вполне себе *ином* воззренческом (гносеологическом) и практическом *концептуализме*, не имеющем аналогов в мире в силу своего обращения через призму *философии хозяйства* (совершенно отечественном течении гуманитарной, а вовсе не только экономической, мысли) к метафизике (уже постнаучной), а потому и к трансценденции (известной неизвестности), полилектике (целостности, а не системности), эзотерике (сокрытой тайне и с нею откровенческому взаимодействию), к идеальному, духовному и софийному (первомудрости), к сознанию и ноосфере, вообще к человеку как человеку (а не просто особи, субъекту, организму, механизму, системе, составу, точке) и всему человеческому (во всех его проявлениях — как благих, так и отвратных), к экзистенции (жизни, смерти, труду, творчеству), не третируя при этом ни Великой Неизвестности, ни Иного, ни даже Бездны с Преисподней, ни Неба, а всё это рассматривая как принадлежность мироздания, миробытия, людского мирожизнеотправления, не проходя мимо и бесовского (и очень сильного!) начала в человеке, равным образом

животного, зверского, инстинктного, различая как данное исходно человеку, так и им самим обретенное, природное и культурное, естественное и искусственное, используя при этом и понятийные достижения просвещенческой (научно-философической) мысли, к примеру, такие, как те же система, энергия, информация, синергия, энтропия и негэнтропия, организация и самоорганизация, хаос и хаосмос, кризис и катастрофа, ну и эпохоисторические — Премодерн, Модерн и Постмодерн, да мало ли ещё что из наработанного умным человечеством, что думающему сознанию оперативно нужно, что работает на понимание и трактование реальности, не исключая ни древнего, ни средневекового, ни нововременского, ни новейшего, причём не втискиваясь ни в какую, уже и успевшую сдогматизироваться, парадигмальную ловушку, оставаясь не только свободным от «незыблемых истин», но и используя общепринятый, вполне и литературный, а не какой-нибудь специфический, он же «птичий», язык.

Главное тут вовсе не в том, чтобы нарочито придумывая новые термины, компоновать новую системную теорию, а пользуясь словами и терминами, в том числе и новыми, иметь *иное*, чем прежде, как раз и куда более адекватное представление обо всей реальности, её смысловой начинке, её началах и концах, её роковой экзистенции!

Евроцентрическое умственно-ментальное наваждение, близкое к помрачению, у россиян непременно пройдёт, Россия встанет на свою идейно-духовную платформу и вытянется во весь свой гигантский, но уже не пространственно-имперский, а идейно-смысловой рост, и представленная выше чарующе обнажённой в виде деликатно-исповедального оттиска актуальная отечественная гуманитарная мысль

очень России пригодится, как пригождается она и ныне, пусть и в заметно искривлённой, аки в зазеркалье, смысловой интерпретации и практической реализации, что лишь подтверждает, что сия мысль не только есть, но и находится в продуктивном взаимодействии с реальностью, которую она не только по-своему трактует, немало и нелицеприятно, но и, пусть и в сопротивлении со стороны «европеоидов», меняет, а чтобы убедиться в том, другом и третьем, как и ещё в чём-нибудь, о чём обычно в открытую не говорят, в качестве приложения публикуются в дополнение к представленному выше тексту как уже некогда возникшие, так и ныне возникающие тексты, раскрывающие как концептуальную (и трансцендентно *иную*!) заданность России, так и её текущую (тоже весьма *иную*!) данность, а также обосновывающие потребности нынешней России (опять же очень *иные*!) крутые перемены.

Обрати внимание, читатель, коли у тебя хватит интереса и духу справиться с представленными в книге доптекстами, насколько, скажем попросту, *хороша* отечественная гуманитарная мысль в своей познавательной-оценочно-провиденциальной адекватности полной загадок гуманитарной реальности, безжалостно настигающей разумно-безумное человечество и беспощадно накрывающей собою неотмирную Россию!

Всё, Господи, *уже сказано*: у России есть своё **Концептуальное Слово** и дело за... нет, не за малым, а как раз воистину за большим — за Делом, причём *иным* Делом, а не каким-нибудь ещё из уже набивших оскомину!

Да будет!

СОДЕРЖАНИЕ

Пред-СКАЗАНИЕ	3
СКАЗАНИЕ КАК СКАЗАНИЕ И КАК СКАЗКА	8
<i>СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ</i>	<i>8</i>
Начало	8
Преодоление	19
Обретение	26
Восхождение	34
Вскрытие	49
Обнаружение	54
Мир как хозяйство	76
Рось	81
История как история	87
Реалии	95
 <i>СКАЗОЧНОЕ ИНОЕ</i>	 <i>103</i>
Намётом	103
Лавой	113
Передислокация	122
Штабные игры	130
Докладная записка	136
Разговор в верхах	140
Московская реликтовая рюмочная	143
Закрытый курс лекций о сокровенном I	47
Лекция первая	148
Лекция вторая	148
Ах, это Иное!	162

<i>ИНОЕ КАК ИНОЕ И КАК НЕИНОЕ</i>	167
Оцепенение	167
Антимир	169
Генштаб	171
Обречённость	176
Запись в дневнике	179
Обращение	179
Текст I	180
Текст II	191
Текст III	199
Текст IV	201
Текст V	205
Сказочное продолжение	212
Лекция третья	212
Дневниковая запись 2	19
Лекция четвёртая	220
В кабинете трёхзвёздного генерала	231
Дневниковая запись	236
Думы	237
У Главковерха	241
Дневниковая запись	247
Неожиданное послание	248
Новое послание от главковерха	249
 <i>БЫЛЬ НА НЕБЫЛЬ</i>	 250
«Тет на тет»	250
Эсэмэска	257
Ещё эсэмэска	258

Дневниковая запись от 15.01.2022	258
Брошюра-выстрел, брошюра-залп, брошюра-канонада	259
Конспирация	263
Россия на пути к России	269
Россия во внешнем пространстве	273
«Pro» или «Contra»?	277
Рассказ	279
Иное о себе и не только	282
(Инозис)	282
Россия как Иное и Иное как Россия	285
(неясно о неясном)	285
Глаза в глаза	291
Он как есть!	300
Сон	306
<i>ПО ПРИХОТИ ИНОГО</i>	306
<i>СПОЛОШНЫЕ ИЗМЫЛИЗМЫ</i>	321
Ободрение СЛОВА СВОЕГО	368
Эпилог как АПОЛОГ	368

Литературно-художественное издание

Юр. Михайлов

ОБНАЖЕНИЕ

(исповедь учёного странника)

Сказание вперемешку со сказкой

Издаётся под авторской редакцией
со всеми её вольностями, недочётами и неправильностями

ISBN 978-5-00078-589-8

Подписано в печать 25.04.2022. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 21,86. Тираж 50 экз. Заказ 22305.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г